

«Художественная литература»

ТӘУЕЛСІЗ ҚАЗАҚСТАН:
ҚАЗІРГІ ЗАМАН ӘДЕБИЕТІНІҢ ҮШ ТОМДЫҚ АНТОЛОГИЯСЫ

*Ғасырларға жол
тартқан жақұт
жырлар*

ЧШІНШІ ТОМ

Жақұт жырлар

Москва
«Художественная литература»
2013

НЕЗАВИСИМЫЙ КАЗАХСТАН:
АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРЁХ ТОМАХ

*Дорог
небесных
вехи*

ТОМ ТРЕТИЙ

Жемчужная поэзия

Москва
«Художественная литература»
2013

УДК 82/89
ББК 84 (5 Каз)
АНТ 72

Международный издательский проект

*Издание подготовлено при участии
Союза писателей Казахстана (председатель Нурлан Оразалин),
ОО «Союз Литературных Переводчиков — Тэржіман»
(председатель Кайрат Бакбергенов),
Союза писателей России
(председатель правления — Валерий Ганичев)*

В оформлении книги использованы произведения художника
Ж. Какенулы

Дорог небесных вехи

АНТ 72 Независимый Казахстан: Антология современной литературы в трёх томах. Поэзия. Том III. Составители: Райхан Маженкызы, Георгий Пряхин. — М.: Художественная литература, 2013. — 464 с., ил.

Третий том антологии современной казахстанской литературы посвящён поэзии. В нём представлено творчество почти восьмидесяти поэтов братской независимой страны. Среди них не только казахи, но и представители других национальностей, издавна населяющих страну, ставшую для них родиной. Здесь и патриархи, и совсем ещё молодые поэты. Обаяние удивительной природы, любовь и дружба, радость и горе — вечные темы вечной поэзии отражены в этом сборнике. Многие стихи специально для него впервые переведены на русский язык. Можно сказать, сама казахстанская земля и народная душа Казахстана распахивается перед русскоязычным читателем.

УДК 82/89
ББК 84 (5 Каз)

ISBN 978-5-280-03641-3

© Составление. Р. Маженкызы, Г. Пряхин. 2013
© Оформление. Т. Ф. Погудина, 2013
© «Художественная литература», 2013

Книга — плод человеческой мысли, наделённый дыханием времени и пространства. Книге человечество доверило свои священные прозрения, открытия души. Только книга может научить, как двигаться вперёд, как избежать катаклизмов и как взобраться на вершины человечности. Книга — самый терпеливый учитель. Мы оставляем будущему своей страны — молодёжи — единственное и наиболее полное завещание: Книгу.

Нурсултан Назарбаев,
Президент Республики Казахстан

ЭТА АНТОЛОГИЯ — ЕЩЁ ОДИН ДУХОВНЫЙ МОСТ МЕЖДУ НАШИМИ НАРОДАМИ

Дорогие читатели! Литература Казахстана в последние двадцать лет независимости страны и свободы творчества вместе со своим народом смело и решительно меняет направление своего движения по новому пути.

Да, литературное многообразие Казахстана отличается уникальностью и является неотъемлемой частью нашей истории. Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев отметил, что в Стратегии «Казахстан-2050» в числе глобальных вызовов указан кризис мировоззрения и ценностей. Поэтому сегодня важно по-новому осмыслить роль и значение культуры в укреплении общеказахстанских ценностей мира и согласия. Казахская культура должна стать неотъемлемой частью глобального культурного наследия. Она должна чётко распознаваться в системе восприятия культурных ценностей различных народов мира. Это касается всех видов современного искусства — музыки, театра, кино, литературы, живописи и т. д.

В 1958 году в Москве на русском языке была издана «Антология казахской поэзии» с предисловием М. Ауэзова и Т. Алимкулова. Теперь, более полувека спустя, международный издательский проект «Независимый Казахстан: Антология современной литературы в трёх томах», осуществляемый московским издательством «Художественная литература», вносит новый весомый вклад в популяризацию на нашем общем культурном пространстве казахской литературы, имеющей большое значение для нравственной и духовной жизни страны.

В трёх томах собраны лучшие произведения казахских авторов. Современный казахский литературный процесс сегодня невозможно представить без той своеобразной ноты, которую приносят в него писатели и поэты многих национальностей, обогатившие литературу именно в годы независимости значимыми

прозаическими и поэтическими произведениями на темы современности и исторического прошлого.

Надеюсь, что этот трёхтомник будет с интересом встречен российскими читателями.

Антология показывает состояние нашей современной литературы, связанной с многовековой литературной традицией, тысячами нитей вплетённой в выпавшее каждому автору и его творениям время. Это — своеобразный мост, который ведёт к более глубокому знакомству с нашей культурой, крепит духовные основы многовековой российско-казахстанской дружбы.

Представляя широкой аудитории читателей уникальную антологию современной многонациональной литературы независимого Казахстана, хочу выразить признательность составителям, переводчикам и издателям за их огромный труд, за то, что они осуществили перевод произведений на русский язык и подарили нам радость новой желанной встречи.

Кайрат Келимбетов,
заместитель Премьер-Министра Республики Казахстан

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» в своё время было тесно связано со всеми республиками Советского Союза. Здесь выходили лучшие произведения писателей всей великой страны. Издательство, всегда являвшееся эталоном качества, печатало как русскую классику, так и национальную классическую литературу. Его книги имелись в каждом интеллигентном доме, соединяя весь думающий Союз: и тех, кто читает, и тех, кто пишет.

Многое изменилось с тех пор. Нет великой страны, бывшие национальные республики стали самостоятельными государствами. Изменилось и само издательство, как и издательское дело в целом: нет уже глобальных тиражей, книга претерпевает жестокие испытания. И всё же тяга к художественному слову сохранилась на всём постсоветском пространстве. И наше издательство, вставая постепенно на ноги после разрухи девяностых, старается в известной мере, на новом историческом этапе, возродить былые достойные традиции. Устанавливаются партнёрские отношения с центрами культуры ближнего зарубежья, при содействии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) выходит многотомная библиотека «Классика литературы СНГ».

Наиболее активно развиваются связи «Художественной литературы» с дружественным Казахстаном, чей позитивный опыт развития экономики, социальной и культурной сферы сейчас с огромным интересом воспринимается на постсоветском пространстве. На русском языке выходят книги классиков казахской литературы, произведения современных писателей, философов, публицистов.

Среди этих проектов выделяется совместное издание трёхтомной антологии современной многонациональной литературы независимого Казахстана.

Да, независимость любого государства зиждется не только на экономическом, политическом, но, несомненно, и на духовно-нравствен-

ном фундаменте, в закладке которого огромную роль играет литература, фольклор, Слово. И в этом смысле произведения, которые издательство представляет в этом трёхтомнике, и впрямь тесно связаны с процессами возрождения Казахстана. В какой-то степени этими процессами обусловлено и само их появление. Но не менее очевидно и влияние лучших, самых значительных достижений литературного творчества и на рождение, укрепление и развитие самой казахстанской государственности, если понимать её в широком, не только общественно-политическом, но и в чисто человеческом, гуманитарном плане.

В антологии, повторяем, представлены на русском языке произведения авторов разных национальностей и различных возрастов, проживающих не только в двух замечательных столицах — Астане и Алматы — но и в казахстанской глубинке. В подборе антологии, в переводах на русский язык, в самом её издании, которое, несомненно станет заметной вехой в российско-казахстанском сотрудничестве в целом, большое содействие оказал Фонд имени Немата Келимбетова, известного казахстанского учёного-тюрколога, философа, писателя и публициста. Его книги, к слову, также выходили на русском языке в издательстве «Художественная литература» и тепло приняты не только в Казахстане, но и в России, а также в ближнем и дальнем зарубежье.

Антология состоит из трёх фундаментальных частей. Открывается она томом, посвящённым современной детской литературе дружественной станы. Эта книга, можно сказать, предназначена не только для ребятшек — она хороша будет и для семейного чтения.

Второй том антологии представляет современную казахстанскую прозу.

Заключает антологию собрание нынешней казахстанской поэзии.

Книги проиллюстрированы работами казахстанских художников. В каждой из них даны краткие биографические сведения о представленных авторах.

Надеемся, что наш совместно с казахстанскими коллегами принятый труд найдёт живой отклик у самого широкого круга читателей, где бы они не жили: в России, в Казахстане или за их пределами.

Издательство «Художественная литература»

ОТ СОЛНЦА ЗАЖИГАЮ
СВОЙ ОЧАГ...
Стихотворения

МУЗАФАР АЛИМБАЕВ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО В КАЗАХСТАНЕ

(цикл стихотворений)

1. В ПУСТЫНЕ

Поэт в солдаты был забрит
И брошен в жаркий зев пустыни.
О, сколько тягот предстоит
Поэту вынести отныне!

Вместит ли в тысячу стихов
Страданья он, что сулят годы?
Но не найти таких оков,
Чтоб обескрылить песнь свободы!

2. НА БЕРЕГУ АРАЛА

Не спится. Тяжко. К ветру с моря
Разгорячённым стал лицом.
Как узник, со стихией споря,
Арал клокочет подо льдом.

Горька ты, как вода Арала,
Судьба. Надежда, не сгори!..
Как знамя Воли, светит ало
Огонь алаевой зари.

3. ЧАЙКА

О свободы чайка белокрылая,
Улетишь ты — сердцем я остыну
И забьётся море, волн не милуя,
Будто мать, что потеряла сына.

Гладь Днепра родимого далёкая,
Все мечты мои к тебе несутся.
Чайкой над прибрежною осокою
Мне б взлететь и струй твоих коснуться!

4. ВСТРЕЧА С НИЩИМИ ДЕТЬМИ

Два мальчугана, два казахских брата,
Голодной доли досыта хлебнув,
Просили подаянья у солдата,
Ручонки, словно плети, протянув.

Что, нищие, вы от солдата ждёте?
Видать уж, бедняки, во все года
У бога мы в особенном почёте.
Везде нужда, везде нужда, нужда...

Хотел бы я, коль силу дали мне бы,
Взмахнув свободным молодым крылом,
Достать для всех озябших солнце с неба,
Детишек напоить всех молоком.

Когда бы великана сердце билось
В груди моей, отвагою горя,
То посадил на трон бы справедливость
Я вместо угнетателя-царя!

О, светлый час свершенья этой цели!..
Сидел солдат угрюм и молчалив,
Смотря, как двое ребятишек ели,
Пайковый хлеб солдатский разделив.

Далёкое — дороги близят часто.
Дружите, люди всей земли, на счастье.
Крепите дружбу прочными дорогами,
Чтоб не разбился шар земной на части.

5. ДРУГУ

Мой младший тёзка Музафар!
Ты той весной был подростком,
Ты должен помнить ветер звёздный,
Спадал уже полдневный жар,

Душистый расцветал урюк —
Был «месяц шёлкового ветра»,
И твой отец, мой давний друг,
Вникал до самого рассвета

В народных песен стройный лад,
Искал жемчужины созвучий...
Он был бессоннице той рад —
Ночами думается лучше.

А ты... Уроки сделав, ты
Уснул, как только в детстве спишься.
В зелёные поля мечты
Тебя умчала колесница

Крылатых снов... И вдруг — толчок!..
Как будто мощная пружина,
Легко пласты земные сдвинув,
Толкнула улицу в плечо.

И содрогнулась махалля,
И, сотрясаясь, как в ознобе,
С какой-то непонятной злобой
До неба вздыбилась земля.

В тот миг отец, что силачом
Лишь в детских снах казался сыну,
Тебя, большого, на плечо
Легко, как маленького, вскинул.

И со второго этажа,
Забыв про лестницу от страха,
От страха за тебя дрожа,
На землю он шагнул с размаха.

...В ту ночь качалась под ногами,
Как после плавания, земля
И трещины по ней кругами

Шли, как живые, шевелясь,
Людей о помощи моля.

Но материнскими руками
Отчизна подхватила вас,
И погасила жадный пламень,
И слёзы вытерла у глаз.

Она подставила плечо
Под ваши горести и беды —
Тем памятным ташкентским летом
Ей тоже было горячо...

И возродился ваш Ташкент
В стократ наряднее и краше,
Мой младший тезка, Музаке!
Сегодня стал ты строже, старше.

Как город твой, похорошел
И возмужал, бедой испытан.
Но знаю я — хранишь в душе
Воспоминаний трудных свиток:

Там ночь и щуплый твой отец,
В миг трудный ставший исполином,
Там тысячи родных сердец.
Которым ты в ту ночь стал сыном...

И твёрдо верю я — когда
Пробьёт твой час помочь Отчизне,
Шагнёшь ты, не жалея жизни,
Как твой отец шагнул тогда.

ДМИТРИЙ СНЕГИН

ВЕНОК АБАЕВСКИХ СОНЕТОВ

Светлой памяти Мухтара Ауэзова

I

Мечтания о золотой поре...
Ах, детству Чингистау нет возврата!
Одна услада — на черте заката
Твои рассказы, бабушка Зере.
О, эти сказы! Стужа в январе,
А сердце страхом, радостью объято,
Когда ведомы выдумкой богатой
Батыры, мнилось, бьются на дворе
И воют волком дальние лощины.
Но ласковы у бабушки морщины,
Дарующие веру и покой.
Забыта боль отцовской нелюбови.
И светлый сон заботливой рукой
Сомкнул глаза, расправил тихо брови.

II

Прикрыл глаза, расправил тихо брови, —
Который год он в стенах медресе?
Сверкают в нём, подобные росе,
Слова надежд, открытых в книжной нови.
Ахмет-Риза час от часу суровой:
Абай ослушник, не такой, как все.
Легендою о недостойном псе
Грозит мулла, и розги наготове.
Абаю по душе святой Коран —
В нём суры все воистину прекрасны!
Но разве книги русские опасны?!
Молчит наставник, бесится буран.

А жизнь полна условий и пресловий
И стоит много разума и крови!

III

И сколько портишь разума и крови
Ты, родовая распря и вражда!
Тебя питают злобою нужда,
Овечий мор или падёж воловий.
Навет и подкуп вкупе наготове
Перед лицом третейского суда...
Абай, Абай, летят твои года,
Как вольных птиц, ты их потом не слышишь.
Трудись, Абай. Пытливый твой народ
В неведеньи, но ждёт твоих щедрот
И в родовом суровом прозябаньи
Вынашивает думу о добре...
Абай в судейском форменном чапане
Идёт навстречу утренней заре.

IV

Идёт навстречу утренней заре
Бесстрастный бий, поэт или мечтатель?
Он будет благодарен этой дате,
Отмеченной в степном календаре.
Ему покойно грезить на бугре
Столетий... Время, не спеши, предатель.
Ещё мне рано думать об утрате,
Что скачет на разгневанном буре
И исчезает за холмистой далью,
Пронизанной и светом и печалью...
Восход дрожит на травах, на домбре,
На листьях ветел, дрёмую объятых,
На облаках недвижных, но крылатых
И на халата полах в серебре.

V

На полах чапана, что в серебре, —
Едва приметный след дорожной пыли,

И тучи белогрудые уплыли,
 Как Кюи, сыгранные о себе.
 Но все, что спето о богатыре —
 Легенды, сказы, а быть может, были
 Номады степи в сердце сохранили,
 Как суры Магомета о добре.
 Абай, Абай, не начаты дороги:
 Ты только утвердился на пороге
 Того пути, где кончиком пера
 Означена в простом правдивом слове
 Подвижничества строгая пора, —
 Тропа надежд, дерзанья и злословий.

VI

Тропа надежд, дерзанья и злословий,
 Ты поросла мечтами, как бильём.
 В трудах он день проводит. А потом
 Помчится в степь и каждый призрак ловит,
 И виноградной ягодою в плове
 Его манит звезда тугим лучом,
 И резкий щёлк взрывается бичом
 Над крупом скакуна, сеча до крови.
 Что значит истина? И что любовь?.. Любовь —
 Она, как повод, в кулаке зажата!
 Но лжёшь ты, сердце, и тебе расплата
 То слёзы Салтанат, то предков зов...
 Перечитав седых преданий повесть,
 Постигнул он любовь, разлуку, совесть.

VII

Постигнул он любовь?.. разлуку... совесть?
 Его приемлют знатные верхи?
 Молчит Абай, безмолвствуют стихи, —
 Мудрец не в дружбе с миром пустословий!
 Его творения приверженец усвоит,
 И в час, когда особенно тихи
 Джайляу, чутки в сёдлах пастухи
 И даль степная что ни миг лиловой —

Кокпай поёт их и несёт в народ...
 Стихи кочуют так из рода в род,
 Им внемлет степь в надежде и тревоге.
 Стихи бунтуют в юрте, на ковре,
 И согревают под шатром убогим.
 Стихи — как огонь на кочевом костре!

VIII

Стихи — как огонь на кочевом костре!
 Поток низвергаются с отрогов,
 И «Выхожу один я на дорогу»
 Уж не твердит он грустно на заре.
 О Лермонтов, Алтаю, Сырдарье
 Ты подарил мятежную тревогу.
 И не судья внимательно и строго —
 Акын глядит в степную даль, прозревая.
 Из беспредельных ширей Казахстана
 И Баян-Слу и русская Татьяна
 Зовут на дружбу вечную сердца.
 И лезвием дамасского кинжала
 Он вырезал на память три венца —
 Домбра, подобно лире, зазвучала!

IX

Домбра набатным гимном зазвучала.
 Отныне он не подпевало, а творец!
 Пусть отрешил несправедно отец
 И предал анафеме фискалы, —
 Обрёл он свету и добру начало
 И слабодушию определил конец.
 Он мужем стал, он больше не юнец:
 Так много прожито, а сделано так мало.
 Так много отдано раздорам... Но уйми
 Свой гнев, Абай, теперь он беспричинен:
 Нет места ни сомненьям, ни кручине.
 Певучие газели Низами
 С чела теснят угрюмость и усталость:
 Пора свершений, видит Бог, настала!

Х

Пора свершений, видит Бог, настала...
 Сын в Петербурге учится, растёт.
 Но не забыл, влечёт его, влечёт
 Родная степь, как в детстве зазывала,
 Дурманя полынком, чаруя маком алым.
 И сын второй — священной дружбы плод
 (Он сладкие надежды подаёт),
 Померялся в айтысе с аксакалом.
 Опора жизни, радость — сыновья,
 Абдурахман и юный Магавья,
 О, далеки волнений ваши сроки!
 Выстраиваются в ряд, к звену звено,
 То Физули, то пушкинские строки.
 Но почему за окнами темно?

ХІ

Поют в степи. За окнами темно...
 А зимний вечер, как кочевье, долог.
 И мудро разливает Долгополов
 В сосуды предков терпкое вино —
 На дружбу приготовлено оно!
 Абай догадок и открытий полон:
 — Я приоткрою над судьбою полог,
 От нас сокрывший истину давно!
 Глаголы, сердце жгущие, взыграли,
 Всему есть место: радостям, печали...
 — Дарует вдохновение народ.
 Иди своей дорогою без страха! —
 И россиянин крепко руку жмёт,
 Приветствуя великого казаха.

ХІІ

Приветствуя великого казаха,
 Спешат к нему желанные друзья.
 Так долго, умоляя и грозя,
 Он вызволял поверженных из праха,

Из бытия нёмого, словно плаха:
 Честь и свобода, — жить без них нельзя!
 О ты, провидца гордого стезя,
 То мчишься в бездну, то к вратам Аллаха.
 Абай себя друзьям приносит в дань.
 Земля родная, поднимись, восстань.
 И устремись к вершинам совершенства!
 Он пыль забвенья отряхнул давно:
 Какое это острое блаженство:
 Пирует юность, с ней он заодно!

XIII

Пирует юность. С ней он заодно?..
 Как горько, как жестоко он обижен.
 Проходят годы, старость ближе... ближе, —
 Джигитов хоронить ей суждено!
 Звезда летит в открытое окно.
 О, пролети ты мимо пролети же...
 И голова склоняется всё ниже
 Над гробом сына: он увидел дно.
 Грудь разрывает боль о старшем сыне...
 О, ад небес, куда же деться ныне:
 В гробу лежит любимец Магавья?!
 Им жил Абай — в грядущем весь, с размаха
 Мостом над бездной положив себя,
 Не зная ни безверия, ни страха,

XIV

Познал безверье, не избегнул страха?
 В груди не стон, не горькая мольба —
 Поэт один, и перед ним судьба,
 Возникшая из мирозданья мрака.
 Разорвана у ворота рубаха —
 За юность продолжается борьба!
 Не зарастёт к нему любви тропа,
 И не погаснут знаки Зодиака!
 Он не сорвётся в бездну с крутизны.
 Его стихи, как марш Курмангазы,

Расправив крылья, плавно и свободно
Летят навстречу утренней заре,
Осенены любовью всенародной
Мечтания о золотой поре.

XV

Мечтания о золотой поре...
Прикрыл глаза, расправил тихо брови:
О, сколько портишь разума и крови,
Стремясь навстречу утренней заре!
На полах чапана, что в серебре, —
Следы надежд, дерзанья и злословий.
Постигнул он любовь, разлуку, совесть,
Стихи — огонь на кочевом костре.
Домбра набатным гимном зазвучала:
Пора свершений, видит Бог, настала.
Поют в степи. За окнами темно.
Приветствуя великого казаха,
Пирует юность, — с ней он заодно,
Познав сомненья, но избегнув страха!

КАКИМБЕК САЛЫКОВ

ДВЕ КАРЕТЫ

Через мост двум каретам пути пролегли,
И навстречу друг другу промчались кареты.
И в одной торопилась домой Натали,
А в другой на дуэль увозили поэта.
Только пуля имеет над гением власть.
И свершила судьба приговор деловито.
— Я ни в чём не повинна! —
В рыданиях зашлась
Натали, непосильным известьем убита. —
Что сравнится с великой утратой моей,
Как смириться мне с нею, скажите на милость.
Разве кто-то любить меня сможет сильней?
Он спешил на дуэль —
Я домой торопилась...
Царь в сравнение с поэтом нёмыслимо мал.
Той дуэли с годами раскрыты секреты.
Но откуда — никто до сих пор не узнал —
Возвращалась на Мойку вторая карета?
Мост. Зима. И движения встречного ряд.
Разминулись, промчались две эти кареты.
...До сих пор почему-то туманится взгляд,
Стоит только представить картину мне эту.

* * *

На берегу реки по пояс травы,
Ты вспоминаешь детские забавы.
Вкус мёда... Я ж хочу, чтоб, как вчера,
Меня опять ужалила пчела.
Аул. Душистый чай у самовара.
Сам самовар на белых крыльях пара.

Чай подаёт мне женская рука...
А мне б глоток воды из родника.

* * *

Теплом весны повеяло-подуло.
Но лёд блестит, не уступив весне.
Берёзки, как девчата из аула,
Столпились и судачат обо мне.
«Женился! Выбрал в жёны городскую!» —
Всё шепчет осуждающе одна.
А мне отраднo. И душа ликует,
Что всё же помнит обо мне она.

* * *

Извечно к солнцу тянется подсолнух.
Ему светлее солнца — света нет.
А для сердец восторженно влюблённых
Куда как лучше — лунный полусвет.
В миг откровения каждый лишний — лишний.
При свете солнца — шёпот оборви.
А ночью шёпот — преданный сподвижник
И покровитель таинства любви.

* * *

Я — за весомость слова. За весомость!
Вот вдумчивой поэзии черты.
Я знаю: в легкомыслии весёлом
Сокрыта невесомость пустоты.
Цена стихов не в вычурной находке,
А в весе мысли, в думах о земле...
Плыть по теченью можно и на лодке,
Но против бури — лишь на корабле.

* * *

Не шевельнись. Хотя глаза открыты.
Ревёт будильник долго и натужно.
Уехала ты словно лишь вчера.
А мне уже сегодня слышать нужно:

«Вставай!» И нежным шёпотом: «Пора!»
 Я так привык к тебе за четверть века!..
 И утром одинок я до отчаянья.
 И не заменит мне тебя никто.
 Всё вижу, как под милое ворчанье
 Застёгиваешь ты на мне пальто.

* * *

В траву степную легкий след впечатав,
 Бегут сайгаки, расплескав росу.
 И, как грибы, — за ними сайгачата
 Рассыпались вдоль речки Сары-Су,
 Степь ожила от топота сплошного.
 Вдали тянулась гор казахских цепь...
 А осенью ушли сайгаки снова,
 Оставив исцелованную степь.

САУМАЛКОЛЬ

Родное озеро — Саумалколь —
 Горит на солнце, водой сверкая.
 А в сердце медленно тает боль...
 Брожу по берегу. Привыкаю.
 Ищу тебя, а тебя всё нет.
 Смотрю на озеро то и дело,
 Как будто гладь его твой портрет
 С тех пор далёких запечатлела.
 По кромке берега за скалу
 Уходит тропка. Прозрачны дали.
 Как конь, который привык к седлу,
 Я привыкаю к своей печали...

ВЫБИРАЙТЕ ДРУЗЕЙ

Мы научились сердцем понимать:
 Не выбирают родину и мать,
 И это ясно молодым и старшим.
 Друзей дано нам в жизни выбирать.

И тут, поверьте, ошибаться страшно.
 Не может умный обнимать глупца,
 Вести с ним задушевную беседу.
 Не может честный верить в подлеца,
 Идти с ним по предательскому следу.
 И если тот, кто раньше другом был,
 Вдруг обманул и веру загубил, —
 Он будет мною вычеркнут из сердца!
 Давайте крепче верить и любить,
 Как соколы, крылом к крылу парить
 И дружелюбием в ненастье греться.
 С годами становлюсь добрей — не злей —
 Естественно такое для поэта.
 Дано нам в жизни выбирать друзей,
 И благодарен жизни я за это.

ОТВЕТ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Я поэта спросил с любовью
 О тревожном его здоровье:
 Как такое могло случиться,
 Что он стал подолгу лечиться?
 Он ответил: — Негоже мне
 Быть здоровым
 В больной стране.

ЯН ВОН-СИК

ЗАВЕЩАНИЕ (Фрагмент баллады)

Ли Хак Суну посвящается

Бирюзовыми волнами ветер играет лениво.
Головою усталую клонится солнце всё ниже.
Стайка лодок, беременных рыбой, скользит по заливу,
ближе,
ближе к родным берегам.
И горячие брызги заката
на бронзовых лицах.
На душе безмятежный покой:
поработали славно!
И улов по труду — да какой! —
этим можно гордиться.
Нынче всем улыбнулось рыбацкое счастье...

Да, весна в том году обещала удачу.
И река битый лёд голубой
уносила в безбрежную даль.
Вешний ветер ярился, трепал паруса, завывая натужно.
Вширь Или разливалась.
И дружно
с гор сбегали ручьи,
унося свои талые воды в долину.
Вереницы судов на стремнине.
— Поскорей, торопись! — подгонял бригадир.
Рыбаки поспешали — рыбной ловли сезон.
Вот лихая забава!
Сильным, ловким — им всё по плечу!
За рассветом,
хмелея от свежего ветра,

ушли рыбаки...
Положиться на каждого можно.
А иначе нельзя.
В этом соль, непреложный
рыбацкий закон.

Ли Хак Сун говорил не спеша,
вольный ветер ладонью руки разрубая:
«Первым ловом
мы дверь открываем путине.
Словом,
чем он богаче, тем будет удачнее год.
А хороший улов на реке — к урожаю в полях».

Так любил говорить Ли Хак Сун,
а уж он-то знал всё.
Знать, не зря говорили:
духи рек и озёр его в тайны Или посвятили.
Зря не скажет народ...
Да, зима на просторах речных
здесь не сразу сдаётся.
Ещё в силе мороз, а рыбак уже чувствует,
сердцем чувствует, что в ночь эту тронется лед.
И пошёл ледоход, вслед за ним косяки.
Ставьте сети свои, рыбаки!
Тут уж время не в счёт.
Дни и ночи — бессонная вахта.
Все заботам обыденным рады.
И не ради корысти,
не одной только выгоды ради.
Здесь рыбацкий азарт верховодит,
побеждая усталость и сон.
Он — в крови рыбака.
По наследству азарт переходит...

Осень тридцать седьмого на Дальнем Востоке —
шла путина большая.
Всё своим чередом.

По привычному кругу
 нарождалась на небе восьмая луна.
 Был Чусок на носу.
 В поле зрел урожай,
 в море рыба ловилась.
 И тогда, будто гром среди ясного неба:
 Трое суток на сборы!..
 Это было уже. Это было когда-то.
 Что за доля такая — дважды изгнанным быть!
 И за что мой народ впал в нѣмилость пред Небом!..
 Нет ответа, ответа не будет.
 Изболелась душа, без вины виновата...

Что с собою возьмѣшь?
 Дом родной не прихватишь,
 и из моря не вычерпать рыбу,
 урожай не уложишь в карман...

Помнит Ли —
 при прощаньи туманно и холодно было Охотское море,
 Помнит, как завывал ранней осенью ветер восточный.
 Как тянулись составы один за другим —
 на закат, на закат, на закат..
 И как долог и труден был путь.
 И сдержать себя не было сил.
 Ведь для многих тот путь оказался последним.
 И на каждой версте здесь до сотни могил.

*На дорогу глядел
 и не видел дороги от слѣз...*

Помнит Ли,
 как он праздник Осеннего Вечера встретил в пути,
 Не под бой барабанов —
 под грустную песню колѣс.
 Помнит детскую песенку —
 голос, дрожащий от слѣз:

*Из Восточного моря в селение к нам
приплыла Черепаха по бурным волнам.
Королевским встречай угощеньем!..*

Нет, не встретит никто.
Где-то там, далеко,
там дома, как могилы,
там могилы отцов
порастают дремучей травой,
колос зёрна роняет на землю,
как слёзы,
рыба мёрзнет в воде
и бесшумно уходит в морские пучины,
а на отмели гуси готовятся в дальний полёт.
Унесённая ветром
в середину залива,
одинокая лодка плывёт
в пелене снегопада.

*Только в дальней дороге
поймёшь ты людские надежды...*

Те, кто всё же добрался до края земли,
кто прошёл этот путь до конца,
вспоминая далёкий потерянный рай,
сжали волю в кулак
и скрепили сердца —
надо жить!
И они обживали неведомый край.
Лишь глухая печаль
по ночам омывала им сердце,
била тяжело в виски.
Так лишь волны шумят, ударяя в причал...

Ли Хак Сун осмотрелся:
«Что ж, попробуем жить!»
Он ведь твёрдо стоял на земле и труда не боялся.
Соль Охотского моря, крутые шторма,

обжигающий ветер не только лицо продубили...
 В Ли Хак Суна поверили люди
 и сразу его полюбили
 за его прямоту, за упорство и твёрдость,
 а ещё за большое и доброе сердце.

Все, что было у Ли, —
 говорунья-жена, шаловливые дети
 да рыбацкие сети.
 Вот и всё состояние Ли!

Кстати, здесь до его появления
 рыбу сетью никто не ловил.
 Надо прямо сказать, что селу повезло несказанно,
 Если даже крутое Приморье не знало
 равных Ли рыбаков.
 И не только Приморье...
 Восемь лет он ходил капитаном рыбацкого судна,
 был главою артели.
 И не только в словах,
 но и в деле был смел и отважен.
 Скажем так,
 что талант жоака в Ли Хак Суне от бога.
 Все его признавали...
 И сердце держал он открытым.
 Головы никогда не терял.
 Никогда не юлил,
 рыбу в мутной воде не ловил...

...За семь лет Ли удвоил уловы
 и возглавил рыбацкое дело в посёлке Куйган.
 ...Расцветало село, оживала земля,
 и за крепкой железной спиной его
 людям было спокойно.
 ...Знаю я, что ничто в этом мире не вечно:
 и к железу приходит усталость.
 Знаю я, что завистники были и были наветы.
 Но о них говорить — слово бросить на ветер...

Да и где они?! —
даже имён не осталось.

Скручен тяжким недугом,
Ли Хак Сун написал завещанье —
уникальный по сути своей документ.
Как хозяйство вести? Как удвоить уловы?
Кем его заменить? Что построить и где?
...О жене и о детях ни слова!

...Вечный пленник у рек и озёр Ли Хак Сун,
знаю я, что святая душа не парит, не витает —
обитает отныне, как рыба, в реке под Куйганом...
По себе ты оставил лишь добрую память,
а ещё сыновей, — все достойны отца, —
и любимую дочь.

*Я в мыслях тороплюсь к излучине речной,
гляжу из-под руки — о берег ветер бьётся.
Хлопочут рыбаки.
Повсюду лодки, лодки.
И только нет одной...*

ВАЛЕРИЙ АНТОНОВ

* * *

Улыбались над кроваткой,
Становили к косяку,
Постелили за оградкой
Спать до времени сынку.

Поправляли одеяло,
Расправляли голова.
Поредела и увяла
Порыжелая трава...

Камень, скромная приписка...
Листья сыплются с куста.
Ни звезды, ниobelиска,
Ни угрюмого креста.

Что тебя, дружок, сгубило?
Что прервало нить твою?
Меньше всех твоя могила,
А — стою, стою, стою...

* * *

Когда я отсюда уеду,
Махнув на прощанье рукой,
Трёх гончих по свежему следу
Тыпустишь, одну за другой.

Мне первая вцепится в горло,
Как только исчезнет из глаз
Дождём перечеркнутый город,
Где счастье покинуло нас.

Мне на спину прыгнет вторая,
 Когда в середине пути
 Шепну я: «Прости, дорогая...
 За всё, чем обидел, прости».

А третья с дороги собьётся
 И сдохнет в степи иль в лесу,
 Как тот, кто споткнётся, сопьётся
 И сам уподобится псу.

ПЛАЧ

Продали задёшево,
 Схоронили заживо
 Милого, хорошего,
 Моего, не вашего.

Уводили из дому,
 Отравляли горькою,
 Хмурого, нечистого
 Возвращали с зорькою.

Знала я и чуяла,
 Чем всё это кончится,
 Плакала, к врачу вела —
 Вспоминать не хочется.

Сколько нами нажито,
 Столько же и прожито.
 В кольцах крали ваши-то
 Ходят отчего ж это!

Тёртые да битые,
 Вы, как он, не глупые,
 Лавочки сытые,
 Псы золотозубые.

Что вам все последствия?!
 Попадётся, справитесь.
 От стыда под следствием
 Сроду не удавитесь...

Чёрные все вороны,
 Но бывают белые.

Долго жить ворованным
Не умеют бедные.

* * *

Что ж ты, мама, говорила:
«Всё уладится, сынок»,
А сама глаза закрыла
Неожиданно, не в срок.

Неподвижная лежала,
Неумевшая лежать.
Никого не утешала,
Не хотела утешать.

Вся к тебе родня слетелась,
Даже дальняя родня
С горя чёрная расселась
Наподобье воронья.

И не выживу, казалось,
Я от горя своего,
Потому что не касалось
Это больше никого,

Потому что был на свете
Я отныне одинок...
Только дети...
Что там дети!
«Всё уладится, сынок»...

И. П. ШУХОВУ

Когда такси по городу ночному,
Покачивая, мчит меня домой,
Завидую я встречному иному,
Возникшему и схваченному тьмой.
Он не обязан никому другому

За этот путь, надёжный и прямой,
 Какой на вас тогда навеял дрему
 Да и увёл от суеты земной...

И чтоб со мною было чуть иначе,
 Плачу вперёд, не ожидая сдачи, —
 Бери, Харон, да лишку не спроси.
 Не знаешь ты, какой высокой жизни
 Был подведён рукой твоей в отчизне
 Итог в ту ночь по счётчику такси.

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВУ

Ничто меня не убивало
 Так и в глаза, и за глаза,
 Как настигавшая, бывало,
 Его поэзии гроза.

Там поминутно суд вершила
 Над плотью в душном чреве твердь,
 Кровь ярко вспыхивала в жилах,
 А ум окутывала смерть.

Там возникала изначально
 Степи и неба высота,
 Безумно, вольно, беспечально
 Из уст пришедшая в уста.

И как тебя я понимаю,
 Хрестоматийной речи сноб,
 Когда и сам не унимаю
 Искарриотовский озноб,

Стремясь придать забвенью это
 Почти преступное родство
 С землёй, родившей нам поэта
 И жадно обнявшей его.

С чуть-чуть косящими глазами,
До жизни и до смерти злой,
Под золотыми образами
Он создал каждый образ свой.

И на душе такая нега,
Что не теряет волшебства
Вся в вифлеемских звёздах снега
Его сгубившая волхва.

ТУМАНБАЙ МОЛДАГАЛИЕВ

* * *

В моей душе — и радости и грусть,
В ней мир царит и происходят войны.
В моей душе и Азия, и Русь,
Как сёстры, уживаются спокойно.
В моей душе есть зло и есть добро,
В ней глубоко запрятано отчаянье,
В ней точных слов хранится серебро
И золото ненужного молчанья.
В ней, словно дыня, вызревает песнь,
Упруго наливаясь нежной силой.
В моей душе любовь к Отчизне есть
И к женщине, свободной и красивой.
Моя душа сомненьями полна,
Которых не поймут мои потомки.
Пускай чужая для тебя она,
Но ты не думай, что она — потёмки.
Но ты себя не чувствуй чужаком —
Пускай в глазах доверие искрится!
Входи мне в душу, словно в добрый дом,
Где всем с тобой готовы поделиться...

МОСТЫ

До гениальности просты,
Достойны восхищенья,
Летят над реками мосты
Свидетели движенья.

Летят они через века
И, времени не внемля,

Соединяют берега,
Объединяют земли.

Их разрушали до поры,
Бомбили и взрывали.
Но вновь стучали топоры,
И вновь мосты вставали.
Пусть наши мысли, что чисты,
В пути преград не знают.
Пусть наши песни, как мосты,
Сердца соединяют!

* * *

По нашим неизведанным горам
Не ходят неподкованные кони.
Ты всё поймёшь, когда увидишь сам —
С вершины их весь мир
Как на ладони.

Мы — дети гор.
И мы не помним зла,
Хотя его немало испытали,
Глаза у нас острее, чем у орла,
Сердца прочнее самой крепкой стали.

Мы — дети гор.
Мы многим не чета,
Мы не боимся ни жары, ни стужи.
И слава, что пьянит, как высота,
Уже давно нам головы не кружит.

Горды, как скалы, наши старики,
Ясны душой, как солнечное утро.
Они вперёд глядят из-под руки,
Грядущее предсказывая мудро.

Мы говорим им вежливо: «Салам!»,
Прижав к груди широкие ладони.

По нашим неизведанным горам
Не ходят неподкованные кони.

* * *

Ревнивица моя, что это значит? —
С годами жажда жизни всё сильнеей.
Сегодня я и крохотной удаче
Безмерно рад, я опьяняюсь ей.

Я не всегда душою бодр и светел,
И время, не проси его, не ждёт.
Не вечно человек живёт на свете,
Наступит срок — и человек уйдёт.

Я не узнаю старости, возможно.
Веди ж меня, земная круговерть,
Носи по свету и, неосторожный,
Я не замечу, как подступит смерть.

Отец и мать мои, прожив высоко,
Ушли до времени, дитя своё любя.
Я не хочу состариться до срока,
А значит, надо в руки брать себя.

Всё одолею — и простор, и смерчи,
И жизнь моя несчётных тайн полна.
Ревнуешь? Что ж, ревнуй,
Но только к смерти,
Она — твоя соперница, она!

ЯЗЫК МАТЕРИ

Ещё одно степное слово впрок
Усвоил ты сегодня, мой сынок.
Кто в мир пришёл казахом,
Тот казахом
Обязан с ним проститься в должный срок.

Потом другие подойдут деньки —
И вникнешь ты в другие языки.
Но знамени, сынок, родного края
Не выпускай из крепнувшей руки!

Я бабушке твоей внимать привык,
Мне открывался слов её родник.
Кто матери язык не понимает,
Тот не поймёт и Родины язык.

Слова, сынок мой,
Входят в отчий дом
Надеждами, любовью и трудом.
От матери прими язык казахов —
Судьба к нему приложится потом.

* * *

Если жизнь покажется порою
Гордой, неприступною горою,
Я взойду на самый грозный пик —
Просто я иначе не привык.

Если жизнь мне явится однажды
Чёрной саранчою силы вражьей, —
Я — джигит, я первым брошусь в бой
И с победой возвращусь домой.

Если жизнь (а вдруг и так случится)
В мёртвую пустыню превратится, —
Превращусь в живительную влагу
И в пески дождём навеки лягу.

Если жизнь, что мне дана в наследство,
Будет беззащитною, как детство, —
Я её лелеять не устану,
Самой доброй матерью ей стану.

Если жизнь, как караван печальный,
Заплутает вдруг в дороге дальней, —

Вот тогда сквозь бури и туман
Поведу вперёд я караван.

Жизнь меня испытывала часто
Болью, горем, подлостью и счастьем,
Только я не сдался и не сник —
Просто я иначе не привык.

* * *

Вечно в спешке — таков наш удел.
Всё труднее и круче пути.
Ох, скорей отдохнуть бы от дел!
Поскорей бы удачу найти!

Всех друзей я собрал бы тогда,
Пышный той бы я им закатил!
И вином, как лихой тамада,
Допьяна бы гостей напоил.

Как батыр, победивший в бою,
Позабыл бы я горечь невзгод,
Если б мне благодарность свою
Подарил мой любимый народ.

И когда после шумного пира,
На родной стороне среди дня
Я засну, отдалившись от мира,
Ты не верь, что не стало меня!

* * *

Триста вёсен цветет эта груша,
Плодоносит, не зная беды.
Сколько раз — ненасытных, орущих, —
Нас нектаром поили плоды.

Триста лет наливается соком,
В глубь корнями вращая навек,

Чтоб с землёй этой связью глубокой
Был пропитан земной человек.

Древо верит себе, в свои корни,
В материнскую силу свою...
Может, этой борьбы непокорной
Сладкий плод я теперь познаю?

Не спешу я делиться стихами, —
Время слову цвести, наливаться и зреть.
В память предков своих ухожу я корнями,
Чтоб в стихах моих слышался мёд, а не медь.

Мёд земли — сладость жизни глубинной!
Детства мёд — золотые плоды.
Триста лет эта груша любима,
Триста лет плодоносит, не зная беды.

КАДЫР МЫРЗАЛИЕВ

ЛЮБОВЬ

Есть для любви сравнения, которых
Бескрылый обыватель не поймёт:
Она огонь и мрак, цветок и порох,
Но более всего любовь — полёт.

Как будто вдруг на жизненной дороге
Тебя хватает ветер под бока,
Хоть по земле вышагивают ноги,
А кажется: летишь под облака.

Пастух или поэт, при встрече с милой
Ты будешь этим счастьем награждён —
Почувствовать: ты — ангел белокрылый,
Хотя совсем не ангелом рождён.

У всех влюблённых крылья вырастают:
Не только люди — даже муравьи
Крылатыми становятся, летают,
Когда приходит к ним пора любви.

ШТРИХИ К АВТОПОРТРЕТУ

Авторитетен в народе, не скрою.
Но не спесив, хоть всем миром хвали.
Нос мой друзья называют скалою,
Перенесённой с аварской земли.

Только вот мне с бородой и усами
Не повезло: кое-что, кое-где...

Словно трава на такыре — местами...
Бритвой пройдуся — и конец бороде.

Смехом и шуткой лечу недостатки,
А не толкую о них вкривь и вкось.
И себялюбцы бегут без оглядки,
Зная, что взгляд мой пронзит их насквозь.

Как-то со мною поспорил приятель.
Зря он, наверно, тот спор затевал.
Тысячу слов он впустую потратил,
Я же одним уложил наповал.

В жизни лишь старости я не приемлю,
Хоть этот день от меня и далек.
Стал я колючим ершом не затем ли,
Чтоб не бросаться от шук наутёк?

Много ли, мало дела мои весят —
Тут я, признаться, себе не судья.
Но для примера на стенку повесил
Перед собою портрет муравья.

* * *

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?
В заботах о хлебе насущном, о тёплом жилище
Не видим, как духом бедны мы, а попросту — нищи...

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?
Считаем за счастье заглядывать в рот пустомелям,
А что заработаем, то с дармоедами делим...

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?
По блеску латунному каждый о золоте судит,
Горячее с пылу глотает, холодное — студит...

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?
Одни боязливы, другие не знают запрета,
И кто-то нас любит, а кто-то сживает со света...

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?
Лжецам разномастным киваем, ни в чём не перечим,
С хорошою миной заздравные слушаем речи...

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?
И, как от простуды, от жизни мы недомогаем,
Живём и не верим, что где-то бывает другая...

Неужто и вправду вся жизнь наша так и пройдёт?

* * *

С собою нитки не возьму
В страну, откуда нет возврата.
Кошму стелили мне когда-то —
Ковёр вернул за ту кошму.

И брал, и возвращал с лихвой,
И перед вами чист давно я.
За ухо, съеденное мной,
Я расплатился головой.¹

Вернул ягнёнка вожаком,
Глоток воды вернул шербетом,
Свой край любил — и стал поэтом,
Чтоб не остаться должником.

Но злом я не платил тому,
Кто причинить мне зло старался.
Я перед ним в долгу остался.
Но этот долг с собой возьму.

¹ На казахском тое баранье ухо обычно предназначается детям, голова — почётному гостю.

ЧОКАН

Хоть лет меж нами пролегло так много,
Тебя я в сердце бережно храню.
Ты из былого, от его порога,
Приблизился к сегодняшнему дню.

Я знаю, дела не было аллаху
До тех, кто полусонно пил кумыс.
И первые прозрения казахов
С тебя, с твоих прозрений начались.

Ты напряжённо всматривался в дали.
Но, будущие дни не торопя,
Того с трудом другие понимали,
Кто был загадкой даже для себя.

Кто был природой одарён богато,
Но у кого не ладились дела...
Всё ж русская красавица
Когда-то
Тебе и жизнь, и сердце отдала.

Всё ж, на лету окидывая взором
Безбрежие науки непростой,
Ты взмыл, как беркут, над степным простором,
А замер в небе трепетной звездой.

КУРМАНГАЗЫ

Души твоей ненависть, свет и печали
Домбры окрыляющий голос постиг.
И краю родному дремать не давали
Мелодии красочных кюев твоих.

И гордому сердцу в груди было тесно,
И вторила хлынувшим звукам судьба.

Играл ты — и вот на почётное место
Напев выносил незаметно раба.

Звучал твой талант, словно воли глашатай,
И степь забывала про горе своё.
Играл ты — и даже джигит трусоватый
Готов был схватиться в сердцах за копьё.

И чувствам печали, отчаянья, гнева
Внимали твои земляки у огня:
Рождаясь под пальцами, волны напева
Несли их на гребень грядущего дня.

И, слыша жестоких цепей громыханье,
Ты славил домброю степные края.
В твоём бескорыстии, в твоём дарованьи,
В твоей непокорности — слава твоя.

* * *

Всё, что имели деды,
Они у природы взяли.
Им ширь души подарили
Степные сквозные дали.
Упругость дыханья — ветер,
Сердце чистоту — озёра,
Любовь к кочевью — барханы,
Суровую гордость — горы,
Задумчивость — ночь,
Упорство — холмов одиноких кручи,
А яркость улыбки — солнце,
Пробившееся сквозь тучи.
В юртах казахских гостя
Божьим считают даром,
В степи нашей каждый встречный
Нам кажется другом старым.

* * *

Красота — это дивный алмаз, говорят,
 А ещё говорят: красота — это яд.
 Перед нею смирялись Чингиз и Батый.
 Так какие ж сердца перед ней устоят?

Без неё бы вся жизнь оказалась пуста,
 Но когда отвечает на зов красота —
 У батыра копьё выпадает из рук
 И слова у певца не идут изо рта.

В тридцать лет я постиг, что мы все неверны,
 Что нигде на земле нет людей без вины,
 Ибо там, где красавица есть хоть одна,
 Не спасают людей ни семья, ни чины.

Красота никогда не стоит в стороне.
 Кто заметит звезду, устремившись к луне?
 Чуть завидю красивую девушку я,
 Умных девушек жалко становится мне.

ШКУРА БЕГЕМОТА

Есть у меня друзья. И есть враги, конечно.
 У края пропасти не раз я спал беспечно.
 Я вынес холода, и лютый зной, и бури
 Благодаря своей вот этой толстой шкуре!
 Я неуклюж! Не мне, ловя удачи запах,
 Изящно и легко ходить на задних лапах —
 Но шкура какова! Она не уступает
 И коже тех подошв, что по огню ступают!
 Надёжная броня для нежности глубинной,
 Испытана она критической дубиной.
 Старались мастера! Но гляньте — жив я всё же
 И не стыжусь ничуть я этой толстой кожи.
 К тому же неспроста — рассказывал мне кто-то —
 Шлифуется алмаз о кожу бегемота!

ДОМБРА И КОЛЫБЕЛЬ

Предок мой оставил город,
Свой Ташкент или Чимкент:
Лучше степь, и пыль, и холод,
И пастушеский брезент.

А потом, устав от жизни
Беспокойной, кочевой,
Сны свои сменил и мысли,
Бросил степь, ища покой.

Предок мой уехал в горы,
Их безмолвием пленён.
Но и каменные норы,
Заскучав, покинул он.

Всё на свете испытал он,
В зной бросался и в метель...
Никогда не оставлял он
Лишь домбру и колыбель!

ОРАЗАКЫН АСКАР

ЛЮБОВЬ

Пока я любим тобой —
Весь мир не осилит меня,
Я встану на смертный бой —
И выйду живым из огня.

Но, если поссоримся мы
И ты пойдёшь на меня,
Мне не поможет весь мир
Выйти живым из огня.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Целует солнце в темечко арбузы
И дыня зноем словно налита,
Но кутает початки кукуруза,
Как в одеяльце — в нежных два листа.

Навстречу солнцу рвутся стрелы лука,
Но гневом помидор уже объят...
Корзинкам гнёзд подставив щедро руки,
Вкруг огорода тополя стоят.

Прекрасен день. Прозрачны тополя,
Как солнца свет, доносит ветер песню.
Как будто кто бредёт через поля
К далёкому за краем поля лесу...

* * *

Я не хочу такой удачи,
Когда наживу видят в ней.

Когда летают ночью, прячась,
Стыдясь крылатости своей.

Я не хочу такой лишь славы,
Когда друзья твои молчат,
И я страшусь слепого права
Быть рукояткою меча.

Я не хочу самообману
Служить обязывать себя,
И я завидовать не стану,
Свой рот улыбкою кривя.

Но от народа в стороне
Цвеств пустоцветом не желаю,
Дана на радость, верю, мне
Душа кипучая, живая!

* * *

Природа, солнцем озари
И звёздной россыпью обрадуй,
Ручьём со мной заговори
Иль огорошь весёлым градом.

Я утро каждое спросонок
Спешу взглянуть на небеса —
Так ищет мать свою ребёнка,
Чтоб заглянуть в её глаза.

Мне лаской — снег пушистый твой,
А в зной — прохладный ветерок.
Ладонь твоя — мой край степной,
Знакомый с детства бугорок.

Ты — лес приветливый и щедрый,
Ты — озера нетронутого гладь.
Ты — соколиных крыльев ветер,
Ты — ковыля седая прядь.

Во всём, во всём живом я вижу
Тебя, природа, — сердцем узнаю,
И ни травы, ни неба не обижу,
Твои плоды вкушаю, воду пью...

Дай хлеба накрошу хоть воробью...

* * *

Ни сумрак дома и ни тень двора —
Манили нас неведомые дали,
Такая жгучая напала вдруг пора,
Что о крыльях слабых забывали.

Мы рано научились покорять
Вчера лишь недоступные вершины,
И нам понравилось стремительно взлетать,
Вершить дела... И мы легко вершили.

Мы даже душу умудрялись обгонять,
Вперёд неё учиться, верить, видеть...
До дна добравшись — дно рвались взрывать,
И горизонты рвались, словно нити.

Мечты мостами пройденными стали,
Мы рельсы проложили по мостам,
Мы достигать недостижимое устали,
И на вершинах одиноко стало нам.

И оказалось: жажда дальних странствий —
Нелёгкий путь, путь к дому своему —
Всего ступенька первая гражданства
К духовному великому родству.

Прости меня, мой край родной, что поздно
Прочли всем миром древнее письмо:
В природе нет одной лишь только розни,
Единство душ — вот жизни ремесло.

Все — путники, все — странники, в дороге
Цветок и человек, и муравей,
И отправная точка — от порога
Ведёт к порогу — родине твоей!

И вот теперь видна тебе дорога,
Которой нет и не было конца:
От сердца к сердцу — к высшему порогу
Доверия, любви, крылатого родства.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

ЧЕМ ПОРАДОВАТЬ СЕРДЦЕ?

История наша — несколько всплешек в ночной степи. У костров ты напета, на развалинах Семиречья, у коварной, обиженной Сырдарьи. Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку... Я молчу у одинокого белого валуна в пустынной тургайской степи. Как попал он сюда? Могила неизвестного батыра? Или след ледниковых эпох? Я стою у памятника Пушкину. Ночь новогодняя, с позёмкой. Я сын города, мне воевать со степью. Старики, я хочу знать, как погибли мои города.

...Сырдарья погоняет ленивые жёлтые волны.
Белый город Отрар, где высокие стены твои?
Эти стены полгода горели от масляных молний,
Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
Перекрыты каналы. Ни хлеба, ни мяса, ни сена,
Люди ели погибших и пили их тёплую кровь.
Счёт осадных ночей майским утром прервала измена,
И наполнился трупами длинный извилистый ров.
Только женщин щадили, великих, измученных, гордых,
Их валяли в кровавой грязи возле трупов детей,
И они, извиваясь, вонзали в монгольские горла
Исступлённые жала изогнутых тонких ножей.
Книги! Книги горели! Тяжёлые первые книги!
По которым потом затоскует спалённый Восток!
Не по ним раздавались протяжные женские крики,
В обожжённых корнях затаился горбатый росток.
Пересохли бассейны. Дома залегли под золою.
Можно долго ещё вспоминать о сожжённых степях.
Только сердце не хочет, оно помешает мне, злое!
Чем тебя успокоить? Порадовать, сердце, тебя?.. Чем?
Рыжий, кем бы я был, родись я немного раньше?

Юра, кем бы я стал десять пыльных столетий назад?
 ...Кровь, пожарище. Ур-р!
 Я б доспехами был разукрашен,
 И в бою наливались бы кровью мои глаза.
 Я бы шёл впереди разношёрстных чингизских туменов,
 Я бы пел на развалинах дикие песни свои
 И, клянусь, в тот же век, уличённый в высокой измене,
 Под кривыми мечами батыров коснулся б земли.
 На дороге глухой без молитвы меня б схоронили,
 И копыта туменов прошли бы по мне на Москву,
 И батыры седые отвагу б мою бранили,
 И, поставив тот камень, пустили б стихи на раскур.
 Простоял бы столетья источенный взглядами камень,
 Просвистели б нагайками добрые песни мои,
 Оседали бы горы, и горы бы стали песками,
 А вот Пушкин стоит.
 О казахи мои!.. Степь не любила высоких гор,
 Плоская степь не любила торчащих деревьев.
 Я на десять столетий вперёд вам бросаю укор,
 О казахи мои, молодые и древние!..

Степь тянула к себе
 Так, что ноги под тяжестью гнулись,
 Так, что скулы — углами, и сжатое сердце лютей,
 И глаза раздавила, чтоб щёлки хитро улыбнулись.
 Степь терпеть не могла ясноликих высоких людей.
 Кто не сдался, тому торопливо ломала хребет,
 И высокие камни валила тому на могилу,
 И гордилась высоким, и снова ласкала ребят.
 Невысоких — растила, высоким — из зависти мстила.
 Даже кони приземисты, даже волосы дыбом не встанут,
 Даже ханы боялись высокие стены лепить.
 И курганы пологи, и реки мелки в Казахстане.
 А позёмка московская, словно в тургайской степи.

Я стою у могилы высокого древнего парня,
 Внука Африки, сына голубоглазой женщины.
 Событьельник Парижа и брат раскалённой Испании,

Он над степью московской стоит, словно корень женьшеня.
 Я бывал и таким, я бываю индийским дагором!
 ...Так я буду стоять, пряча руки, у братских могил...
 Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!
 ...Так я буду стоять, пряча зубы, у братских могил...

Я согласен быть Буддой, Сэсю и язычником Савлом!
 Так я буду молчать у подножия братских могил...
 Я согласен быть черепом, кто-то согласен быть саблей...
 Так мы будем стоять! Мы, Высокие, будем стоять!
 Попроси меня нежно — спою. Заруби — я замолкну.
 Посмотри, наконец, степь проклятая, но моя —
 Все вершины в камнях и в окурках, в ожогах от молний.

МОЛИТВА БАТЫРА МАХАМБЕТА ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Бисмилля!
 Я в далёких походах забуду себя.
 Я в битвах — по году.
 В обидах — по горло,
 Я родился в седле,
 Умираю в цепях,
 Меня водят пешком, как собаку, по городу.

Я забуду, как пахнет запаленный конь,
 Я забуду в зиндане гортанные кличи,
 Утром тело разрубят и бросят в огонь,
 Моё темя забудет былое величье.

Я забуду, как жёны боялись меня,
 Я как меч обнажённый,
 Но ржа меня режет.
 Сердце в горле, как яростная змея.
 Э, не так!
 Моё сердце — ошипанный кречет.
 Всё забуду.
 Молитвы — спасенье своё,
 И пожары, и битвы, Аллаха забуду...

Аруах!..
 Ясный месяц в пустынях встаёт, —
 И уходят в барханы
 За самкой верблюды...

И в казахских казанах шипит молоко..
 И собаки рвут шкуры друг другу от скуки.
 Я в зиндане лежу глубоко-глубоко,
 А луна, как лепёшка последняя, мне катится в руки.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ НА КРАЮ СВЕТА

5 апреля 1968 года

...На краю самого южного мыса Индустанского полуострова, мыса Канья Кумарин — белеет скромным мрамором гробница великого непротивленца Ганди. На его долю пришлось пять выстрелов. Пять кровавых пятен на белой рубашке, пять кровавых кругов. Может быть, они подсказали художникам символ мира, который мы видим на белых олимпийских знамёнах...

...В спину Ганди стрелял индус, не то националист, не то фанатик. «Сволочь!» — просто охарактеризовал убийцу мой спутник Чаттерджи.

Г. Чаттерджи худ, выжжен зноем до кости. Силуэт его четко отпечатан на экране могильной стены.

В этот день в Америке свершилось насилие — убили негритянского гандиста Мартина Лютера Кинга. Индия почтила его память минутой молчания. 500 миллионов минут молчания. Равно — тысячелетие.

*За каждым выстрелом какой-то «сволочи» — века молчания.
 О чём думал Чаттерджи в свою минуту?*

*...Мыс Кумарин отбывает закат,
 масса красотей — пальмы и тодди —
 в кубке, отделанном под агат.
 Тонкая штопка на бязевом дхоти.
 Чёрные пятки — в твёрдый песок,
 жилы на икрах сухих обозначив,
 пьёт, проливая, пальмовый сок.*

Я поднимаю глаза — он плачет.
Дышит, пульсирует впалый висок.

«Смотрит на Азию Белый Глаз!
Небо чужое сглазило Азию,
чёрная мать с каждой оказией
беды свои досылает до нас.
Азия — схема, стереотип:
голода схима, холера, тиф.
Неразрешимый живот аллегорий,
прошлое в каждой строке — редиф.
Смотрит на нас Белый Глаз
кровью прожилок — границами каст,
неприкасаемая свобода,
сгорбясь, уходит в дебри фраз...»

Крашены солнцем заката двери
грустной гробницы,
лица, слова,
громадной далью валит на берег
неприкасаемая синева.

II

В азиях я говорил с тобой
Глаз Голубой:
в европах встречаются с Карим
и с Чёрным Глазом —
они меня на площадях искали,
в глуши библиотек,
они мне щедро подвиги сулили
во имя Азии,
страницами мне в душу
боли лили
и в мысли влазили
Конфуций
и ацтек.
Не лучше ли, отринув имена,

уйти в орнамент безначальных знаков?
 Пить сладкое, не обижая дна,
 любить шенгель, не предавая маков?
 Наитием воспринимая мир,
 цвета вещей не утруждая смыслом,
 из чистых звуков сотворив кумир,
 смеяться — песнями и плакать — свистом?
 Но хлыст и выстрел отвечали — нет!
 Звук обнажает скрытые смятенья:
 и боль и злоба —
 каждое явление
 имели цвет.
 Не разобраться в них —
 цвета кишели!
 Грудь открывая, обнажая шею,
 иди, пока не поздно, к простоте,
 увериться в неясной правоте,
 тех, кто уже не хочет ни отмщенья
 и ни сочувствия к своей судьбе.
 Вступаешь в свет, становишься мишенью,
 и — паразитально легко тебе.
 Из тьмы огней глядит, прищурясь, мрак,
 отсвечивая оптикой прицела.
 И свет воспринимается, как целое.
 Делимое наотмашь — ты и враг.

III

Есть они, Чаттерджи, в каждой стране,
 в каждой волости —
 сволочи.
 Их не узнать по разрезу глаз,
 по оттенку кожи:
 может сиять, как якутский алмаз,
 быть на уголь похожим,
 плешью блистать вползала,
 прямить и курчавить волос.
 Всё равно — сволочь.

Он не дурак, а может быть, — академик,
он служит вере не славы ради, не из-за денег.
Бывает, носит под мышкой томики Ленина.
Сволочь — не мелочь —
общественное явление.
Узнать их непросто: их цвет отличительный — серость.
Она растворяется в чёрном,
как в белом и в жёлтом,
возносится серость бронзой,
блистает золотом,
в тёмных углах души собирается серость, как сырость.
Белый стреляет в чёрного? — Серый стреляет.
Чёрный стреляет в белого? — Серый стреляет.
Серый взгляд проникает в сердце — пронзительный, волчий.
Узнаю вас по взгляду,
серая раса — сволочи.
Понимаю, пока в этом самом цветном столетье
невозможны без вас даже маленькие трагедии.

Невозможны без вас ни заботы мои, ни смех,
и победы мои и смерть.
Вам обязан — атакой!
В свете полдня
и в холоде полночи
я ищу, я иду вам навстречу,
серые сволочи —
сквозь мгновенья ошибок,
отчаянных самопрезрений,
чтоб минута молчанья
стала временем ваших прозрений.
...Синева потемнела. Гробница великого Ганди
белым куполом обозначила Азии край.
Багровым оком встала луна, и на мокрые камни
положила сиянье, и в пальмах возник птичий грай.

МАРФУГА АЙТХОЖИНА

ПЕСНИ ГОР

(цикл стихотворений)

1. Я ШЛА ПО ГОРАМ

Я шла по горам. Горы стояли имени гор.
И с тучей на равных могла я вести разговор.
Я видела: в небо вонзались вершины седые,
С орлиных высот мне родной открывался простор.
Я шла по горам — и, прохладой тенистой маня,
Таинственно жизнь окружала повсюду меня.
И взгляд мой прикован был к синим заоблачным гребням,
И вечная песня во мне оживала, звеня...

Я шла по горам, наблюдая слияние туч.
Смыкались плечами суровые контуры круч.
И острые пики вздымались, как перед сраженьем...
И каждый из них был величественен и могуч.

Я шла по горам, под стеной пробираясь крутой:
Какая издёвка была в неприступности той!
Какое доверье не к тем, кто труслив и растерян,
А к тем, кто в судьбе своей властвует над высотой.

Я шла по горам, где буран пролетал по холмам,
Где в камне любая морщина — как горестный шрам.
Я шла по горам — я себя проверяла горами.
Я знала, что тот побеждает, кто честен и прям.
Кто целью своей одержим. Кто упрям...
Я шла по горам.

2. ГЛЯДЯ НА ГОРЫ

И вот стою я дома у окна.
Во мне задета горечи струна.
Лежат вдаль у горизонта горы,
С рассвета ими я окружена.
Всё отдавал простору мой народ.
Простор спасал его от всех невзгод:

Между собой ли мы вступали в споры,
 Враги ли грозно шли на нас в поход.
 ...Как серебрится на вершинах снег!
 Гляжу на них я из-под узких век.
 Сошлись вершины с небом в поцелуе.
 Тревожит лишь в горах олений бег.
 Я поднимаюсь в горы — мне пора.
 Я словно стала выше, чем вчера!
 ...О люди, пусть растёт с горами рядом
 Благоговенья нашего гора!

3. ВСЕ МЕЧТЫ

Люблю могучих гор твердыню.
 Здесь вдохновение отныне
 Ищу. Внизу орлы парят,
 Чтобы смирить в душе гордыню,
 К горам я обращаю взгляд.
 Там, вырвавшись к свободной доле,
 Из родников напившись вволю,
 Пространства разбудить спешат,
 Летит тулпар, преград не зная,
 Из камня искры высекая, —
 И вот горит моя душа!
 Мне дарят силу эти горы,
 Для неба ставшие опорой:
 Здесь спят на кручах облака.
 Какие в нас прозренья жили!
 Какие нас мечты кружили!
 О, если бы взошла к вершине
 Хотя б одна моя строка!..

4. ВЕРШИНЫ

Ах, сколько вершин спорят с небом своей высотой!
 Ах, сколько людей распростились навеки с мечтою —
 Поникших людей, невезучих и слабых людей...
 Не верю я в то, что мечта распростится со мною!
 Мной прожито много, но я о минувшем не плачу.
 Судьба наделила меня небывалой удачей.

Живу на земле, на земле выполняю свой долг
 И радуюсь, что для людей я хоть что-нибудь значу.
 И радуюсь, что без забот не жила я доньине.
 Мечта окликает меня из распахнутой сини.
 Тут чувство должно быть, влекущее сердце в полёт:
 Ведь даже чинара быстрее растёт на вершине.
 Как много людей прошагало дорогой земною,
 Зовя меня вдаль, день и сам торопился за мною.
 Земля обновляется после свиданья с дождём —
 Душа обновляется, если летит за мечтою.

5. ВРОВЕНЬ С ОРЛОМ

Вот вровень со мною парит горделивый орёл.
 Повадку орлиную он неслучайно обрёл.
 Ах, ради него бы и жизни я не пожалела:
 Ведь славит народ мой парящий в зените орёл.
 Негромок мой голос, смущение слышится в нём.
 Пусть солнце своими лучами согреет мой дом.
 И как высоко ни взлетел бы орёл в поднебесье —
 С ним вровень взлечу я, с его породнившись крылом.
 Какие цветы соберу я на летнем лугу!
 Об их красоте рассказать я любому смогу.
 А если зайвится враг на любимую землю —
 Своими строками пути заступлю я врагу!
 Пусть не завершу я полёт, что рождением мне дан,
 Останусь твоею, земля, я и в зной, и в буран.
 А если и вправду любовь беспредельна на свете,
 Земля — моя вера, и я для земли — талисман.
 И в сердце моём торжество навсегда — не на миг.
 И вровень с орлом поднимается к небу мой стих.
 И нет хвастовства в этом — есть в этом радость работы.
 Есть жажда свершений нелёгких — от веку мужских.
 Орёл — словно точка в просторе небес голубых.

6. ОРЛИНЫЙ ВЗЛЁТ

Взлетай, орёл! Взлетай с чела степного!
 Пусть песни под крылом твоим парят.
 Они парят — я не скажу ни слова,

Встречая твой неотвратимый взгляд.
 Ты закалён немереною высью.
 Ты отражён зеркальностью озёр.
 Вглядиись: мелькнул и скрылся контур лисий —
 Не дай лисе уйти за косогор!
 В тот миг, как томагу с тебя сорвали. —
 Охотники пустили вскачь коней.
 И накренились под крылами дали,
 И лай собак послышался ясней.
 И крылья, словно крылья вдохновенья,
 Ты над степными травами простёр.
 И крупный волк метнулся в отдалении.
 И запетлял, опасен и хитёр.
 Мы славили тебя за всё, что было
 С тобою связано из года в год.
 Близки отвага нам твоя и сила.
 Пока в зенит летишь ты белокрыло,
 Тебе опорой синь родных высот!

7. МОЯ ДУША

Ты, душа моя, схожа с зелёной листвою.
 С той, в которой оттенки заметны подчас.
 Ты полна то любовью, то грустью живою,
 Ты, страдая, с глупцами встречалась не раз...
 Ты, душа моя, схожа с зелёной листвою.
 А известно листве-то ведь, что иногда,
 По весне, когда небо слепит синевою,
 Прикасается к веткам сама высота.
 Что поделаешь: в сердце гудит вдохновенье
 И не речью, а песней зовёт в тишине...
 В нежных душах и мужество есть, и терпенье,
 Как же я благодарна весне за мгновенья,
 Что прекрасные чувства будили во мне!

КАЙРАТ ЖУМАГАЛИЕВ

ЛЮБОВЬ

Любовь порой мне кажется явлением,
Которым всё на свете рождено:
Земля ему обязана рождением,
И солнце им на небе зажжено.

Иначе почему людское сердце
С любовью очищается от зла?
Похоже, для самозащиты средство
В любви природа мудрая нашла.

ПОЭТЫ

Какая-то одна примета
(Какая и не знаю сам)
Мне выдаёт в другом поэта —
Дар, многим свойственный сердцам.

Достаточно бывает взгляда,
Улыбки, двух случайных слов,
Чтоб угадать в другом собрата,
Мир для кого извечно нов.

Душе такой нужна вершина —
С неё грядущее видней.
О чём другие судят чинно,
То в ней рождает вихрь страстей.

Мне рассмотреть легко поэта
В любом, чья пылкость выдаёт

Мечты благие до рассвета,
Крушенье их и их полёт,

Чьё солнце светит даже ночью,
Во тьме, объявшей полземли,
Чтоб люди видели воочью,
Что днём увидеть не смогли,

Чьё время тянется иначе
И прерываться не спешит —
Морщины ничего не значат,
И близость смерти не страшит.

Мне разглядеть легко в поэте
Неискушённное дитя,
Что даже в пору лихолетий
Жить умудряется шутя.

И вовсе не усилием воли,
А властью истинной любви,
Он обращает в радость боли
Пред миром горькие свои.

И это — главная примета,
Которая моим глазам
Даёт признать в другом поэта —
Дар, многим свойственный сердцам.

ВСТРЕЧА

Болтали люди разное... Прости.
Молва худая мчит быстрее, чем ветер.
Споткнулась ты на жизненном пути,
Живёшь одна униженно на свете.

Не знаю, кто причиною тому
(О нём молчат судачащие люди —

В суждениях пристрастны не к нёму
Души твоей не знающие судьбы).

Но я, кто принимал не раз,
Как к роднику живительному, прежде
И к строгости, и к ласке чистых глаз, —
Я вплоть до встречи этой жил в надежде.

И вот сидим, как много лет назад,
Рука в руке, не в силах молвить слова.
И светит так же твой девичий взгляд,
В нём столько от веселия бывшего.

Ах, люди, люди! Как же слепы вы,
Пособники унынья и позора!
В потерях не склонивший головы
Вам ненавистней плута или вора.

Спасибо, дорогая. Вновь и вновь
Мы к встрече этой возвращаться будем,
На свете живы радость и любовь,
Доступные отнюдь не многим людям.

НА ЛОДКЕ

Я на вёсла налегаю
С мыслью светлой на уме:
Двум влюблённым помогаю
Целоваться на корме.

Плечи ноют от натуги.
Ну да это не беда —
Порадеть о лучшем друге
Не мешает иногда.

Плеск воды да скрип уключин.
«Как с ним девушка нежна!

Ни одной не видел лучше
И милее, чем она».

На реке гуляют волны,
Ветер свищет в вышине.
«Были б только вы довольны,
Речь сейчас не обо мне».

Туча громом отдалённым
Заворчала впереди.
«Не везёт моим влюблённым,
Надо к берегу грести».

Я на вёсла налегаю
С гордой думой на уме:
«От грозы уберегаю
Счастье друга на корме».

Весь в поту, саднят мозоли
На ладонях... «Не беда!
Лишь бы вы не знали боли
В жизни вашей никогда.

До себя мне дела мало.
Ах как лодочка мала!
Только б, только б миновала
Нас несущаяся мгла.

Ничего! Успеем к сроку.
К тем деревьям и кустам.
Ни продрогнуть, ни промокнуть
Я вам, милые, не дам».

Наконец-то в низкий берег
Ткнулся лодки острый нос.
— Как, уже? — Глазам не веря,
Друг мой задаёт вопрос.

И подруга недовольна,
Что от непогоды спас,
Будто вспененные волны
В лодке не швыряли нас.

Будто ветер одичалый
Нам добраться не мешал
До отлогого причала,
Где навес уютный ждал.

И, усевшись на скамейку,
Обо всем забыла вновь
Эта юная семейка,
Эта пылкая любовь.

Ну а я стоял поодаль,
Утирая пот со лба,
Проклиная непогоду,
Но не их — любовь слепа.

НАЗКЕН АЛПАМЫСКЫЗЫ

ГОРНАЯ РЯБИНА

1

Когда боль терзает душу мне опять,
Думы жгучие смогу ли я унять?
Спотыкаясь и скользя над страшной бездной,
Я к вершине шла и шла, за пядью пядь.

Вдруг увидела рябину на скале!
Тонкий стебель, затаившийся во мгле,
Как пробил он, одолел гранитный камень
И живёт, как будто вырос на земле?

Ах, рябина, тебя стужа не сожгла,
Зной июльский не спалил тебя дотла,
Белых ливней ты не видела всё лето,
Что за сила тебя к небу вознесла?

Ты стоишь, как вызов грозам и ветрам!
В моём сердце есть приют твоим корням.
Отвергая суету бесплодной жизни,
Как и ты, судьбу свою сама создам!

2

Я измучена безжалостной судьбой:
То снега пошлёт, то ливень ледяной,
Но я с детства устремлялась к звёздной выси,
Хоть мне скалы преграждали путь стеной.

Я запуталась в житейской маяте.
Исчезали звёзды в синей высоте
И чем дальше — тем сильнее удалялись,
Оставляя мою душу в темноте.

Я в ловушке, я над бездной — нет ей дна.
 Неужели пропаду я здесь одна?
 «Не кручинься! — прошептала мне рябина. —
 Путь другой ищи и будешь спасена.

Если б я угроз боялась — не росла.
 Зной, бураны, ливни — всё превозмогла.
 Кто смиренно принимает испытанья,
 Тот спасётся — и пред ним отступит мгла.

Кто с рожденья испытанья не пройдёт,
 К тайнам жизни не допущен будет тот.
 Мёд и горечь различает только сердце,
 Что раздавлено, разбито, но живёт.

Кто за истиной сквозь пламя не прошёл,
 Кто не падал, кто в пути не сокрушён,
 Тот с бельмом. Оно и ум, и чувства застит.
 Тот слепец и тот не вырастет душой.

Ни достоинства, ни чести не найти,
 Коль не встретишь чистых духом на пути.
 Возлюби же каждый камешек Отчизны —
 И растает лёд вершинный, как в горсти.

Да узнает дух твой пламени полёт
 И сквозь каменные стены проведёт!»

3

Свет-рябинушка, наставница моя,
 Сопечальница, союзница моя!
 Нас похожая судьба соединила,
 На твоей вершине сердце прячу я.

Ты звала меня за горним духом вслед,
 Но душа была пуста — в ней горечь лет.
 Растерялась я в пути, на полдороге,
 А пришла к тебе — и вновь забрезжил свет.

Что печали и что хмарь моих невзгод,
Если в небе солнце вечное встаёт!
Моё сердце, возвышай отныне равно
И тоски, и счастья дней круговорот.

Светлый миг, уйду когда-нибудь и я,
Сожалея о сиянье бытия,
Но весной вернусь рябиною цветущей —
Обновит вершины молодость моя!

Эту жизнь не взять на крепкий поводок.
Поколения похожи на поток:
За волной волна сменяются мгновенно,
И, как ткач, плетёт узор умелый рок.

Пусть на том ковре останусь узелком —
Я связующая нить в узоре том.
Дух высокий в человеке возжигая,
Буду вечно жить в движении живом!

СКАЗАНИЕ О ЗВЕЗДЕ

Моя тамга — Серебряный Стрелец.
Пронзает высь стрелы его конец,
Нацеленный в заоблачные дали.
Космические вихри, бездны гром
В строптивом сердце я ношу моём,
Но грудь теснят великие печали.

Сам Тенгри, как лампаду, в глубине
Своих небес звезду затеплил мне.
Зовёт, сияет синее мерцанье.
Но путь Господен так непостижим,
И свет звезды, во мгле зажжённый им,
Томит, сжигает тайной мирозданья.

Своей камчой подстёгивает век.
Сверкает соль на лбу. Из мутных рек

Семи печалей напилась я вволю.
 Я семь истоков истин обрела,
 И девяносто тысяч я прошла
 Земных развилок, выпавших на долю.¹
 И не было мгновенья, чтоб могла
 Я оглянуться.
 И стужалась мгла.
 И я была одна, как воин в поле.

В пустыне мира, под небесный гул,
 Мне не на кого было опереться,
 Никто над бездной мне не протянул
 Хоть кончик пальца.
 Только в моём сердце
 Нет удержу несбыточным мечтам,
 Они искрятся каждое мгновенье.
 Как зыбь меняет курсы парусам,
 Меняется в душе моей волненье.

Душа — она ведь угольям под стать:
 Горит, пылает, жжёт, и не унять,
 Не уголить мне тайны её жгучей.
 О Тенгри!
 Среди тьмы и среди дня
 Дай силы мне и сохрани меня!
 Мой дух ослаб, и путь к Тебе измучил.

Взлетала и сгорала я дотла,
 И вновь вставала, но в пустыне мира
 До дней благословенных не дошла
 И не узнала милостей Кызыра.²
 Тот день не наступил, но ты звала.

И вновь к звезде нёмыслимых высот,
 Зовущей ввысь уже который год,

¹ Девяносто тысяч дорог — из Корана: судьбой предписанные пути.

² Кызыр — мифический святой старец, дарящий людям везение и счастье.

Хочу стрелой серебряною взвиться,
Сломав законы всех земных времён,
Превысив скорость света, чтобы он
Открыл мне все затворы и границы.

Тогда б могла я все долги вернуть
И свыше предназначенный мне путь
Мог в каждом моём Слове воплотиться.

Но как попасть мне в синие края,
Как мне достичь тебя, звезда моя,
И с твоим светом хоть однажды слиться?

ЕСТЬ ЛИ СВОБОДА?

Говорят, на свете есть свобода.
Но её не вижу я в народах.
Все не вольны. Воли нет нигде.
Лишь Спартак под римским небосводом,
В гордом сердце вырастив огонь,
На дыбы поднялся, словно конь.
С рабства сдёрнул тёмные покровы,
Разорвал позорные оковы
И не покорился он узде!

Сколько зла рассеяно везде,
Сколько разновидностей насилья.
Сами люди зло в себе носили,
В пыль стерев избранников своих,
А строптивым, сделанным из стали,
Вмиг хребты безжалостно ломали,
И петлём захлёстывали их,
Мудрецов своих в огне сжигали.
И текут столетьями в печали
Реки крови средь полей земных...

Бренный мир, какие изуверства
Показать ещё ты позабыл?

Ужасы какие, ад отверстый,
Ты ещё для смертных не открыл,
Чтобы стыла кровь в дрожащих жилах?
И среди всемирного распыла
Неужели нам уж не сыскать
Ни одной души, что за лепёшку
Не продаст ни совесть, будто плошку,
Ни талант, ни жизни благодать?

Нет у них ни гордости, ни чести,
У бездушных зомби.
Только есть ли
Уголок такой в земных краях,
Где людские души не бесправны,
Где не гнут лозою своенравных,
Благородство не вбивают в прах,
В сердце не вколачивают гвозди
Вечных унижений.
Разве гроздья,
Гроздья гнева не осият страх?

Неужели прозябать нам в дрожи?
Только вряд ли вновь Спартак возможен
Для толпы, что выкормлена тьмой.
Если не извели народы
Сладкого молозива свободы,
Как же разлучиться им с тюрьмой?

HOMO SAPIENS?

Человек разумный, — люди говорят.
Только речи эти часто невпопад.
Разве знает смертный суть души своей?
Ведь имеет разум даже муравей.

Сам великий Тенгри, — говорит народ, —
Тех, кто чист душою, нежно создаёт

Из живых частичек сердца своего,
Чтоб открылась миру вся любовь Его.

Но не всякий духом зреет человек.
Избранных нёмного. Краток бранный век.
Как во тьме крошечной не пропасть в пути,
Искорку надежды каждому найти?
Как не оступиться, не ослабнуть нам,
Ежели опасность ходит по пятам?
Если бесполезны знания веков
И куда ни ступишь — столько тупиков?
Жизнь сама отныне загнана в тупик,
И драконья алчность свой являет лик.
Ненасытна жадность — поглощает нас.
Так бывало прежде, так же и сейчас.
След её впечатан тут и там — везде.
Двигается громада — не спастись нигде!

«Человек безмерен!» — люди говорят.
Но за что такую честь ему дарят?
Он стрелком безумным стрел пускает рой,
Чтоб они вонзились в грудь его стократ.
Разве человек он? Разве он герой?
О каком уме тут люди говорят?

ВОСХОЖДЕНИЕ

Бушует море! Среди волн-громов,
Где бурь стихии сталкивает ад,
Смогу ли выплыть, если дух мой болен,
Когда в душе моей такой разлад?

И если плыть на ощупь, наугад,
Сраженьё гневных волн одолевая,
То доплыву ль до берега, не знаю,
Иль утону, хлебнув смятений яд?

Вся жизнь — как море. Каждый миг твой путь
Пересекает схватки шквал грозящий.

И каждую зимой, в мороз свистящий,
 Боюсь я до весны не дотянуть.
 Стучи же, сердце, и не уставай!
 И чувств поток пусть не узнает край,
 Не высохнет до дна, не обмелеет.
 Хоть тяжко бремя жизни — поднимай!

Всё сущее в борении живёт.
 Неужто страх-печаль меня согнёт?
 Тебя я, Жизнь, люблю со всею страстью,
 Хоть бьёмся на смерть мы — не на живот!
 И ты не раз меня сбивала с ног:
 Мои мечты блуждали без дорог,
 Губил желанья вихрь кровожадный.
 Но выстояла я. И день за днём
 Всё длится спор. Душа горит огнём,
 Как век двадцатый, самый беспощадный.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Жизнь и Смерть — словно ловчие птицы.
 На тугуре¹ Судьбы им ютиться.
 Они вместе явились на свет.
 Жизнь моя, нам досталось кружиться
 Возле Смерти и с нею сродниться.
 Ось одна, и другой у нас нет.

И зачем унывать мне в печали?
 Всё пройдёт — и откроются дали,
 И туда мы со Смертью пойдём,
 Как с подругой.
 Так было вначале,
 Когда нас на пороге встречали
 В миг рожденья, заснеженным днём.

Жизнь промчится в мгновение ока.
 Смерть-сестрица, не мучай жестоко

¹ Тугур (каз.) — шест-подставка, на котором сидит ловчая птица.

И в согласье со мною живи,
Пока в битве земной ненароком
Не разбился, воспетый пророком,
Хрупкой Жизни светильник любви.

Жизни путь — это брод через море,
И не всякий тот путь переспорит,
Но без смерти — и жизнь не мила.
А кто мёд собирает и с горя,
Тот изведает радости вскоре,
Будто к счастью тропа привела,
В новый край заманила дорога...

Коль споткнушь — не суди меня строго,
Поддержи меня, друг, не молчи!
Раз уж мы, по велению Бога,
Два глагола звенящего слога,
Две тесьмы крепко свитой камчи.

Человек — смесь греха и страданья,
Свои слабости держит он в тайне.
Божий раб, не кляни бытиё!
Даже звёзды с высот мирозданья
Вдруг срываются, мчатся в скитанья,
В миг любой чтоб сгореть, как быльё.
Но скажи, не равны ли величьем
Жизнь и Смерть на шесте своём птичьём?

САКЕН ИМАНАСОВ

ТЕТИВА

Заставил тетиву реветь, как быка.

Махамбет

Пусть слушают — и степи, и орлы,
и водопад, летящий со скалы,
цеп на току и сопки вдалеке,
как тетива ревёт в моей руке!
И рёв её — быкоподобный рёв —
пусть заглушит стенания ветров
и, семь небес встряхнув и сокрушив,
смутит покой космической глуши.
И, если степь благоволит к стрелку,
я из колчана стрелы извлеку:
в нём каждая упруга и остра —
любви и смерти младшая сестра!
Стальные наконечники таят
и жажду мести, и змеиный яд.
Но я не мститель, не палач, не тать —
я никого не стану убивать.
Вон в кабинете, важен и сердит,
вельможа новоявленный сидит.
Пущу стрелу в стремительный полёт —
она мгновенно спесь с него собьёт!
Я разбужу ленивого глупца,
я призову на подвиг храбреца.
А тех, кто встанет на моём пути,
умею мигом в чувство привести.
Для всех, кто сыт и пьян чужой бедой,
для старца, что торгует бородой,
для вора и плута — как на войне —

стрел у меня достаточно вполне.
 Да, стрел моих достаточно для всех,
 и я вам гарантирую успех:
 прицелившись, я знаю наперёд —
 пройдоха от расплаты не уйдёт!
 Сегодня я до дрожи натяну
 ревущую по-бычьей тетиву.
 К барьеру, недруг, я «иду на вы»
 под грозный рёв строптивой тетивы!
 Пусть слушают ревниво небеса,
 пускай замрут равнины и леса,
 скажи, арбитр, мне правила стрельбы,
 ведь тетива ревет в руках судьбы!

* * *

Вслушиваясь в старые мотивы,
 голосам внимая пасторальным,
 «Эге-ге! — вскричал я, — что за диво!»
 Как буран, взметнулся горделиво
 и решил прослать оригинальным.
 И, подобно прочим стихотворцам,
 стал блуждать в плену самообмана,
 как батыр, что бродит вслед за солнцем
 по безлюдью — в поисках кулана.
 Сам себе твердил я: предположим,
 простота покорена тобою,
 но коль стать решил ты непохожим,
 то иди нехоженой тропею!
 Как баран, что тычет рыло в камень,
 заплутал я в неприступных скалах.
 Ведь язык наш тем и уникален,
 что не сыщешь слов в нём небывалых!
 Спесь во мне утихла понемногу.
 Огляделся я вокруг, и что же?
 При любых отличьях, слава богу,
 все казахи чем-нибудь да схожи.
 Так что правь словами-скакунами!
 Но при этом — остеречь посмею —

не трудись ни жизнью, ни стихами
быть несхожим с нацией своею!

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ АВТОБИОГРАФИИ

Что касается остальных
автобиографических сведений, —
они в моих стихах.

Сергей Есенин

Родная степь, где духом я окреп,
и вся моя огромная страна,
её рассветы и нелёгкий хлеб —
в стихах моих отражены сполна.
На нить стиха нанизываю я
и град, и морось отшумевших дней.
И разве не реальность бытия —
приветливые кроны тополей?
А юный пыл, что не остыл в крови,
и ночи опьяняющей любви,
и полные волшебной новизны
«предания глубокой старины»?
Я был угрюм и веселился всласть,
я укрощал строптивого коня,
без оговорок отвергая власть
тех, кто пытался укротить меня.
И потому я на своём веку
познал не только радость, но и страх,
забвенье, одиночество, тоску —
всё это также есть в моих стихах.
Но всё равно звонка моя домбра,
не тронул иней струн её тугих.
И коль судьба была ко мне добра —
то всё это живёт в стихах моих...
В них сказано отчётливо вполне
о том, как жизнь крушила рёбра мне,
а клеветы отравленная соль,
попав на раны, причиняла боль.

Как я вскипал, как сотни раз подряд
 к вершинам шёл и утопал в снегах.
 Как был перед любимой виноват
 и перед нею каялся в грехах.
 Как по весне на южных склонах гор
 умылся родниковой водой
 и как затем скакал во весь опор
 в погоню за несбывшейся мечтой.
 Мои берёзы, сосны, краснотал,
 ключи живые у подножья скал
 и грозные пророчества молвы:
 горяч, мол, не сносить мне головы;
 и все гримасы многоликой лжи,
 что ловко драпированы парчой,
 и гнев, и боль доверчивой души,
 исхлёстанной предательской камчой;
 и ты, мой край, который встретит рад
 грядущий день с улыбкой на устах,
 и горечь понесённых мной утрат, —
 весь этот мир живёт в моих стихах.

ГУСИ

Зачем судьба их снова бросила
 сквозь облака — в небесный омут?
 Они летят, но степь и озеро
 расстаться с птицами не могут!

К холмам священным, достопамятным
 вновь суждено им возвратиться.
 О степь моя, паду к стопам твоим,
 как эти трепетные птицы!

К родимым далям в нетерпении
 они стремятся днём и ночью,
 отягощают оперение
 туманов чужестранных ключья.

И славят степь — печалю, радуя, —
их несмолкающие песни.
(Как быть с душой, что, став крылатою,
тебя уносит в поднебесье?)

Переполняет грудь мелодия,
и травы ей внимают в неге...
Ах, как же ты прекрасна, Родина,
с гусиной стаей в чистом небе!

ФАРИЗА УНГАРСЫНОВА

* * *

Ты ушёл. Опоры нет отныне.
А всему виной моя гордыня.
Мне кручина выела глаза.
В сердце бунт, как будто смерч в пустыне.

С гор не тянет вольною прохладой,
И пожухли травы в час проклятый.
Ведь одно томило нас! Оно
Обернулось тёмною расплатой.

Суть не в пошлом счастьеце...
Как странно...
Взор к тебе направлен неустанно.
С кем теперь мне петь под стон домбры,
Душу разверзая покаянно?

Но качаться в злой тоске невмочь мне.
Иль к тебе ворваться тяжкой ночью,
Увести тебя оттуда прочь,
Жалкий сон твой разрывая в клочья?

Сердце в тучах бьётся одиноко.
Ты изведал тоже бед премного.
И тебя свербит обида, друг:
Всё нутро — подобие ожога.

Как смеяться, если слёз мы стоим,
Если непокорно дух устроен?
...Хорошо, что есть на свете тот,
Кто обиды искренней достоин.

* * *

Когда, когда, когда его увижу?
 Ответ, моя надежда, не глумись!
 Как в этой пытке ожидания выжить?
 Глотать до коих пор мне сердце, мысль?
 До коих пор мне вне его объятий
 Помешивать отраву тёмных строк?
 До коих пор тоске моей проклятой
 Волчицей выть?
 До коих пор комок
 Бессилия,
 как траурный замок,
 Мне сердце будет запирасть от мира?
 До коих пор платить мне страсти дань
 И нёмотою раздирать гортань?
 Что людям мило — мне давно не мило.
 О кто-нибудь, приди с любым лекарством,
 Полезным для издёрганной души!
 Другие бродят в ласковой тиши
 И наслаждаются зелёным царством
 Прохладных парков...
 Что же я в слезах?
 Беременна тоскою по нёму я
 Который год...
 Свою беду нёмую
 Ношу в своих измученных глазах.
 Смерч молний августовских — в сердце бедном.
 Как разогнать нагроможденья туч?
 Батыр пленённый, крутоплеч, могуч,
 Но связан — путь борьбы ему заказан!

Со мною то же: очи — словно меч,
 Нутро — огонь, да не рассечь, не сжечь:
 Им, только им, мятежный дух мой связан.
 Бьюсь о бураны я, в степи бредя,
 Но упаду, лишь до него дойдя!

ИСПЫТАНИЯ

Скажу: «Не верю сорванным цветам —
 Сорви хоть все цветы высокогорья...»
 Я — счастлива: любовь в твоём укорё,
 Но отвернусь и виду не подам.
 Есть равнодушие, склонное к искусству.
 Есть безразличие — взрослая игра.
 Я отвернусь — под сердцем станет пусто,
 Но ты не верь — душа моя добра.
 А можешь разувериться, пожалуй.
 Звони. Стучи — я не открою дверь
 И, к телефону кинувшись, устало
 Скажу, любя: «Любви моей не верь».
 Отныне станет боль твоя — безмерна.
 Сама изнемогаю от игры:
 Я холодна, страшусь прослыть неверной,
 Когда душа и помыслы добры.
 Мне ль не понять твоё недоуменье,
 Наедине с тобой и в отдаленьи.
 Не веришь, что люблю тебя, — не верь.
 Хочу поцеловать тебя — не верь.
 Неверью моему, прошу — не верь.
 Я знаю: в мой тяжёлый час сомненья
 Ко мне пройдёшь ты сквозь любую дверь.

ПЕСНЯ МАЙРЫ¹

Жиреют слухи о Майре,
 Толпой гуляя по Кереку.
 Затычкой быть в любой дыре
 Живому тяжко человеку.

Талант — порок, краса — вина.
 О боже! Кто же в самом деле,

¹ Майра Уалиева — певица, композитор, жившая в XIX в.

Когда пою всю ночь без сна,
Во тьме души добычу делит?

Меня же хоть огнём сожги,
Из пепла встану песней новой.
Сородичи или враги —
Самозабвенные злословы?

Ползущий в гору так нелеп,
Но хочет жадный славы с гаком.
Неужто мой народ ослеп,
Что клячу кличут аргамаком?

За мной, за пылью ног коня
Не попевал в степи просторной.
Теперь судья — судить меня
Готов со всею прытью вздорной.

Поющих правду били влёт.
Народ, стеная или плача,
Цепь птицам вольности кует,
Когда кочевьем правит кляча.

* * *

Опять я в полымя скакнула из огня,
То величаюсь, то уничижаюсь,
То радуюсь, идеи хороня,
То бьёт озноб, когда на углях жарюсь.

То самозванкой влезу на престол
Поэзии, привставшей на мгновенье,
То сею в душах смуту и раскол
И чудом объявляю волчье пенье.

Я нынче, только вступят на порог,
Как фурия, хватаю хворостину,
Но завтра из пророков я пророк —
Зачем тащиться в Мекку и Медину?

То среди раболепных сучусь
 Скуластою сивиллой прорицая,
 То обругаю самый тонкий вкус,
 Высокопарной истиной бряцая.

Порой молчу, набравши в рот воды,
 И выгляжу умнее говорящих,
 А все мои спесивые труды
 В любой завальной лавочке обрящешь.

Когда увижу сей развал, разброд
 И слов своих ненужные страницы,
 Как радостно ругаю свой народ,
 Взамен того, чтоб в ноги поклониться.

Найдись, безгрешный, камень брось в меня.
 Когда же правды возродится царство?
 Когда нетленной сутью вырвусь я
 Из плена глупости и самозванства?

* * *

Разгул цивилизованного шума
 Пошёл к чертям! Сбежим! Вот родники
 Целуются с землёй, как пух легки.
 Зовут к себе стоцветных гор верхи.
 Погоню скучных дел опередила дума.
 Эпический батыр позвал меня на край
 Земли, оседлан вороной двукрылый...
 Я — нежная красавица, мой милый,
 Мне без тебя весь этот мир постылый —
 Пустыня... Пеклом был прохладный рай.
 Искрятся небеса в копытах аргамака,
 А дикое зверьё попряталось в лесах —
 Летим в созвездие Весов, и на весах
 Взлетела чаша тишины и мрака.
 Я вся твоя, я — вещество любви,
 И нет, кроме тебя, мужчин на свете.

Зов хитреца освистан — свищет ветер,
 А ты меня хоть на костёр зови!
 Луна — прикол; привяжем вороного!
 Прозрачны мы, от счастья не пойму,
 О чём я плачу звёздами во тьму,
 Над чем смеюсь?... Смеюсь и плачу снова.

* * *

Двуликий Янус — мой двуличный век.
 Покоя нет — покой нам и не снится!
 Вокруг довольные собою лица —
 Удушливый благополучья верх.
 Свободных крыльев пламенный размах
 На вырост душ пока что не рассчитан.
 Лишь ненависть — от сытости защита —
 Бездействия размечет сизый прах.
 Какою мукой я пренебрегу,
 Чтобы привлечь холодное вниманье
 Истории, безжалостной к страданиям
 В своём гудящем огненном кругу!
 Мы все в ракете времени. Прицел!
 Какой извоз догонит хоть минуту?
 Штурвал ракеты кнутовищем гнутым
 Не управляем, если время — цель.
 Не удивишь, он слишком искушён,
 Мой век во всём себе не знает равных.
 Так почему же нрав его отравлен,
 А сердца стук под пеплом заглушён?
 Ни спать я не могу, ни притвориться,
 Когда невинных грабят по ночам,
 В красивых кожах чёрным палачам
 Отпором буду. Я — твоя страница,
 История! Мне не по силам лгать.
 Мужская ноша взвалена на плечи.
 Как женственности облик искалечен,
 Когда эпоху жаждешь понимать!
 Мне нет покоя, ночи нет и дня.

Покой — безумье, вы ему не верьте!
Свинцовой пулей, каплей чёрной смерти
Расстрелы убивают и меня.
Довольно о себе! Я горсть земли,
Я — вздох её, и всхлип, и боль, и песня.
Я справедливою борьбой воскресну,
Когда весь мир бесправием залит.
О африканка, лишь в борьбе прозренье —
Иного не дано, иного — нет.
Мы пред историей должны держать ответ
За злодеянья и великие творенья.

ДУЙСЕНБЕК КАНАТБАЕВ

КОЛОДЕЦ

Казалось, что колодец неглубок,
Отары шли и жадно воду пили.
Не раз он путникам измученным помог,
Не раз вселял надежды в них и силы.

Казалось, он иссяк уже до дна.
И пересох. И опускались руки.
Но поднималась кауга, полна,
К твоим губам. И радостные звуки

С водою шли. Поила всех вода.
Трава была зелёной. Небо — синим.
Студёная, как будто бы со льда,
Вода усталым придавала силы.

Но пересох в жару живой родник.
Ушли отары. Опустели степи.
Один лишь камень к роднику приник,
Как будто слушал струй далёких лепет...

Как будто бы ловил он жадным ртом
Земли несуществующую влагу,
Безмолвный, он лежал над родником
И звал овец толпившихся ватагу...

Но обходили люди стороной
Пустой колодец. Птицы пролетали.
И неизвестно, что земле сырой
Пески безмолвные шептали.

Как будто камень выдавил слезу,
 На дно спустилось небо в полном блеске.
 Колодец ожил и поймал звезду.
 И стали слышны крупных капель всплески...

Колодец весь наполнился водой,
 Легла роса на жёсткие растенья,
 И вновь в душе, давно уже пустой,
 Возникла радость нового цветенья.

ВБЛИЗИ КАРА-БОГАЗ-ГОЛА

Вблизи Кара-Богаз-Гола,
 В мёртвых его песках,
 Немыслим полёт глагола
 И смех живой на устах.
 В глине, насквозь прожжённой,
 След чужой нахожу.
 Пятницей, Робинзоном
 В этом краю брожу.
 Всё в песках онемело,
 Голос людей замолк.
 Помните, как гремел он?
 Эй, Кара-Богаз-Гол!
 Шёл он с плакатов броских,
 Соль на-гора грузил,
 Помните, Паустовский
 Стройкою этой жил?
 И не найти человека,
 Чтоб вас напоить водой.
 Пусто. И только эхо
 Следует за тобой.
 Чёрных домов пустоты
 Дают тенью, гнетут.
 Жив на земле хоть кто-то,
 Если всё пусто тут?
 Где я? Ведь в это время
 Люди летят к Луне.

Страшнее, чем встретить зверя,
Жить в такой тишине.

Нет, не безлюдье даже,
Жажда страшна песков...
Вдруг впереди (не мираж ли?!)
Стадо диких ослов.

Дикое это стадо,
Стрелки серых ушей
Мне показались прохладой
Утренних камышей.

Только лишь по тропинке
Сделал я молча шаг —
Вздروгнули все тростинки
Чуткого камыша.

Рыбою ускользя,
Жирным лоснясь хребтом,
В степь уносилась стая
Следом за вожакom.

К нересту так по рекам
Рыбьи скользят хребты —
Бросились от человека.
— Кто ты? Пришелец — ты?

Что же ты нынче хочешь?
Ты не поил нас? Нет.
Не укрывал нас ночью,
Если вдруг падал снег.

Что ж, погоняй пустыню,
Холку выщипывай ей,
Мы не твои отныне,
Мы — дети вольных степей.

Жаждой в пути измучен,
Что я поделать мог?
Рос саксаул колючий,
Чистый скользил песок.

Где я? Куда я вышел?
Век здесь и год какой, —
Если б не эта вышка

Радостной буровой.

Силою небывалой,

Крепью стальных опор

Выше она поднимала

Синих небес шатёр.

Солнце давило в спину,

Песком заносило след,

Но через всю пустыню

Шел я на ясный свет.

Был он в песках опорой,

Привязью для коня —

Столб золотой, который

Жизнью стал для меня.

НАДЕЖДА ЛУШНИКОВА

* * *

Я с песней Куралая прихожу,
С поющим сердцем я иду к вам, люди.
С собой домбру на праздник приношу,
Ведь без меня здесь праздника не будет.
Сама я праздник. И со мной домбра
И песни Куралая до утра.
Напев мой бьется, как волна о берег,
И я слова любви родному краю,
Как драгоценный камень выбираю.
Все это — людям. Пусть они мне верят!
Я — верблюжонок. Молодая лань.
В поэзии я — холмик, не вершина.
Но, Родина, я дочь твоя!
Ты стань в стихах моих роднее сына.
Хоть Казахстан акынами воспет,
Ему в стихах я свой несу привет.

ПОЖЕЛАНИЕ

Как волны, что бьются о берег высокий, —
Так бьются о сердце стихи в тишине.
Наполнены светом и радостью строки,
Крылатые мысли зовут к вышине.

О жизнь, пусть вовеки веков не случится,
Чтоб стали рабами и сын твой, и дочь,
И пусть никогда им не ляжет на лица
Смятенья и ужаса чёрная ночь.

Пусть каждый очаг будет тих и спокоен,
 Пусть птицы гнездо себе выют поутру.
 Пусть едкое пламя пожаращ и воин
 Не тронет букашки, ползущей в нору.

Пусть ров меж друзьями не будет проложен,
 Пусть крепнут объятия народов земли,
 Пусть буря казан опрокинуть не сможет,
 Чтoб люди поесть безмятежно смогли.

Пусть маки огнём полыхают на взгорьях,
 Пусть солнце с небес не устанет светить.
 И пусть не рождаются дети, которых
 Однажды положено пуле сразить.

Я — ДОЧЬ КАЗАХСКОГО НАРОДА

...Вглядись:

Я — дочь казахского аула,
 Тюльпаном алым в степь я заглянула.
 Степные ветры ластились ко мне —
 И радость я в степной простор вдохнула.
 В ауле вырос и ровесник мой,
 В ауле друг мой встретился с мечтой.
 В ауле жили родичи мои
 Единой, неразлучною семьей.
 О степь моя! Как не любить твой нрав!
 Народ твой добр, земля в соцветьях трав.
 Здесь бабушка щедра и весела,
 Как ласточка поит меня с крыла.
 Здесь мудрый дед осмысливает путь.
 Кто в стужу к нам решил бы заглянуть,
 Тот был бы и накормлен и согрет.
 И шубу с плеч для гостя снимет дед.
 Живёт в моём ауле старший брат.
 Душа его — как драгоценный клад.
 Какой бы груз на плечи ни упал,

Он, словно нар, взойдёт на перевал.
 А младший брат — во всём помощник мой.
 Лишь только позову — передо мной.
 К труду и уважению привык,
 Он перед старшим гибок, как тростник.
 Здесь выросла и старшая сестра.
 Приветлива всегда, всегда добра.
 Её душа — как шёлковая нить,
 Такой сестрой нельзя не дорожить.
 А младшенькая — как тюльпан в цвету.
 Её объятий я не расплету.
 Доверчива ко мне она во всём.
 О, как нам хорошо здесь впятером!
 В ауле этом
 Я женге нашла,
 Она и благородна и светла.
 И, с уваженьем голову склоняя,
 «Бикеш-душа» зовёт она меня.
 Аул родной!
 Ты воспитал меня,
 Мою любовь до времени храня.
 Язык казахский мне навеки дал —
 Сравнятся ль с ним и жемчуг и коралл?
 Чтобы жила я с песней на устах,
 Домбру мне подарил старик-казах.
 ...Ещё, о сад цветов, о степь моя,
 Не одного заметишь соловья!

ПОСВЯЩЕНИЕ МАТЕРИ

Ты постарела, и глаза остыли,
 А в волосах хозяйничает осень.
 О Мать, скажи, зачем ты загрустила?
 Ведь юность мы твою в себе уносим.

Взгляни на небо — яркое, тугое —
 Смотри, оно завидует тебе!

Спроси его о радости и горе
В твоей, насквозь просоленной, судьбе.

А вот сосна. Она зимой и летом
Нарядная, как девушка, стоит.
Ведь это ты! И о тебе поэты
Стихи слагают лучшие свои.

Так не грусти, что скоро постарела.
Смотри — Луна! Она куда старей,
А всё ж чиста, как молодость, как время.
О наша Мать, не смей стареть... не смей.

МУХТАР ШАХАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ МАХАМБЕТА

Наука не отрицает того, что у некоторых людей бывает особое болезненное предчувствие своей судьбы. За два дня до гибели Махамбет рассказал близким свой странный сон. Ему приснилось, что его голова, сорвавшись с плеч, начала прощаться с ним.

1. СНОВИДЕНЬЕ

Сновиденье ужаснее Судного дня!
Видел я: издеваясь, терзают меня...
Чьей-то тенью прикрывшись, пронзила мгновенно
Это сердце — знакомая вражья рука...
Ведь злодейство всегда поощряет измену,
Настигает негаданно, исподтишка!
И моя голова, с плеч слетевшая в грязь,
Покатилась вдоль белого Яика, мчась
По отеческим землям — до самых низовий,
И — багрова вся степь от стекающей крови.

В это время лихое утрат и невзгод
Страшный сон мне, конечно, приснился не даром.
Видно, с жизнью расстаться я должен нестарым
И с тобою проститься, мой гордый народ!

Призывая к свободе, я каждый свой час
Был невянущей мудростью, движущей вас.
Был я плещущим стягом, наверхшем дrevкá.
И душа моя вечным волненьем близка.

Вашим помыслам, подвигам вашим орлиным
Был я верным, несломленным вашим акыном!
Но поэты живут по законам особым,

Те законы укажут сияньем своим
 Путь в житейской пустыне, их свод нерушим.
 Трус вовеки не станет Поэтом большим!
 Тех, в ком смелости мало, не вспомнят за гробом!
 Мой народ, ты — мечта моя, ты — я печаль!
 О, куда же тебя поведут и направят,
 По каким неизведанным тропам?.. Как жаль,
 Коль, меня обезглавив, тебя обезглавят!
 Правдолюбца горька бескорыстная слава...
 Ради правды перо отточил я и меч!
 Кто поэтом рождён, говорит нелукаво,
 Не пугаясь, что голову могут отсечь.
 Я со смертью встречался, говенье изведав,
 И не раз надо мной собиралась гроза.
 Но кому повезло из отважных поэтов,
 Говоривших властителю правду в глаза?!

О тебе мои думы и в тесной могиле,
 Люди верные долгу и в смерти — верны!
 И насколько Отчизну они полюбили,
 Столько мук перетерпят во имя страны.
 Верю: завтра, ветрам возрожденья открыт,
 Мой пробудится край, от надежды светлея.
 Улыбнётся вам солнце, печаль отлетит...
 Станет меньше тупиц, присмирят злодеи.
 Верю: завтра от злых наваждений очнётся
 Вольный край, обретая могучую речь!
 До каких это пор нечестивцы, уродцы
 Будут счастье народа скрывать и стеречь?
 Верю: завтра не будет почёт одинаков
 Для бессовестной лести и праведных слов.
 Украшенья, достойные лишь аргамаков,
 Не повесят на шею паршивых ослов.

Верю: завтра в моём благодатном краю
 Люди мудрость почтут как святыню свою.
 Ведь без промаха Время стреляет из лука,
 Все постигнут, кто подлинно в мире велик,

И настанет пора, впрок придётся наука,
 И поэтов посадят повыше владык.
 О мечтанья мои!..
 Суд суровый сверши, утро нового дня!
 Помоги поколениям все оценки сменить.
 И сочтут преступленьем
 Неспособность людей полюбить от души!
 Отчий край, всемогущий, исполненный сил,
 Ох, не видеть бы мне, как ты нищ и уныл.
 И пока не взошло солнце правды крылатой,
 И в предания подлость и ложь не ушли,
 И цветок не пробился сквозь ржавые латы, —
 На тебя погляжу из-под этой земли!

2. ПРИГОВОР ОТЦА

Расталкивая войлока накаты,
 Ворвался в юрту здоровяк-джигит.
 — Отец! — раздался голос нагловатый, —
 Всегда ты недоволен и сердит!
 «Не станешь человеком!» — всё ты каркал,
 Твои попрёки помню с детских лет.
 Взгляни — с каким я прихожу подарком —
 Пожаловал султан Баймагамбет!

К отцу подходит, пыжась, торжествуя,
 И в буйном упоении своём
 Швыряет шубу серую, седую,
 Украшенную золотым шитьём.
 — Ну, говори! Ты, видно, был не близко...
 Поведай от начала до конца,
 Какой ты подвиг совершил, где рыскал?!
 — А было нас четыре удальца...
 У Махамбета родич есть... Ихласа
 Уговорил я: «Не промедлим часа! —
 Ты только лишь вниманье отвлеки!»
 Искусные расставили силки...
 До утра не описать всё это,
 Хоть до рассвета языком мели...

Короче — мы убили Махамбета
И голову султану отвезли.
— Ах ты, злодей! Какое горе! Где я?!
Иль в логове змеином я увяз?!
Но как же я не распознал злодея?!

У старца слёзы брызнули из глаз.
— Отец! Очнись! Тебя я не пойму!
Ты мне, ребёнку, как слова завета,
Сказал, что ненавидишь Махамбета...
Какому слову верить твоему?!
— Ох, правда, сын мой!
Сказанное слово —
Как выстрел в цель...
О, помраченья тьма!
Иль было мало у меня ума?!
И не твоя ли мать была причиной
Моих мучений?! В юности она
Любила громозвучного акына,
Была в его напевы влюблена.
Отчаянье меня ожесточало.
Всё ж не точил я ревности кинжала.
Терзался молча в злые времена.
Так не узнал поэт, что есть на свете
Душа, в пределах тесных бытия,
Мечтающая лишь о Махамбете...
Но, если о скитальце мать твоя
Упомянуть слышала, бывало,
Глаза сверкали и лицо пылало,
Как будто слово каждое певца
Дарило счастье и вселяло силу.
Такое чувство чистые сердца
И нежит, и сжигает до конца,
Тот пламень унесла жена в могилу!
Увы, многострадальный наш Яик
Не внял тому, кто истинно велик!
И был слеп всею слепотою мира...
О, если б каждый полюбил казах

Того, чьих крыльев грозен был размах,
 Великого акына и батыра!
 Соединивший мудрость с добротой,
 Себя связавший с истиной всезрящей,
 Поэт — могучий лебедь золотой,
 Священный лебедь, над землёй парящий!
 Но кто из предков — дурень, отвечай! —
 Хотя бы ненароком, невзначай
 Прицелился бы в лебеда из лука?!
 Какой позор! Немыслимая мука!
 Да ведь от века ничего скверней
 Не совершалось на земле казаха,
 Ведь в лихолетья на земле своей
 Поэта своего, не зная страха
 И безоглядно жертвуя собой,
 Оберегал народ, вступая в бой.
 Чего ж ты ожидал, певца губя? —
 Мечтал ты, что султан одарит щедро...
 Но знай, что завтра против злого ветра
 Поставит поколение тебя,
 Напомнит Махамбета смерть и травлю,
 В лицо злодею плюнет, разъярясь,
 И полетят в тебя и сор, и грязь...
 От этой пытки сына я избавлю'..
 Да ведь и мне спасенья нет, мой сын!
 И кровь у нас одна, и путь один!
 И на людей — глядеть мне виновато...
 Ты сделал так, чтоб люди не могли
 Мне на могилу бросить горсть земли,
 Как ни горюй, а подойдёт расплата.
 Ты вырыл яму и в неё упал,
 Мой бедный сын, убийца и бахвал,
 Мне на беду подаренный судьбою!
 Пошли! И шубу захвати с собою!..
 Уж солнце меркнет, набежала тьма
 И хмурятся пески глухонемые...
 В степи у одинокого холма
 Остановились путники впервые.

— Крепка ещё, сынок, моя рука,
Ты знал меня как меткого стрелка,
Ты помнишь, как, бывало, воробью
Летающему стрелу я в глаз вобью? —
Спросил отец, почувствовав пустыню
В своей душе...
— Я помню! — молвил сын.
— Как благостыню
Твоё рожденье принял я, ты был
Моих надежд и радостей мерилом,
Но стало горьким то, что было милым,
И ноша давит, и нести нет сил.
Ну, поднимись на этот холм.
На склоне тебя оставлю — словно скину кладь...
Ты опозорил землю беззаконьем,
Отца ты ранил так, что уже не встать!
Лежи теперь на этом склоне... Что ж,
Услышишь Махамбета стих — в итоге
Из уст людей, идущих по дороге,
И, может быть, хоть что-нибудь поймёшь.
Кто растоптал закон степей высокий,
Тот позабыл истории уроки...
Прости меня, но узок этот круг!
Законы степи — прадедов законы, —
Сказал отец, натягивая лук.

АЯН НЫСАНАЛИН

АРЧЕВНИК

То зной иссушает, то снег заметает —
Усталости стойкий арчевник не знает.
И время само расколов пополам,
Сквозь камень проходит и небо пронзает.

Он имя зари раньше всех выкликает,
И крыльями тучи его избивают.
Как равный привет посылает орлам,
И пламенем вечнозеленым мерцает.

Лишь грозные скалы его окружают,
Лишь чёрная пропасть бездонно зияет!

КИНО

В голубой и ласковый вечер,
В Жетымтау, давным-давно,
Как подснежник, юн и доверчив,
Я впервые увидел кино.

Там, на белом экране, мчался
Красный всадник на белом коне!
И казалось — мне улыбался
И скакал, обжигая, ко мне!

Весь аул вздыхал ошалело,
Вслед за всадником мчатся готовый.
И луна на небе висела,
Как серебряная подкова.

А когда экран погасили
И далёкие звезды зажглись,

Показалось: в чернильной сини
Конь загадочный скачет вдали.

Проскакали годы, как кони,
Оставляя в сердце следы.
Тот мальчишка вырос и понял,
Что увидел он Амангельды.

* * *

О жизнь моя, счастливый дар,
Прозрачность воздуха и трав цветенье,
И пляска пчёл, нашедших свой нектар,
И верблюжонка первое движенье.

И самый первый ласточки полёт —
Как это всё в крови моей кружится,
Как это всё ликует и поёт,
И светлой тенью на душу ложится!

ПЕЙЗАЖ

Белые, белые, белые волны миражные
по голубому небесному полю плывут.
Следом за ними несётся пушистый, отважный —
За горизонт — одуванчика парашют.

Солнце набухнет, как вымя степной кобылицы
Травы тучнеют от щедрого молока.
Голос ручья, словно голос серебряной птицы,
Ветер ленивый доносит издалека.

РЫБЫ В АКВАРИУМЕ

О стенку стеклянную рыбы стучат.
А мы равнодушно не замечаем.
Не для них горят восход и закат.
Мечутся, воздуха не хватает.

А мы равнодушно не замечаем.
Досыта кормим! Что ещё надо?

Может, как мыслям, — побыть на просторе?
 Вольности душно за прочной оградой,
 Крохотны так, а тоскуют о море!
 А мы равнодушно не замечаем...

* * *

Голос воды серебрист во мгле,
 Это вошла звезда Сумбуле.
 Синее небо льёт свет молочный,
 Лик промывая чёрной ночи.
 Поздняя осень, неужто ты
 Весны продолжение, её мечты?

Луна, зацепившись за ветку ивы,
 Дремлет устало и сиротливо.
 Что-то в траву упало со стоном.
 Не это ли яблоко Ньютона?

* * *

Я теперь, как медленная река,
 Много взял у жизни и мало вернул.
 Клейкой почкой своей, белизной цветка —
 В мою душу урюк заглянул.

Мрак исчезнет, и свет пробьётся в окно.
 Прочь подошвы гладкие ускользнут.
 В эту землю брошенное зерно
 Люди золотом нивы скоро вернут.

Разольётся рекой родника вода,
 У цветов-близнецов будут разные лица.
 Из невзрачного, маленького гнезда
 Улетят в поднебесье певчие птицы.

О судьба, не суди. Помоги в пути.
 Пусть мелодия будет тобою хранима.
 Одинокому сердцу созвучье найди
 С этой жизнью — бурной, неудержимой...

ТОЛЕГЕН КАЖЫБАЕВ

ЧАПАН МОЕГО ДЕДА

Посвящается духу деда Сыздыка Толемисулы

Не забыть мне, хоть кажется сном —
Столько лет пролетело, прошло, —
Как под тёплым его чапаном
Находил я уют и тепло.

Горе, подлость людская, развал, —
Как огнём, обжигали сердца.
Дед украдкой меня целовал,
Капли слёз вытирая с лица.

Втихомолку поплакав, молчал,
Глядя в серую даль за окном.
Если я засыпал, по ночам
Дед меня укрывал чапаном.

Если днём меня смаривал сон —
А поспать был тогда я мастак —
У моей колыбели пел он
И качался мелодии в такт.

Миновало с тех пор много лет,
Он в земле упокоен давно.
Но с тобой, несравненный мой дед,
Я веду разговор всё равно.

Знает дух твой о том с высоты —
Вряд ли с неба достану звезду.
В этом мире неправедном ты
Пересиливал мною беду.

Чуя детской душой, как спина
У него каменела в тоске,
Нырлял я в тепло чапана,
Как ягнёнок сопел в закутке.

Так озябшие души свои
Согревали мы с дедом тогда.
А от слёз, что печально текли,
Увлажнялась его борода.

Засыпал я, малец, крепким сном
Под укывшим меня чапаном.
И чапан этот с горестных дней
Мне милее всего и родней.

Я же деду был дорог вдвойне —
Продолженье он видел во мне,
Воплощенье любимого сына,
Что в сраженьях погиб на войне.

Если дед мой сильней горевал,
То старинный кобыз доставал
И, коснувшись смычком скорбных струн,
Он по сыну тоску изливал.

Как сиротки, вдвоём — млад и стар —
У суровой эпохи в тени,
Уповая на божий лишь дар,
Коротали мы тяжкие дни.

Не касались улыбки лица —
Мне такой, видно, выпал удел:
В раннем детстве лишившись отца,
Я быстрее других повзрослел.

Я давно уже сам дедом стал,
Внуки свой повели караван,

Но увижу: идёт аксакал —
Так и тянет к нему под чапан.

Ты отца заменил мне, мой дед,
В годы страшных лишений и бед.
Пред тобою я в вечном долгу
И чапан твой забыть не смогу.

БЕРЁЗА, СТАРАЯ БЕРЁЗА...

Когда я был ребёнком малым —
Ты тонким прутиком взошла
На взгорке около села.
И потихоньку подрастала.
В твоей листве в какой-то миг
Я музыку небес постиг.

Берёза, старая берёза...

Когда же я джигитом стал —
И ты росла из года в год,
Был строен твой девичий стан.
С любимой ночи напролёт
Я под твоей заветной кроной
Тогда простаивал не раз.
Своею песней нёмудрёной
Ты завораживала нас.

Берёза, старая берёза...

Когда я стал мужчиной зрелым —
И ты не только повзрослела,
А стала гордой и могучей,
Твоих ветвей касались тучи.
И мне не верилось тогда,
Что это будет не всегда.

Берёза, старая берёза...

Я стар и нёмощен теперь,
 Немало перенёс потерь.
 Но почему к тебе нёмилость?
 Ты поначалу надломилась,
 Потом упала... не дыша.
 Моя заплакала душа...
 Земной закон всему виной:
 «Ничто не вечно под луной».

Берёза, старая берёза...

* * *

Когда стучится нищий в дверь мою,
 Когда в печали те, кого люблю, —
 Как я могу считать себя счастливым,
 Когда несчастных тьма в родном краю?

Синица в злую стужу не поёт,
 В дугу берёзы лютый холод гнёт.
 И нежиться в тепле я разве вправе,
 Когда желанья превратились в лёд?

Когда враги капканы ставят мне,
 От ненависти души их в огне, —
 Могу ль я быть, как Будда, безмятежным,
 Когда у власти бестолочь в цене?

В те дни, когда тревог не перечеть,
 Надежд лишившись, силы как обреть?
 Как сердцу от отчаянья не сжаться,
 Когда хула мою позорит честь?

Завистники — исчадие всех бед,
 Глумясь, бросают камни мне вослед.
 Как можно думать о какой-то смерти,
 Коль я не всем достойный дал ответ?

Не жалует толпа таких, кто горд,
 Кто независимо себя ведёт.

К чему хвалиться мне своей осанкой,
Пока не распрявился мой народ?

Кичится должностью и званием один,
Другой — мечтой о троне одолим.
Обиды высказать народу как посмею,
Ведь остаюсь в долгу я перед ним?

* * *

Всё проходит в этом мире, всё проходит,
Повторяясь, то же самое пророчит.
Снова небо розовеет на восходе,
И Всевышний раздвигает полог ночи.

Всё проходит, дорогой мой, всё проходит.
Бытие — всего мгновение до тризны.
Быстротечных дней запасы на исходе,
Но пока ты убаюкан в зыбке жизни.

Все события забытой станут бльью,
Чтоб от прошлых всех ошибок отстраниться.
Станут лужами моря, а горы — пылью,
Чтоб потом запорошить веков страницы.

Иноходцем ты летел дорогой бренной,
И следы твои на сопках и в долинах.
Всё меняется, незримо только время —
В бездну вечности течёт неодолимо.

Мчатся годы, нет от них пощады будням,
И я тоже к тем уйду, где нету солнца.
Удивляюсь я беспечным, странным людям,
Убеждённым в том, что смерть их не коснётся.

* * *

Друг другу причиняем боль легко и мимоходом.
Подчас со скользкого пути, упрямые, не сходим.
И примирения цена нам неизвестна в ссорах.

Транжирим времени запас в пустейших разговорах —
Мельчают люди на глазах, мельчают люди.

С размахом строим города, от превосходства млеем.
Но самых близких окружить заботой не умеем.
Чтоб мир хоть чем-то поразить, всё лезем вон из кожи,
А милосердия в любви мы проявить не можем —
Мельчают люди на глазах, мельчают люди.

С какой-то доблестью себя мы травим алкоголем.
О благоденствии для всех бессовестно глаголем.
К чему нам мнения других? — своим гордимся нравом.
И каждый, словно пуп земли, себя считает правым —
Мельчают люди на глазах, мельчают люди.

Ничем себя не проявив, нос тут же задираем,
Как только обретаем власть — то свысока взираем.
И почему-то на виду, при славе и при деле
Не люди здравого ума — ханжи и пустомели.
Мельчают люди на глазах, мельчают люди...

ТАТЬЯНА ФРОЛОВСКАЯ

* * *

Загуляли листья с самой ранней рани,
под забором дрыхнут, бледны и пьяны.
Мы с тобой счастливицы — гордые дворяне —
дом у нас из камня, закрома полны.
Ветер-голодранец дует, голый, бóсый,
опьянен резнёю, полюбил разбой.
Жёлто-красной кровью истекает осень,
что же нам тревожно с нашей — голубой.

Мало ль нам свинцовых выпало прелюдий,
нам ли удивляться проискал зимы!
Сад наш обезлиствел, город обезлюдел,
воздух полонили смрадные дымы.

Где моя отрада, где весны беспечность?
Холодно, и мы из дому ни ногой...
То возьмёт за горло, то отпустит вечность,
с хохотом шурует в топке кочергой.

РОДИНА

Я живу в неведомой земле,
родина — расселина в скале,
бредут одичавшие собаки,
из земли репы растут — не злаки,
и поют не иволга и дрозд,
но вороны каркают уныло —
их стервячье племя в небо взмыло,
червеносных не сыскав борозд.

Несравненной Родине моей —
не чета оазис и розарий,

лик её суров и светозарен
 в чёрной оспе выжженных камней.
 Много выше уровня морей,
 много ниже Бога — ближе к зверю...
 В эту землю праведную верю,
 заступом за хлеб воюю с ней.

* * *

Когда супостат приползёт на коленях,
 когда святотатец затихнет в моленьях,
 когда затрещат в моей печке поленья
 и маленький род четырёх поколений
 настроит прожекторов на тысячу лет,
 а я ещё буду живой, невредимой
 гулять и резвиться на травке родимой,
 земную дорогу пройдя до середины,
 приветливой стану — пошлю вам привет.

Покуда от бранных забот нет свободы,
 и рушатся оземь небесные своды,
 и праздник, как деньги, украли уроды,
 а я, как савраска, судом занята,
 гармонией вам не смогу прислужиться,
 уж лучше с юродивыми подружиться,
 уж лучше на Бога во всём положиться,
 покуда всё тлен и сует суета,
 и пусто, и нет за душой ни черта.

* * *

Кровавым варваром с бескровным интеллектом,
 разъятым трупом под чужим проектом
 влачусь по светлomu в незнаемую тьму;
 то птичкою, бескрылой, безголосой,
 в лоскутных перьях, но простоволосой,
 с мольбою уст — ни сердцу, ни уму.

Сдаю в ломбард последний шанс, как душу,
 бегу водой, как посуху, на сушу,

а суши страшно пуще топких мест.
 Я пред Тобою — горстка глинозёма, —
 Ударит ветер в парапёт казённый
 и оторвёт мой якорь, то бишь — крест.

Кто слишком долго солоно хлебает,
 о пресно-постной жизни забывает
 в погоне за добычей небольшой.
 О, как боюсь, что вам не пригодится
 словес моих прозрачная водица —
 нет у меня другого за душой.

ФИСТАРМОНИЯ

Я удивлялась, как не понимают
 все ближние, что музыка играет
 безвыходно в саднящей голове
 и школьная цифирь, чистописание
 ужаснее паденья без сознания
 на горе матери — соломенной вдове,
 на арифмометре игравшей виртуозно,
 хватавшей счётную работу на всю ночь,
 чтоб нас кормить и дом согреть промёрзлый,
 но выходом никто не мог помочь.

В ту пору, думаю, меня любили —
 я мало всем успела насолить,
 ну что ж они мне дудку не купили,
 коль пианино не могли купить?

Я б в эту дудочку вложила мысль и душу,
 уже разорванную пополам,
 я не однажды, в поисках отдушин,
 шаталась гостьей по чужим домам.

Какими судьбами я забрела в барак?
 Заволгли стены, застоялся мрак,
 подслеповатых окон было мало,
 чтоб осветить сокровище тех стен,

или чудовище, которое стояло,
как бутафория, единственно затем,
чтоб я нашла его и возлюбила,
чтоб я ему сама собой нашлась,
нажала клавишу, на волю отпустила
утробно дивный басовитый глас.

Я в этот дом повадилась ходить,
чтоб оживлять скрипучие педали,
продувы, клавиши, и открывались дали
органной музыки, которую родить
сама бы я могла от инструмента,
не зная нот и правила игры,
до филармонии, с того момента
узнала я звучащие миры.

Сукно истёртое краснело на педалях,
над нотной полкой — имя и медали,
и жёлтозубость клавишных рядов...
Босая... страшно подойти в сандалях...
От сочинений — никаких следов.

Но я уже тогда изобретала
на память заскорузные крючки.
В который раз судьба меня пытала
и прочь гнала от музыки в тычки.

Час пробил, фисгармонию продали
в музей, наверное, а может, не в музей.
Когда прощались, обе мы рыдали,
как жаль мне, что в действительности сей
нет записи в линейном пятистрочье.
Я первобытность крючьев, многоточий,
которые себе изобрела,
как регент древнерусский на амвоне,
почуявший бессмертие гармоний,
как сочинитель-эгоист в загоне,
зарыла, под подушку убрала.

АКУШТАП БАХТЫГЕРЕЕВА

* * *

Здесь сила есть и у песка,
Чтоб с человеком поделиться.
Тебе поможет здесь река
От всех болезней исцелиться.

Здесь могут трели соловья
Качнуть души девичьей стебель.
И песня горного ручья
Здесь серебристо тает в небе.

Страна родная, только тут
Открылся мне твой дух могучий:
Не только птицы здесь поют,
Здесь у людей сердца певучи.

* * *

Я — как Жайык, в котором всплеск сазана.
Мысль о Жайыке в плоть мою вросла.
Когда печаль степная несказанна,
Я становлюсь
Как лодка без весла.

Как быть с чинарой, гибнущей от жажды?
Иссохнут корни — опадёт листва.
Природой берег проклят был однажды —
Три долгих года засуха жива.

Кого винить сегодня, что несчастий
На нашу долю выпало с лихвой?

Когда б в моей всё это было власти,
Прошла бы ливнем по земле родной.

ИВА

Метели рукавами длинными
Тебя касались на пути,
А ты под трели соловьиные
Весной спешила расцвести.

Вокруг, своё рожденье празднуя,
Вели сугробы хоровод.
И лишь к родной земле привязанность
Тебя спасала от невзгод.

И ветер гнул тебя суровый,
Порывом вспугивая тишь.
Скажи мне, ивушка, хоть слово...
Но ты по-прежнему молчишь.

На смену холодам жестоким
Луч солнца явится в жильё.
Но где, скажи, берёшь ты стойкость,
Откуда мужество твоё?..

СКАЖИ ЖАЙЫКУ

Скажи Жайыку — девушка одна,
Как он, и своенравна и вольна,
На белых парусах его напишет
Свои стихи, как пенная волна.

Скажи Жайыку — чайкою прильнёт
Она на грудь его родимых вод,
Где некогда, крылом его касаясь,
Она взмывать училась в небосвод.

Как трудно человеку без тоски
 По берегам родной его реки!
 Скажи Жайыку — дочь его примчится
 Всем мелочам досадным вопреки.

Бывала жизнь неласковою с ней.
 И, как Жайык ярится по весне,
 Из берегов выплёскивая шало,
 Так жизнь её кидала на волне.

Но бури эти были и прошли,
 Их волны жизни смыли, унесли.
 Жайыка дочь идёт по жизни храбро,
 Как по родному руслу корабли.

Она высоко голову несёт.
 Какая есть, такую и живёт.
 Живёт, как ты, — не изменяя руслу.
 Поёт своё. Тоскует — но поёт...

ДИКИЙ ЖЕРЕБЁНОК

Отец! Как ты мечтал о скакуне!..
 Надеясь, что беда пройдёт сторонкой
 И все болезни схлынут по весне,
 Ты попросил оставить жеребёнка
 От лучшей кобылицы в табуне.
 Хотел его в байге объездить сразу,
 Встречать на нём в степи рожденье дня..
 Отец, кто знал, что ты уже ни разу
 Не оседлаешь своего коня..
 Коня, который стал с твоим уходом
 Пугливый, дикий, непривычно злой.
 Он потерял и друга, и свободу
 И лишь в своей конюшне ржал порой.
 Но вот однажды утром рано-рано,
 И норовист, и полон свежих сил,

Он оборвал одним рывком арканы,
Плетёную ограду развалил...
Какой инстинкт погнал его из дома?
Какая даль привиделась ему?
Но конь летел к просторам незнакомым
В рассветную степную полутьму.
...А прежде мирно пил из вёдер воду,
Свою мечту храня в самом себе.
...И нам бы так, всю жизнь любя свободу,
Остаться непокорными судьбе!..

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Исполнены ночные дали
Спокойной, зимней тишины.
Глаза, я чувствую, устали
От чистой-чистой белизны.
Ещё не близок миг рассвета.
Неспешно из гостей домой
В торжественную пору эту
Мы возвращаемся с тобой.

Дома, деревья и дорогу,
Объединяя всё и всех,
Окутывает понемногу
Отвесно падающий снег.
Снег! Снег! Его в течение года
Мы ждали в нашей стороне.
И вот ложится дар природы
На плечи и тебе, и мне.

Рука родного человека.
Следы под сенью тополей.
Платок пуховый мой — от снега
Ещё пушистей и теплей.
Я в дом вошла, но снег тот белый
Не стала смахивать с себя.

Был день, когда, от счастья смелый,
Меня ты обнял вдруг, любя.

Когда не дал сказать мне слова,
Губами губы мне обжёг...
В руках держу платок пуховый —
И на пол падает снежок.
Вновь — словно жаркие объятия
Сейчас смогли меня увлечь...
И снег, как шёлковое платье,
С моих соскальзывает плеч...

ЖАРКЕН БОДЕШЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Учителю, китайскому поэту Шин Ую

Ты смеёшься в усы, Востока великого сын.
Где дорога, которая к правде-вершине ведёт?
Видишь, беркут взлетает с заледеневших вершин,
Этой осенью мы потеряли фантазиям счёт.

Как хорошо,
Воздух прохладен, солнечный день,
Не поднимается пыль на дороге.
Люблю я вершины, под которыми высокая тень,
И очень боюсь невысоких людей, ей-богу.

Не будь надменным,
Руки скрестив пред собой,
Словно сокол, расправь же крыла в блёстках огня,
У нас много великих людей,
Мы гордимся тобой.
Что он может сказать,
Ты послушай казаха,
Меня.

Так послушай!
Правильно ли говорю, удели мгновенье,
Путник мыслями поделиться должен успеть.
Твоя страна — кипящий муравейник,
Моя страна — в красных тюльпанах степь.
Ты — Хуанхэ, жёлтая глинистая река,
Я — широкий, как половодье, Белый Жайык.
Предки твои фрукты выращивали века,
Предки мои — масло взбивать, скот растить каждый привык.

Я — это Абай, не был осторожен в делах своих,
Вон по степи ветер несёт перекасти-поле,
Ты — Ду Фу, детский характер, сладкий стих,
Радующийся рыбке, попавшейся на крючок поневоле.

И справа, и слева бьёт беспощадный холодный ветер,
Я — караван, на верблюде везущий руду.
Ты — полустанок, самый прохладный на всём белом свете,
Путники, здесь отдохнув, дальше идут.

Меж верблюжьих горбов, в конском седле вырос я,
Мне ненавистны хитрый лис и лживый хорёк,
Ты — Великим Шёлковым путём в далекие шёл края,
Соединяя Запад и древний Восток.

Белые-белые облака на вершинах моих,
Дорогой Алатау, выше пики вздымай!
Ты — железо, кипящее в домнах печных,
Я же — нефть, переливающаяся через край.

Все мы под солнцем одним, под шатром одним,
Так скажи, представитель миллиарда людей,
Все хотят знать, всем любопытно, и мы хотим,
Что же будет в самом конце наших путей?

Так скажи мне, представитель благополучной страны,
Скажи же мне, Гомера друг, старина,
Стены Великой очертанья нам не видны,
К кому из нас ближе станет эта стена?

Великой истории уроки не могу понять,
Не могу понять, ответ же, наш современник,
Был ли казахом великий поэт Ли Бай,
Ты-то ведь знаешь, скажи откровенно.

Яви мне горы, где выросли сильные беркуты-птицы
И где к вершинам ведущий пусть труден путь?

На низкой крыше не давай приземлиться,
Чтоб не уподобился я воробью.

Мне очень жаль, мне очень жаль, очень-очень,
Большая удача в руки никак не идёт!
Пока я боролся с трудностями и прочим,
Лучшие песни растаяли, как на солнце лёд.

Зато одолели бесчисленные комары,
Сквозь озеро топкое едва прошёл к твёрдым берегам.
А я ведь хотел утренние открыть миры,
Коня подковал, чтоб идти по камням.

Наставник, прости, что прервал твой покой,
На том завершаю эту газель, я её прочёл.
Я — на треножник повешу чайник свой,
А ты — на очаг поставь разогреть свой котёл.

* * *

Под горою заходит огромное солнце,
А под ним спешат в озеро впасть ручьи,
Будто кто-то чужой в дверь стучит,
Вдруг хозяин проснётся,
Так и сердце моё в грудь колотит,
Стучит и кричит.

Одинокий сыч громко плачет о чём-то своём,
Он подругу зовёт, приходи, мол, гнездо совьём,
Молчаливо луна на небе бледнеет закатном,
К одиночеству не привыкнет душа человека,
Только Тенгри-творец один с сотворения века.

ТЕМИРХАН МЕДЕТБЕК

ВЫСОТНЫЕ ДОМА

Современные исполины,
Монтажом воплощённая мысль,
Из стекла и бетона поэмы,
Устремлённые гордо ввысь.

С домом справится одному как?
Но конец работе когда,
Не подумаешь даже, что в муках
Зарождлся он в чреве труда.

Так он празднично вымыт ливнем,
Так сияют его этажи, —
Что подумаешь с чувством счастливым —
В нём судьба есть своя и жизнь.

Смотришь, вот огни расцветают
В окнах и заря в них дрожит, —
Нет, в домах есть какая-то тайна,
Не открытая мною жизнь.

Как за годом год пролетает
Описать можно в толстых домах,
Но как выразить словом тайну,
Заключенную в тех домах.
Днём и ночью, не зная покоя,
Я ищу единственный ритм.
Может, стих мне глаза отроет
И поможет загадку решить?
В дом я вглядываюсь всё пристальней,
Он похож на гигантский кроссворд

С зашифрованными истинами...
Кто, когда их прочтёт?

НОЧНЫЕ ОГНИ

Город —
Муравейник огней.
Светофоры вспыхивают
Красным,
Жёлтым,
Зелёным.
Брызжет астрально
Автомостраль.
Сверху глянешь —
Раскалённая
Утопает в керамике улиц
Спираль.
Судорогой радужной
Пробегают реклама,
Окна зажигаются,
Как электротабло,
Залита огнями города панорама,
Ночь, а на улице как днём светло.
Дышит огненной сигаретой телебашня,
Чтобы ангелам ночью было не страшно.
Вспыхивают и гаснут
Огненные точки и тире,
Вспыхивают и гаснут
Как гласные в моей строке.
Смывают напором света
Темноту с перекрёстка
Фары автомашин.
Вот так бы поэту строкою хлёсткой
Сбивать потёмки с чужой души.
Вхожу в этот душ огней,
Сбросив обыденности душную оболочку,
Хочу, чтобы не осталось в душе моей
Ни одного неосвещённого уголочка.

Прятаться в тень — привычка холопья...
 Летят с троллейбусных проводов
 Света махровые хлопья.

ПРИ ТРИДЦАТИ ШЕСТИ

И у младенца, и у мудреца,
 У шаха, что дрожит на шатком троне,
 У бедняка, у труса, храбреца,
 У поэта, чья строптивая строка
 Нечаянно вам сердце тронет,
 У путника, плутовавшего в пустыне,
 У альпиниста, покорившего вершину,
 У моряка, плывущего на норд-вест, —
 У всех — температура тридцать шесть.
 Пусть на дворе мороз и вьюга воет,
 Пускай жара сжигает всё живое,
 Пусть Крайний Север станет знойной Меккой,
 Но не изменится температура человека.
 Не закипит при тридцати шести вода,
 Из водоёмов не исчезнет влага,
 Железо не расплавишь никогда
 И даже не зажжёшь бумагу.
 Но отчего же мир сто крат скорбит,
 Ликует, жаждет новых впечатлений,
 Фиаско терпит, разбивается о быт,
 Находит истину, слабеет от сомнений
 И мается, сбивается с пути,
 Кипит и мечется при тридцати шести?..

ГДЕ МОЁ СЕРДЦЕ?

Не со мной моё сердце, не со мной.
 Вырвалось оно из клетки моей грудной.
 Не со мной моё сердце, не со мной.
 Когда земля из-под ног ушла,
 Когда ослеп я от горя и зла,

Когда я отчаялся, всё кляня,
Руки друзей поддержали меня.
Выжил, спасённый друзьями,
Сердце моё — с вами!
Когда оживают поэзии звуки,
Сердце моё —
Тетива лука.
Трепещет, как в лихорадке жестокой,
Готовое в цель метнуть строки.
Готовое ринутся без оглядки
В драку нёмилосердную,
В кровополитную схватку.
Когда за правду
Идёт в бой,
Сердцу моему
Чужд покой.
Бьётся неистово,
От нежности замирает,
Обретает истину
И её теряет.
Возможно оно кому-то
Покажется суетливым.
Подержит в руках мудрый
И отбросит брезгливо.
Не знаю,
Но только сегодня
Не ищи у меня.
Оно там скорее,
Где не хватает огня.
Если оно не мечется
Меж радостью и страданьем,
Если оно не вместе
С моими друзьями,
Если оно не ложится
На вражеские амбразуры,
Если ведёт себя в жизни
Позорно благоразумно,

Просто стучит в груди
Однообразно-постыло,
Значит — оно остыло.

ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Не стану я
Откладывая свои дела на завтра.
Не стану я шутить с судьбой,
Пойду сегодня в лес
И в горы поднимусь в азарте,
На память, о природа, сфотографируюсь с тобой.
Берёзы-матери и братья-тополя,
И сёстры-сосны
Обступят меня радостной толпой,
Как будто я пришёл сюда не в гости,
А возвратился, наконец, домой.
Берёзы, тополя, и сосны
Зашумят
Счастливо,
Желая мне добра наперебой,
И встану с ними я
Перед объективом
Запечатлеться радостной гурьбой.
В обнимку, чтоб кора щеки коснулась,
Чтоб, как ладонь,
Ветвь на моё плечо легла,
Чтоб родственность забытая
Очнулась,
И снова под крыло своё взяла.
Пойду я в степь и встречу с ковылями,
Кивну ошеломлённому сурку,
Сфотографируюсь
На всякий случай
С вами —
Быть может, завтра
Я найти вас не смогу.
Форелью вспененная горная река,

Сфотографируемся —
Ты жива пока.
Ведь может случиться, что в один из дней
Найдут здесь россыпь дорогих камней,
В бетон оденут речку инженеры,
Куда форели
Уходить на нерест?
Под вырубку
Родня моя живая:
Берёза, тополь и сосна,
На солнце золотая,
А может, из поездки дальней
Я не вернусь к вам на свиданье.
Не стану я
Откладывать свои дела на завтра.
Не стану я шутить с судьбой.
Пойду сегодня в лес
И в горы поднимусь в азарте.
На память, о природе, я снимусь с тобой.

КАИРБЕК АСАНОВ

ЧЕСТЬ

Если быть мне убитым — лишь честь меня может убить.
Мне судьбой предназначено — против течения плыть.
Горизонт догоняя, плыву я, но он всякий раз
Не даёт мне приблизиться, вновь отступая от глаз.

Если силы сдают — пламень сердца толкает вперёд.
Хоть с любовью смотрю я на весь человеческий род,
Но из сонма людей лишь один дорогой человек
Обжигает мне душу и радостным делает век.

Я делю свою радость со всеми в житейском кругу,
Но о сладких печалях никак позабыть не могу:
Сотни разных людей обогреты любовью моей,
Лишь один человек отвечает презрением ей.

Но светлы мои мысли, душа моя тоже светла,
И всё тёмное в ней от любви выгорает дотла.
Я не хуже других, пока жив на земле мой народ.
Пока жив мой народ — моя честь в моём сердце живёт!

ТОСКА ПО АУЛУ

Устал я жить. Мне мысли надоели,
Но и разгул весёлый надоел.
Как будто путы на ноги надели,
Я вечно связан вереницей дел.

Стреножен я, хоть нрава не крутого,
Но жгучей плёткой хлещет суета.

Где мой аул? Дым очага родного?
Хочу туда! Туда зовёт мечта!

Там волен я, на скакуне гарцуя,
Глотая жадно свежеть ветерка,
Румяный лик зари моей целуя.
Как степь юна, хоть ей уже века!

Усталость тает. Мысль не угнетает.
Желанья сокровенные сбылись.
Как на морской волне, душа взлетает,
И песни детства возвращает Жизнь.

Я переполнен музыкой небесной!
И вот тогда прочтёте вы легко
Всю мою душу в каждой спетой песне,
Что степь моя разносит далеко.

Растает звук последний. День померкнет.
И снова скука. Так устроен свет:
Коль есть душа — она до самой смерти
Покоя ищет, но покоя нет...

КРАСИВАЯ ПЕСНЬ

Бутон нераскрывшийся нежен, но ты
Нежнее, чем скрытные эти цветы,
Когда, только краешком губ улыбаясь,
Сияньем небес озаряешься ты.

Мне жаль, не написана песня о том,
Как чистишь посуду озёрным песком.

Послушны тебе и наш дом, и наш стол.
Без воли твоей не вскипит и котёл.
Как жаль, не написано песни прекрасной,
И я для той песни слова не нашёл.

Мне жаль, не сказала певунья-домбра,
 Как ты на базар поспешаешь с утра.
 Я часто бываю на тоях-пирах,
 А ты в это время в домашних делах,
 И мыльная пена вскипает в корыте,
 Как пена морская в тугих парусах.

Мне жаль, что не сказано слово моё,
 Как ты, раскрасневшись, стираешь бельё.

И всё же, в потоке земной суеты,
 Свой дар, свой талант не затапывай ты,
 Ведь Слово твоё отзывается эхом
 В сердцах благодарных — они не пусты.

Мне жаль, не написана песня о том,
 Как Словом любой открываешь ты дом!

Кто в помыслах чист, кто душою высок,
 Такой человек для тебя, словно Бог,
 Стоишь перед ним, как в молитве пред Тенгри,
 И рада, что он посетил твой порог.

Мне жаль, не написан прекрасный дастан,
 Как ждёшь ты гостей — щедр твой дастархан!

Я знаю, коль ты обернёшься назад,
 Слезами засветится нежный твой взгляд:
 Я много обид причинил тебе, знаю!
 Но больше всего я в одном виноват:

Я песни прекрасной сложить не сумел,
 Тебя, как весенний цветок, не воспел...

МЕРА

Поглядел я в окно — и в тот миг осенило меня:
 Выпал утренний снег, выпал в меру — ни мало, ни много.

Так и в жизни у нас: не хватает ни века, ни дня,
Чтоб до целей любых, до мечты доводила дорога.

Кто довольным ушёл? Кто спокойно покинул живых?
Всё отмерено в мире. Всему есть на свете границы.
Не тверди, что границ не найдётся у мыслей твоих
И что Время безбрежно, коль к вечности разум стремится.

Но отмерена Жизнь. Что за польза в грехах суеты?
За войною — война, злая зависть, успехи, карьера...
Жизнь научит отбору. И ты у последней черты
Свою меру поймёшь и узнаешь, зачем тебе мера...

КУЛЯШ АХМЕТОВА

АЛТЫБАКАН

Жжёт ладони шёлковый аркан,
Веет ветром чистополя лето.
Колыбель любви — алтыбакан,
Это — счастье,
Птичья радость — это!

Поднимают к самым облакам,
К небесам весёлые качели.
Колыбель любви — алтыбакан,
Мой народ из этой колыбели.

Степь моя, равнины да холмы,
Нас в седле кочевников качала,
И, наверно, переняли мы
У скитаний наших игр начало.

Мы летим над зеленью полян,
От земли до первых звёзд кочуя.
Колыбель любви — алтыбакан,
Это — счастье,
Это — жизни чудо!

Звон браслетов, белых платьев шёлк,
Отвечает смех девичий эху.
Кто богатство на земле нашёл,
Равное серебряному смеху?

Как жар-птицы, девушки степи.
Раздувает ветер чистополя
Пламя чувств,

И зеленью слепит
С детских лет знакомое приволье.

Шелестят берёзы по лесам,
Одинокий месяц глазом косит.
Ввысь несут качели,
Ввысь, а там —
Вновь и вновь душа полёта просит!

Светлый месяц, тучи разгони,
Засияй над благодатным краем!
Как поёт красавица — взгляни! —
Смелым сердцем юноши играя.

Сколько в песне скрытого огня,
Тайну сердца сберегает слово.
Улетает, серьгами звеня,
Чтоб к джигиту возвратиться снова.

Как поёт, о, как она поёт!
И тому отдаст на сердце право,
Кто осилит нынче перевод
Этой песни, спетой так лукаво...

Он в наследство прадедами дан,
Возвышать любовь свою обычай.
Праздник двух сердец — алтыбакан,
Серебром звенит коса девичья.

Бесконечен жизни океан.
Так взлетай же вечно над степями,
Маятник судьбы — алтыбакан,
Мост надежды и любви меж нами!

ПЕСНЯ СОЖАЛЕНИЯ

На языке, на кончике его
Возлюбленного имя я носила.

От слёз моих, от смеха моего
Поднялся город, степь заговорила.

К домам пробили русла арыки,
Взошли сады над пустошью седою,
Остановили корни трав пески
И соловей защёлкал над водою.

Белела крепость вечным кирпичом,
На молоке замешанном недаром,
И вздрагивала солнечным лучом
Струна домбры под мастерским ударом.

Седой пастух, чеканщик и гончар
Внимали песне, славной и доныне...
...Моя любовь — разрушенный Отрар,
Идём с тобой по черепкам да глине.

Дома и башни затянул песок,
Звонит песок, зовёт песок кого-то...
Кто уберечь любви своей не смог —
Тот в город свой открыл врагу ворота!

Остался пепел от любви моей.
Летит стервятник к древнему пожару...
Я не хочу, чтоб так в душе людей
Разрушилось по одному Отрару!

МОЛИТВА

Я видела горы, гранитные пики — в алмазах короны.
Я видела небо, сияние сферы и космос бездонный.
Я видела ниву — там райское утро сияло лучами.
Я видела рощи — листвы ароматы они источали.
Я видела воды, великие воды — валы океана,
Они возмущались, ревели, как будто их мучила рана.
Я видела тучи, сердитые тучи, они закрывали,
Они накрывали тяжёлое небо и дымные дали.

Я видела Степь — голубое раздолье, где грязные реки.
 Сайгака видала — он зверя узнал в мудреце-человеке.
 Я видела смерчи — они уносили селенье степное.
 Ракеты видала — они, как виденья, неслись надо мною.
 Я видела воздух — он был ядовит, и в воздушных потоках
 Навек умирали цветы и деревья, и птицы Востока.
 Я видела Время, с которым вернулась небесная кара.
 Мне больно писать! О, зачем я отмечена даром?
 Как мир беспокоен! И страх первобытный в нём ожил.
 Цунами гудит, и земля сотрясается в дрожи.
 И твердь негодует, и хлябь негодует под нами.
 И снова — тайфуны, и сызнава — волны-цунами.
 Аллах Всемогущий! Открыто Тебе мирозданье,
 Спаси неразумных, помилуй свои же создання!
 Вселенной верни красоту изначальных гармоний.
 Зелёный листок — мою Степь — в твоей радужной кроне
 Спаси и помилуй!
 Спаси и помилуй! Послушай,
 Услышь, я молю: сохрани мой народ — мою душу...

МИРОЗДАНИЕ

Мир создан Божьим вдохновеньем,
 Его дыханьем, мановеньем,
 И чудотворны небеса,
 И Бог — един. Он в мире тленном
 Зажёг бессмертных звёзд глаза.

Когда была я в колыбели,
 То прямо в душу мне глядели
 Пылинки Млечного Пути.
 И нынче нет созвездьям края.
 Иду я, душу возвышая,
 Хоть мне до неба не дойти.

Хоть не постичь границ Вселенной —
 Здесь нужен разум несравненный,
 Иные мера и дела.

Они доступны только Богу,
А я опять пришла к порогу,
Откуда путь свой начала.

И я мечусь, и я страдаю,
Что я сравнения не знаю
Миропорядку надо мной
И мирозданию земному,
Но пусть конца не будет дому —
Отчизне, малой, но родной.

Как я люблю вас, гор величье!
О, если б мне за стаяй птичьей
Взлететь
И тоже птицей стать,
Чтоб облака под брюшком белым
Касались гор и чтоб летела
Душа моя, горам под стать!

Да разве любит кто сильнее
Их красоту?
Любуясь ею,
Я от восторга запою.
А бесконечных вод стихия?
А волны и валы лихие?
Как душу радуют мою!

И я с блестящими китами
Хочу носиться над волнами,
Не зная страха и преград.
Морские бездны раздвигая,
Знать не хочу конца и края,
Хочу восторгом полнить взгляд!

Пусть всё идёт своим порядком:
Несутся волны без оглядки,
И облака плывут вперёд.
Приходит солнце за луною,

Свет излучая над землёю,
Они меняют век и год.

В Природе все нужны друг другу:
Свистят ветра, приносят вьюгу,
Вода играет, гром гремит,
Шумят леса и рыщут звери,
И птица у небесной двери
Звень-колокольчиком звенит.

И слышен крик кукушки вещей,
И на лугу трава трепещет,
Когда цикада к ней летит...

ШУМИШБАЙ САРИЕВ

СТЕПЬ И ГОРА

Большие реки, звонкие ветра
Разносят по посёлкам и аулам:
Царевна-степь и гордая гора
Сошлись в сердцах Мухтара и Расула.
Их именами славится земля,
Плодами из лирического сада —
В творениях Мухтара — песня ковыля.
В стихах Расула — песня камнепада.
Тропую строк скользи и не дыши
Над водопадом, падающим с гулом,
Мир очарован широтой души.
Мир околдован творчеством Расула.

Сквозь пламя снов, поверий и былин
Раздольной степью к горизонтам алым
Плечом к плечу шагает рядом с ним
Возвышенное творчество Мухтара.
Неразделима пальмовая ветвь.
Увенчаны победы лентой алой.
Пускай Расулу кланяется степь.
Вершины гор — приветствуют Мухтара.
Ты к роднику прильни и жадно пей —
Неповторимы и непогрешимы
Мухтар, воспевший красоту степей,
Расул, воспевший гордые вершины.
Здесь боль цветов и необъятность нив,
Влюблённый шёпот горного аула...
Прекрасен мир, широк и горделив
В творениях Мухтара и Расула.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Проходит по Земле за годом год.
 Всё толще Красной книги переплёт...

Всё меньше белых лебедей,
 Орлов,
 Сайгаков быстрых,
 Ланей и оленей...
 Всё меньше редких радужных цветов —
 Оборванные корни их истлели...
 Ужель в степи исчезнет на века
 Седой ковыль,
 Свободный зверь
 И птица,
 Багрянец предрассветного цветка?
 Лишь будет пыль горячая клубиться?
 Всего живого ради
 На Земле
 Прислушайтесь и к посвисту и к крику...
 Чтоб не стоять на пепле и золе,
 Раскройте эту траурную книгу.
 В неё уже давно пора внести,
 Во имя общей жизни на планете,
 Черты, что были испокон в чести,
 Чтоб их не потеряли наши дети.
 Внесём в неё Любовь и Доброту,
 Понятье Чести и понятье Дружбы,
 Живую Чуткость, сердца Чистоту —
 Великой Человечности оружие.
 Внесём в неё всё то, чем дорожим,
 Что свято в душах при любой погоде.
 Друг перед другом мы не согрешим,
 Коль сообща поклонимся Природе.
 Начало всех божественных начал
 В природе испокон веков таится...
 Заржал скакун,

Телёнок замычал,
И что-то прокричала в небе птица...

Дрожат страницы,
И глядит в упор
Суровый Красной книги приговор.

* * *

Он стоял, опираясь на костыли,
Не замеченный нами, в сторонке,
И смотрел, как, почти не касаясь земли,
В вихре вальса кружились девчонки.

Он, не узнав никем и никем не согрет,
Скрыть печали своей не старался,
Всё курил, словно горьким дымком сигарет,
Как завесой, от нас укрывался.

Что он слышал в былом, что приходит, как сон,
Освещённый рассветами звонкими?
Затаясь ото всех, странно взглядывал он
На парней, окружённых девчонками.

Кто и что он? Откуда пришёл?.. Ничего
Мы с тобой у джигита не спросим.
И не каждый поймёт, что в душе у него
Опечаленно царствует осень.

Нет, не зависть в его затаилась глазах,
В них печаль неизбывная стыла.
И рождала улыбку на сжатых губах
Сила сердца — великая сила.

Он стоял и курил... Ото всех отдалён,
Был он всё-таки с нами, джигиты.
И ему, как и всем, кто мечтой окрылён,
Все дороги на свете открыты.

ГНЕЗДО НА БАЛКОНЕ

Глядит прохожий, чем-то удивлен,
весь дом как дом,
ничем и не приметен.
Но вдруг напомнил почему-то он
родной аул,
над степью быстрый ветер.

Так в чём же дело?
Что смущает взор?
В огромных окнах солнечные блики,
а на балконе — ласточки гнездо,
её птенцов пронзительные крики.

Здесь пёстрых улиц не стихает гул,
и писк птенца непросто здесь расслышать,
глаза закрою — мой родной аул,
дым очага и ласточка под крышей.

Взволнован я,
расплакаться готов,
и годы детства пред глазами встали.
Птенцы и дети испокон веков
под этим небом вместе подрастали.

Коль ласточка гнездо своё свила,
то детский смех под этой кровлей слышен,
она добро на крыльях принесла
и шестерых — не меньше — ребятишек.

А здесь кипит людской водоворот
и жизнь течёт раскованно и смело.
Гляжу туда, где ласточка живёт,
и в этот дом с ней счастье прилетело.

Земля моя, ты хрупкий дом для всех.
Да пусть твоё тепло не убывает!

Пускай звенит беспечный детский смех
и ласточка гнездо своё свивает.

СТЕПНЫЕ СКАКУНЫ

Полетели, потекли тулпары
По степи,
Как звёзды в звездопад...
Скачет рыжий конь,
Как брат пожара,
И весь мир, кружась, летит назад...
Всадник смело отпустил поводья,
Сжал ногами конские бока
И летит,
Как будто половодье.
Обгоняя в небе облака...
Дремлющая честь проснётся, знаю,
Ведь летящий конь —
Степей мечта.
Мир широкий
Грудью разрезая,
Мчится конь мечты.
И степь чиста.
А над ней, как огненные птицы,
Кони златогривые плывут.
А под брюхом их —
Буран кружится
И метели пыльные метут...
Я с бураном их сравнил не даром,
Унесутся — не вернёшь назад...
В будущее мчат мои тулпары —
По-над степью звёздами летят.

* * *

Что в этом мире вечном не загадка?
Немые скалы, тёмные, как ночь,
Или вершины, дремлющие сладко,
Иль тучи, улетающие прочь?

Что в этом мире вечном не загадка?
 Моря ли, реки или океан?
 Или в песках пропавшая палатка,
 Плывущая с бархана на бархан?
 Что в этом мире не пребудет тайной?
 Рожденье? Смерть? Иль молнии полёт —
 Стремительный, но вовсе не случайный?
 Все в этом мире остаётся тайной,
 И кто его, загадочный, поймёт?
 Что не загадка в этом мире вечном?
 Мерцанье звёзд? Иль прятнувшая тень?
 Всё в мире смертно, но и бесконечно.
 То тяжело, как в муках, то безопасно
 В глухой ночи спешит родиться день.
 Что не загадка в мире?
 И на тризне
 Мы ловим свет, мерцающий во мгле.

Все тайны мира скрыты в тайне жизни,
 Однажды зарождённой на земле.

ПЕСНЯ

Песню качали холмы,
 Как дитя в колыбели,
 Синие горы в ладонях качали её.
 Предки мои эту песню протяжную пели,
 Переплавливая в ней вечное горе своё.

Шквалом ручьёв эта песня
 Звенела в апреле,
 Чуткий камыш повторял на рассвете её.
 Предки мои эту песню протяжную пели,
 Переплавливая в ней вечное горе своё.

Ветры пустынь наполняли той песней свирели,
 Волны озёр собирали по звукам её.

Предки мои эту песню протяжную пели,
Переплавляя в ней вечное горе своё.

Рощ островки и зелёные горные ели,
Тропы кочевья, дороги качали её.
Предки мои эту песню протяжную пели,
Переплавляя в ней вечное горе своё.

О моя степь!

В каждом сердце стучит в самом деле
Песня земли — мы судьбою назвали её.
Предки мои эту песню протяжную пели.
Переплавляя в ней вечное горе своё.

Слушает мир.

Отводя и печаль и напасти,
Песня звучит — она вечной любовью полна.
Разве бы степь обернулась обителью счастья,
Если бы песню не знала, не пела она?

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ

* * *

В черешневом саду, под липой золотой
Мы пировали,
И светлое вино с горчинкой молодой
В бокалы наливали.

Под липой вековой какие-то слова
Зачем-то говорили,
И белоснежный сад, и свежая трава
Куда-то плыли.

Над липою в цвету неслышимы слова,
Лишь пчёл гуденье.
И золотилась мёдом синева
Сквозь кружевное пенье.

Неслышимую песнь затеяли цветы...
В смятенье оробелом
Душа моя плыла — и зрела с высоты
Лишь золотое в белом.

* * *

Брести ль по воде, аки по суху вешего смысла,
Босою стопой чуя зовы лиловые тьмы,
И в выси глазеть, где Вселенная бездной нависла
И звёзды горят, как заблудшие в небо умы...
Туда ли, сюда ли — нигде не отыщешь исхода,
И нечего ждать, да и незачем больше уже...
Кругом непомерная сердцу земному свобода,
Родимая только лишь непостижимой душе.

* * *

Как во поле, в чистом поле
Неприметный бугорок,
Позарос он трын-травую,
Как лазоревый цветок.

Серым дождиком помытый,
Павшим с неба, как любовь,
Там лежит кирпич побитый,
Что обугленная кровь.

Не сюда ли ненароком
Птицы любят прилетать
И в раздумии глубоко,
Что незримо — созерцать.

Как вода в святом колодце,
Время вечное стоит —
А во поле храм на солнце
Древним золотом блестит.

Чистым дождиком омытый,
Павшим с неба, как любовь,
Он теперь кирпич побитый
Что обугленная кровь.

Но над сивой трын-травую,
Там, где был святой алтарь,
С преклонённой головою
Ангел служит, как и встарь.

Контур неземного света —
Не сложил свои крыла,
Часовой Господня Лета —
Льётся ввысь его хвала.

И, застывши на мгновенье,
Позабыв свой смутный век,

Чует вдруг благоговенье
Тут прохожий человек.

ХРАМ

А я не знал, что тело храм,
Вот почему душа томилась.
И я решил, что тело срам,
И жизнь, как жало, раздвоилась.
И разлился по телу яд,
Всё изнутри губя, сжигая,
И плакала душа моя,
Как погорелица нагая.
Ты помнишь, как легко-легко
Душе во снах тогда леталось,
Как воспаряла высоко
И лишь под утро приземлялась, —
Она пыталась улететь,
Но небеса не принимали,
В полуразрушенную клеть
Её упорно возвращали.

Когда в чаду Россия спит,
Больным-больная, еле дышит,
Над ней Пречистая стоит
И душу живу сердцем слышит,
И молится за жизнь её,
Святой водой кропя умело,
И отгоняет вороньё,
Что рвёт поруганное тело.
И просыпается народ,
Ощупывает руки-ноги:
Глядь, жив курилка — и живёт,
Ещё не кончены дороги:
Прости, Господь, за стыд и срам,
Что вся обуглена рубаха,
Но чую кровью дивный храм,
Что поднимается из праха.

* * *

Словно Божьими мыслями млечными,
 Поутру ты туманами устлана,
 Утешающими, утишающими
 Твою душу неисповедимую
 В сонных долах, лесах и лугах.

Вот над этим покровом задумчивым
 Голова одинокая кажется,
 Будто странник без брэнного тулова,
 Отрешённый от века, в безмолвии
 По-над белой рекою плывёт.

Умолкают слова неразумные,
 Отлетают дела суетливые,
 Думки беглые, копошливые,
 Вся сумятица, бестолковица...
 Нарастает судьбой тишина.

И взлетает десница над млечностью,
 Будто чайка из пенного кружева,
 И перстами ко лбу прикасается,
 В исполнение крестного знаменья,
 И уходит опять в глубину.

И молитва неслышно расходится,
 Как белёсый туман, расплетается
 По излогам, избокам, извилинам,
 Тает в воздухе долгою тайною —
 И пустыня земли восстаёт.

ЗВОН

Как барбариса зимний куст,
 В пожухлых листьях сер и пуст,
 Сквозит шершавой нёмотою,
 Так и душа его пуста,

И ягод чёрные уста
Молчат под коркой неживою.

Лишь семечки одни не спят,
Под ветром не они ль стучат,
Как в бубен, в мёртвую кожулку?
Им хочется на землю пасть,
Или взойти, или пропасть,
Но всё ж пробить нёмую шкуруку.

И этот невесомый звон,
Сквозь бесконечный стылый сон,
Летит, летит, покуда тихо,
Как эхо мёрзлое крови,
В надежде жизни и любви,
Сквозь времени пустое лихо.

* * *

На жизнь растянулось прощание с жизнью земной.
Ты только лишь просверк, ты только лишь просверк сквозной,
Царапина света на чёрном граните времён,
Как песня нёмого пространства и сбывшийся сон.

Смолистые кедры под ветром поют на горе,
Несметные иглы трепещут в живом серебре,
И ночь осыпает их звёздами, светом полна,
И песнью единой насквозь пронзена глубина.

* * *

Вот Ангел, свивающий небо в дымящийся свиток,
Земля, обнажённая пред ослепительной бездной,
Черней слепота этой бездны, чем чёрные дыры,
Куда провалилось пространство, где времени нет...
Последний земной человек, что ты зришь напоследок?
Как с небом свиваются в темь непроглядную звёзды?..
Как чёрным потоком встает непомерная стужа?..
Как Ангел уносится к Свету с твоею душой?..

* * *

По-над миром душа пролетела,
Непонятно, зачем и куда,
Промелькнула — и всё, что успела,
Закатилась, как в небо звезда.

Не осталось ни света, ни тени
В равнодушной космической мгле,
Только вздрогнула ветка сирени...
Невзначай... ветка белой сирени,
Словно ветер прошёл по земле.

ЛИДИЯ СТЕПАНОВА

УТРО

Ещё совсем по-птичьи даль дремала,
головушку засунув под крыло,
ещё гадал в ночи Иван Купала,
какое бремя на душу легло.
Отсвечивая сталью воронёной,
ещё речной дымился пережат...
А я уже нашла тот потаённый,
лежащий до востребованья клад.
И было всё: река, и лес, и утро —
как в памятном родительском дому
умельцами расписанная утварь —
всё по руке, по сердцу, по уму.
И где-то в небе, высоко-высоко,
куда со звоном всасывалась мгла,
перерастало щебетанье в клёкот,
в незримый шелест орлего крыла.

* * *

Я когда-то сюда
приходила тайком
поглядеть в никуда,
помечтать ни о ком.
На каком языке,
с кем вела разговор,
в дальнем том далеке,
что увидел мой взор?
Только свет, что блестел
в пустоте, в темноте,
как роса на листе,
как слеза на кресте.

* * *

Стихиям доверяюсь, забыв о рассудке
 и крылья почуяв, с рассветным туманом
 взлечу к облакам, что, как дикие утки,
 над круглой планетой плывут караваном.
 Леса и озёра, и поле с оврагом
 к себе не притянешь одним только взором.
 Падение вниз — это древняя тяга
 к дремучим лесам и прохладным озёрам.
 Падение вниз — миг блаженства и муки! —
 на мягкие травы, к берёзоньке в ноги,
 чтоб к ней протянуть уж не крылья, а руки,
 к такой белоствольной у пыльной дороги!
 Чтоб, слушая сказку пастушеской дудки,
 напиться воды с предосенним дурманом
 и вверх поглядеть...

Словно дикие утки,
 плывут облака золотым караваном.

* * *

Лужайка и откос.
 И вот — долой оковы! —
 ручей к реке прирос,
 как стебель черенковый.
 Беги, танцуй, теки!
 Да здравствует несходство!
 К спокойствию реки
 привито сумасбродство.
 Другой спешит ручей
 из тьмы густого леса,
 где листья — от лучей
 надёжная завеса.
 Он делится с рекой
 секретом тёмной чащи,
 недаром он такой
 таинственно журчащий.
 Мелодия без слов,

дрожанье светлых пятен...
 Реке язык ручьёв,
 как шум листвы, понятен.
 И тонут облака
 в воде светло-зелёной,
 и кажется река
 стволом поющей кроны.

* * *

И жизнь приесться может, говорят.
 Придёт пора — и равнодушным взором
 устало погляжу на всё подряд:
 на солнце, на луну над косогором.
 Покажутся нелепостью сплошной
 все строчки, надиктованные музой,
 и память, что сама себе обузой,
 подёрнется туманной пеленой.
 Угаснет вера в чувства и слова.
 Лишённым смысла, грош цена теперь им.
 А может, мне, пока душа жива,
 решиться на свиданье с отчим краем?
 Приеду — и отступит пустота,
 прикинув, что непобедим противник,
 в тот миг, когда с отцовского креста
 скупую песнь протенькает крапивник.

ОТЕЦ И МАТЬ

Родители в жизни ругались, мирились,
 и разными были, и в чём-то похожи,
 и мне остаётся гадать: отчего же
 ни разу мне порознь они не приснились?

Друг друга смогли отыскать и во мраке,
 и снова бок о бок, как прежде, зажили...
 Знать, умные люди недаром твердили:
 на небе земные свершаются браки.

И мне не придётся в просторах Вселенной
 изведать однажды печаль раздвоения —
 я попросту буду держать направленье
 в тот край отдалённый,
 где Павел с Еленой.

* * *

У тех, кто молится ночами,
 глаза становятся — очами,
 двумя осколками небес,
 где всё — и радость, и рыданье,
 и ужас крестного страданья
 того, кто в третий день воскрес.

* * *

Давно ли, от грешного тела
 избавившись, стала чиста
 и вот уж опять восхотела
 взглянуть на родные места.

Себе ли сказала с укором,
 гадая по струйкам дымов:
 — Жила я, не помню, в котором,
 в каком-то из этих домов.

Нетленной ли думать о тленье,
 и всё же: взгляни на кресты:
 не в этом ли тихом селенье
 оставила плоть свою ты?

За вздохом печаль неземная
 почудилась в шелесте крыл:
 — Как будто бы здесь... Но не знаю,
 в которой из этих могил.

И вот, неземное создание,
 я там уже вижу свой след,
 где странницами в мирозданьи
 вращаются десять планет.

Скажи мне, коль слов не забыла,
 иль крыльями прошёлести,

какую из них ты любила?

— Какую-то из десяти...

А это что там? Да ведь это

уже не планеты — миры!

Как скинии, полные света,

как вставшие в поле шатры!

Сумеешь ли ты разглядеть их,
беспамятства скинув покров?..

— Жила я в каком-то из этих,
в каком-то... из этих... миров...

НУРЛАН ОРАЗАЛИН

* * *

Моя заветная мечта —
скакун, стреноженный петлёю...
Храпит в степи — и неспроста
копытом бьёт и жаждет боя!
Он так метался под зарёй,
но вот смирился одиноко...
Я тоже бился головой
о камни атомной эпохи.
Звучал спасительный кобыз,
поэту душу сотрясая,
а голос неба падал вниз,
как бы дождя стена косяя.
Се — век, и он неумолим,
он заставлял метаться горы!
Зачем же я сразился с ним,
вступая в сумрачные споры?
Мой голос в зябком ноябре
в густом тумане потерялся...
И неужели я расстался
с высокой правдой на заре?
Храпит скакун моей мечты...
Куда несётся всадник вещей?
Среди безмерности зловещей
слова бессмертны, и чисты.

* * *

Кровь пролита. Душа и разум в шоке,
отяжелело сердце, как свинец...
Не понимаю суть моей эпохи,
весь мир перевернулся, наконец.

Кровь пролита. И сразу песни смолкли,
любимый век становится чужим,
я вижу жизнь, как будто бы в бинокле:
о, алчный и безжалостный режим!..

Кровь пролита — несчастье на пороге,
и мысль о том стенает и скорбит:
эпоха огнестрельная в дороге —
в нас целится с космических орбит.

Кровь пролита... Доверчивые дети
обмануты во имя ложных «Сур»,
а пастыри плетут ревниво сети
И прячут ложь в загадочный прищур...

Кровь пролита... И будущее в страхе,
Так гордый спотыкается рысак,
на лошадях безумцы мчат во мраке...
Везде царит безумный кавардак.

Распластаны, в крови, родные горы.
Кто в будущее целится, грозя?
Что нам сулят вселенские просторы?
О, мир, которым и дышать нельзя...

* * *

Жестокий век! Страндание моё, —
от ран твоих не в силах излечиться,
летят больные мысли, словно птицы,
звон денег заполняет бытиё.

Сегодняшнее — адовый пожар,
грядущее — безжалостное пламя...
И я мечусь, раздвоенный, меж вами:
вот две струны — печаль и божий дар.

Темнеет ночь. В душе покоя нет.
Безмолвны Аруахи в жарком дыме...

Я так хотел постигнуть Белый свет,
мои мечты, увы, неисполнимы...

Играет кровь, и дело есть уму.
Никто не скажет, что себя жалею...
Мои слова — вот золото, чем владею,
дарю его Алашу моему.

Я и болел, я и горел в огне,
душа моя галактикам внимала...
Покажет время — много или мало,
но выпадала Истина и мне!

Жестокий век! Огнём охвачен дух.
Как горы грусти — песни вверх взлетают,
но боль от ран и без лекарств стихает,
когда шепчу я эти строки вслух...

Жестокий век! Я ухожу, мой друг!

* * *

Холодный ветер Жёлтоксана,
душа — как ночь, в ней плачет совесть.
О, жизнь моя, сплошная рана,
моя мучительная повесть.

Зачем-то грудь моя стеснилась?
Снисходит с неба голос чести...
Послушай, сердце, сделай милость,
смягчись нёмного и воскресни!

Ты друга узнаёшь по речи,
в глазах врага — туман обмана...
Такие дни! Такие встречи!
О, жизнь моя — сплошная рана.

Спокойствия и примиренья
не знает Жёлтоксана ветер,

и снова одинокий вечер,
и вновь терзание творенья...

Мои победы и пороки.
Обетованные пустыни.
И непутёвые пророки,
и путь, неведомый поныне...

ВОЗВРАЩЕНИЕ К АБАЮ

Когда покоя нет, когда соврёт домбра,
от дома вдалеке я слов не понимаю,
тем более тогда — в стремлении добра! —
опять тянусь душой к великому Абаю.

Бессовестная жизнь в униженной степи,
где души продают и не стремятся к раю,
где сам себе шепчу: «Смирись же и терпи,
чтоб сердце обратить к великому Абаю...»

Лекарства не найду от мелкоты людской.
Охваченный огнём, я тихо угасаю...
Смотрю на земляков с надеждой и тоской
и словно бы живу страданиями Абая.

Вселенная вокруг... Её прекрасна речь,
которую, увы, не часто понимаю...
Но чтоб навек любовь от гибели сберечь,
я тороплюсь в ночи к великому Абаю.

Как много ненависти на моей Земле,
я жадности и зла душой не принимаю,
я примиряю всех, кто заплутал во мгле,
О боже, как мне стать похожим на Абая.

Когда соврёт домбра оборванной струной,
я, бедолага, вдруг от боли зарыдаю,

так хочется быстрее попасть к себе домой:
вернуться навсегда к великому Абаю.

* * *

Сын Земли, я смотрю на Восток и на Запад:
Неизвестно, каким станет будущий век...
Может, снова метнётся на жилистых лапах —
и от страха смиренно замрёт человек?

Я опять обернусь и на Юг и на Север —
Над озёрами птицы летят, как гонцы...
Снова пахнет чабрец и курчавится клевер...
Юг и Север — они для меня близнецы!

Гляну в прошлое — там горячо от пожара.
Верю: завтра настанут прекрасные дни,
ибо в страсти и муках эпоха рожала,
и надежды её материнским сродни.

Кто тебя убаюкает в той колыбели,
Чтобы в двери твои постучались друзья?
Кто напишет указ, чтобы мы, в самом деле,
не теряли великое время зазря...

В сердце пламень, и голос тревожно глаголет:
кто отпразднует праздники в наших степях?
Кто в душе ледяные громады расколлет,
чтоб цветы расцветали — тюльпаны да мак!

Вот о чём я печалюсь — и правду не скрою,
чтобы веру родную навеки сберечь,
чтобы пела судьба безутешной домброю
и звучала в грядущем любимая речь...

* * *

Грустил, и смеялся, и тихими плакал слезами...
Душа безотчетно плутала в безоблачном небе...

Но новая песня взмахнула тугими крылами
и в сон опустилась как белая лебедь.

И голос во мне пробудился —
с его пробуждением
вдруг стало мне внятно звучание ангельской речи.
Свидания птицы и песни мне было виденье,
отныне живу в ожидании встречи.

Весна многоцветием душу мою полонила.
И лебедь, на воду крыла опустив, затихала.
И, птице подобно, что голову нежно склонила,
дыхание мир затаил, околдован стихами.

Грустил, и смеялся, и тихими плакал слезами...
Одно лишь заботит меня — сокровенные песни.
И не о чем тут толковать нам!
Я болен стихами,
что птицей спускаются в сны мои из поднебесья.

Напевам чудесным в груди завсегда было тесно.
И в пылкой душе моей всё ликовало и пело.
Кааба моя и Судьба — непокорная Песня,
что в сны опускается гордою лебедью белой.

* * *

Я с детства о тебе, Поэзия, мечтал
И верил — в жизни нет надёжнее опоры.
Я рифмами весь мир переплетал,
Пульсацией строки биению жизни вторя.

Быть может, что в сердцах я лишнее сказал.
Менялся круто мир... И время вынуждало...
Но, если вдруг порой я от стихов бежал,
Поэзия меня на миг не покидала.

Я в стужу пламенел и холодел в огне.
Я много повидал и ошибался много.

Превратная судьба не потакала мне —
Тернистую тропой я вышел на дорогу.

Какой бы ни была изменчивой судьба,
Поэзия меня на миг не покидала.
«Несчастный! — скажешь ты. — Она сильнее тебя!»
«Счастливый! — я скажу. — Она не предавала!»

* * *

Мир уже на краю безысходности...
Вера в загоне...
Небо яд источает. Земля обратилась в золу...
Это «божьи рабы» преступают людские законы
И потомков своих учат дьявольскому ремеслу.

И во мне кровь то стынет, то хлещет бурливым потоком,
Точно бьёт через край, разрывая плотины, вода.
Вновь по лику земли расплзаются бесов потомки,
Словно полчища тли, саранчи беспощадной орда.

Чувства, мысли мои,
Вы — как в доме пылающем дети...
Неужели так краток и мал вам отмеренный срок?
Снова демоны мрака в обличии ангелов света
В человеческих душах с презрением сеют порок.

Только муторно мне от разлада в душе и разброда.
Всё бушует в груди, океаном могучим ярься.
Заплутавшее сердце с небесного ясного свода,
Низвергаясь, летит прямо в липкую чёрную грязь...

Выжигает меня изнутри мысли огненной пламя.
Гаснут песни и тают, как горы в туманной дали.
О Тенгри, защити этот мир своей щедрою дланью...
Я боюсь, опрокинется небо, коснувшись земли.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЧЕНКО

НЕЖНОСТЬ

Зябкий ворох зимних нег,
Полуявь везений...
Падает смущённый снег
В первый день весенний.
Голубых снежинок рать —
Лепестки резные.
Ни пригреть вас, ни прогнать,
Ни спасти, родные!
Дышит в стёклышко душа...
Зимняя нирвана,
Ты всё так же хороша,
Но не так желанна!
По пятам идёт весна —
Колок лед в следочках...
Прячет сонная сосна
Нежность в спящих почках.

ДОМ

Дом мой прост, а в доме всё по мне —
Спозаранку голубь на окне,
На крылечке — пёс, на печке — кот,
Не скрипучи петли у ворот.

Домик мой под дубом, дуб — не бук,
Желудки по крыше стук да стук!
Ничего, живём себе, живём
С сизарем, дворнягой и котом.

Кот обласкан, сизый голубь сыт.
Верный пёс на улицу глядит.

Занавесочка к окошку льнёт.
Званный гость мой дом не обойдёт...

АПРЕЛЬ

Белая вишня в саду зацвела.
Возле цветка суетится пчела.
Каплю нектара ей дайте задаром!
Ствол отливает вишнёвым загаром.

А по стволу — муравей, муравей!
Знать, отогрелся от зим-январей,
Кверху бежит, вдохновенья не пряча,
Жив и здоров он — какая удача!

Белое облако в небе плывёт.
Радует солнышко, птица поёт...
Но не спешите свистеть во свирели —
Непостоянна погода в апреле!

* * *

Весны ручейки и потоки,
И трепет, и чувств кутерьма...
Не будьте весной одиноки,
Любите, сводите с ума!

Весны упоенье, смятенье,
Тревог и надежд миллион...
Не тратьте весной вдохновенье
На тех, кто не к вам устремлён.

Оставьте сомненья любые
И прямо сегодня, сейчас, —
Найдите глаза голубые,
Которые смотрят на вас.

Пусть будет другим не в обиду,
Другие пройдут — не беда...

А их не теряйте из виду —
Нигде, ни за что, никогда!

* * *

Из такого далека,
Что забыть — наверняка,
Из житейской кутерьмы,
Где давно враскидку мы...
Из туманного «Прощай!»
(Где — не знаю — этот край),
Из-за самой той черты,
Что никак уже — на «ты»...
Из сердечных давних ран
И теперь не наших стран
Вы вернулись на часок —
Перебраться в часах песок?..
Что так тянет нас назад —
Через годы бросить взгляд?
Ведь известно — на пути
Дважды в реку не войти!
Мы остались там, вдали, —
Два воробышка в пыли,
Греем крылышки вдвоём
И щебечем о своём!

ДУША

Становись, душа, на место,
Так страдать — побойся Бога!
Это — будние замесы,
Это — ложная тревога.
Это всё — как птичий гомон:
«Кыш!» — и с ветки врассыпную.
Это чей-то глупый гонор
Подстерёг тебя такую.
Сердце — бубен тонких ритмов,
А не булочка из теста.
Жизнь — не поле в маргаритках.
Становись, душа, на место!

АМАНТАЙ АХЕТОВ

Я — КАЗАХ

Я — казах
И от солнца зажжёт свой очаг,
До сих пор это солнце
Восторгом сияет в очах.
В дробном стуке копыт,
В разметающихся гривах коней,
Словно в камень впечатана
Слава нёмеркнущих дней.

Я — казах,
Моё имя звучало в веках.
Жажду жизни пронёс
На резвых своих скакунах.
Свет надежды
Горел на горячих клинках,
На качелях истории
Устоять я сумел на ногах.

Я — казах
И в суровой борьбе прозревал,
Со своих я врагов
Маску презренья срывал.
Повергая их в ужас
Лавиной текущей орды,
Я умел отстоять
Свою землю от лютой беды.

Я — казах,
И течёт во мне кровь бунтарей,
Сохранил я осанку,

Достоинство сакских царей.
 И ковыльный прибой
 Вольных степей на заре
 Мне дороже просторов
 Самых великих морей.

Я — казах,
 И храню соколиный свой взор,
 И душой своей пылкой
 Взмываю над пиками гор.
 Знал лишений сполна,
 И братьев моих косил мор,
 Но поднялся с коленей,
 Унижений всех сбросив позор.

Я — казах,
 С открытой и гордой душой,
 Предначертанный путь
 Не сгибаясь от тягот, прошёл.
 Укрощал я коней,
 Укрощал и строптивых врагов,
 Поднимался из тлена,
 Срывая цепи оков.

Я — казах,
 И богатства мои на глазах,
 Мне планету номадов
 Оставил в наследство Аллах.
 Позолоту степей,
 Серебро поднебесных вершин,
 Чтоб достойно судьбу
 Отчизны великой вершил.

Я — казах,
 Дороживший заветом отцов,
 Был я кроток с детьми,
 Опекал их, как беркут птенцов.
 Почитал свою мать,

Как святыню, Отчизну любил
И деяния предков
Великих своих не забыл.

Я — казах
И верен братьям своим,
И самыми верными жёнами
Был я любим.
Пусть кажется многим
Суровую жизнь кочевая,
С тропы моих предков
Врата открываются рая.

Я — казах
И любовью своею велик,
Свет радушья
Всегда источает мой лик.
Не таю в сердце зла,
На добро отвечаю добром,
Перед гостем в ночи
Не держу на запоре свой дом.

Я — казах,
Лишь пред Богом склоняю чело,
Верю в силы свои,
В соколиный свой верю полёт.
В новый день
Я с надеждой бросаю свой взор,
Греет душу мою
Степи материнской простор.

КОРНИ ДРЕВНЕГО РОДСТВА

Мне, азиату, степей простора мало,
И звёздный купол мой извечный кров.
Меня волной вселенскою качало,
Бросая, словно щепку, из веков.

Я выживал, вгрызался я веками,
Неистово, в родной степной простор.
Не торговал на площадях рабами
И не бросал шаманов я в костёр.

Но отблески в моих глазах сияют
Языческих обрядовых костров,
И гордый дух подачки презирает,
Превыше воля всех земных даров.

Я у врагов пощады не просил
И с головою не ходил повинной.
Заслышав зов страдальческий Руси,
Путь расчищал стремительной лавиной.

Колоколов надрывное звучание
Звенит во мне натянутой струною.
И за народов наших обручание
Дорогой заплачено ценою.

Ещё с времен величия Орды
С Россией породнился я великой
И дорогие находил черты
В её тревожном материнском лике.

Не от того ль живёт во мне джигит,
Что бредит о невесте синеокой.
Наверно, что-то общее роднит
Россию со степным моим Востоком.

У МАВЗОЛЕЯ ХОДЖИ АХМЕДА ЯССАУИ

Нам веками опорой память предков великих была,
Их деяния были народу и Богу угодны.
А сегодня без них соколиная степь — без крыла
Предстаёт, словно зев преисподней.
Чтоб не рухнуть туда и не кануть навеки,
Чтобы тюркского мира вновь рассвет не угас,

Поклоняемся памяти святейшего человека,
Его дух пробуждает надежду и веру у нас.

Купол неба предельно был сжат в куполах Туркестана,
Здесь покоится прах нашей гордой предтечи,
Что вещает потомкам своими святыми устами:
Тяжесть Мира теперь на ваши возложена плечи.
Книгу новой судьбы с чистого начав листа,
Возрождаем свой дух и угасший огонь в своём взоре.
Чтоб подняться с колен и вернуть горделивую стать,
И спасти материнскую Степь от забвенья позора.

Нам в порыве высоком дух предков великих поможет,
У народа Истоки и Корни великие есть.
Пантеон Туркестана своей скорбью потомков тревожит,
Пробуждая в сердцах щемящую совесть и честь.
Снова поднял наш дух жизни бег быстротечный,
Над судьбою своей обретать начинаем мы власть.
На священной земле Туркестана, с прицелом на вечность,
Неслучайно эпохи спрессован был пласт.

НАДЕЖДА ЧЕРНОВА

ДИКАРКА

1

Босое Утро с крынкою бежало
И молоко ромашкой расплескало
По всем пригоркам, до лесных границ.
Теперь сидит и плачет у криницы.
Ей лет шестнадцать, как и мне.
Искрится
И падает роса с её ресниц.

Я акварель разбавила водою.
Я написала Утро молодое,
Сырое, оно пахло молоком.
В траве мелькали розовые пятки —
Босое Утро мчалось без оглядки.
Но кто-то, кто-то на мольберт мой шаткий
Приладил стебель с утренним цветком...

2

...И через годы, через дым былинный
Я вижу незабвенные картины:
Со дна реки всплывают облака,
Как белый Китеж — терема и храмы.
И серебром кипят речные ямы —
Там ходит язь и пестует малька.

Как на полотнах старых мастеров,
Клубятся рощи. И стада коров
Бредут к реке. Река глазищи пучит,
Вся пузырится, ходит ходуном,
И где-то погромыхивает гром,

Но мы совсем не думаем о том —
 Художник местный нас искусству учит,
 За просто так, за медные гроши,
 Прощая нам, что красками грешим.
 По-стариковски он сутулит плечи.
 Ему лет двадцать, может, двадцать три.
 Он кутается в шарф красней зари,
 И сам похож он на июньский Вечер.

Трёх учениц ему учить не лень.
 Одна прекрасна, как июньский День:
 Вся золотая, вся из солнца юга.
 А у второй — в глазах такая Ночь,
 Которую одной не превозмочь,
 Без жарких слов и без объятий друга.

И я меж ними: между Днём и Ночью,
 Меж мелких ссор и болтовни сорочьей.
 Я — только Утро. Я — ещё мираж.
 Ещё — никто. Я — вся ещё в начале.
 И потому меня не замечали
 Ни День,
 Ни Ночь,
 Ни хмурый Вечер наш.

3

Мы на этюдах, у реки, у леса.
 Учитель наш следит без интереса,
 Как мы терзаем бедные холсты.
 Его песок приречный занимает —
 На нём вода рисунки оставляет
 Причудливой и дикой красоты.

Смеётся День, поймав за хвост синицу.
 Вздыхает Ночь. Ей на плечо садится
 Из чёрного муара махаон.
 А Вечер, наш художник странноватый,

Всё смотрит на речные перекаты,
И больше ничего не видит он.

4

Черёмуха, боярышня-боярка.
Заброшен мой этюд.
Бегу, дикарка,
И прыгаю с обрыва на баркас.
Там никого, и он давно заброшен,
В ракушках белых, в солнечной пороше.
И День,
И Ночь,
Мне хорошо без вас!

О боже! Где училась я науке
Так хохотать, заламывая руки,
Чтоб раздувал мне ветер сарафан,
Чтоб солнце мне подмышки золотило,
И палуба гудела и ходила,
Как барабан,
Как гулкий барабан?

5

Зияла пропасть между мной и кручей.
Вода кипела огненной тучей —
По небу с ветром двигалась гроза.
И в этот миг художник мой неожиданно
Перелетел ко мне.
Сияя странно,
В мои зрачки вошли его глаза.

Плясали мы, как волны и как ливень,
И никогда уж не были счастливей,
Чем в ту грозу, так сблизившую нас.
Куда всё подевалось? Я не знаю...
Гудит река, зелёная и злая,
И догнивает брошенный баркас...

6

И День погас.
 И Ночь отбушевала.
 На берег волны катятся устало.
 И знают, может, только небеса
 Всё о любви, о страсти, о печали.
 А я — мираж, я — Утро, я — в начале,
 И вновь лучом мелькаю по лесам.
 Там бродит Вечер с рисовальной папкой,
 И в красный шарф он кутается зябко,
 И говорит с залётным ветерком.
 И на останки старого баркаса
 Кладёт цветы — из нежного атласа
 Ромашки
 Или мяту с васильком...

В ПЕСКАХ

1

Глазами чистого ребёнка
 Глядит окошками мой дом,
 Как с облаков по нитке тонкой
 Сбегают солнце пауком,
 Как два холма, набычась лбами,
 Глощают ящериц на спор,
 Как птица вьётся над песками
 И держит в клюве эхо гор.

2

Глухая провинция. Лето.
 Жара и горячий песок.
 Край света?
 Конечно, край света.
 Россия, а всё же — Восток.

Две пушки. Орёл на лафете.
 Здесь крепость.

И в царской тюрьме
Возносятся сорок мечетей,
И церкви — на каждом холме.

Базары. Лабазы. Верблюды.
Китаец в халате цветном,
С улыбкой загадочной Будды.
И — солнце за каждым окном!

За каждым окошком — портреты.
Поэты с портретов глядят.
Край света. Казачьи пикеты.
Восточный форпост Семь Палат.

Недаром Россия ссылала
Великих строптивцев сюда —
Великой провинция стала,
Как в пойме иртышской вода.

3

Он песню тянет про степной поход,
Протяжную, такую, чтоб хватило
На всю дорогу — до порога милой,
А там он песню новую начнёт.

Закончен караванный переход.
Верблюды опустили на колени,
Закрыв глаза от радости и лени,
И по губам слюна у них течёт.

А милая воды набрала в рот
И притворилась, что певца забыла.
Но будет ночь.
Как золотое шило,
Проколют звёзды крепкий небосвод.

Певец в Степи любимую найдёт,
Горячую, дрожащую от страсти.

Сверкнут во тьме старинные запястья,
Где высечен любовный приворот.

Протяжна песнь, а ночка коротка.
Жёлты бока верблюжьи от песка.
И снова — в путь,
чтоб кровь не остывала!
До новых юрт.
До тихого привала.
До сладкого, как губы, родника...

4

Он день и ночь сидит на плоской крыше,
Какая бы ни грянула гроза.
Ползут пески.
Горячий ветер дышит.
Съедает соль бессонные глаза.

Внизу аул живёт и умирает,
И вновь плодится. Моется песком.
И топит печи круглые кураем,
Считая раем глинобитный дом.

А он сидит на крыше недвижимо
И смотрит вдаль, на синее пятно:
Там, за стеной полуденного дыма,
Живое море, что ушло давно.

Он ждёт его: ещё не сгнили снасти
И плоскодонка старая цела.
Сменился век.
Переменились власти.
Сгорела жизнь минувшая дотла.

Всё суета! Всё прахом разлетится,
Потом оседет на морское дно.
А море — вечно. Море — возвратится,
И он его дожждётся всё равно...

5

Степная белая олива
 К жару азийской терпелива,
 Но всё же дождик сторожит.
 Кругом песка потоп всемирный,
 А над песком — мираж эфирный,
 Пустыни этой старожил.

Идёт он по равнине голой,
 Босой, в рубахе длиннополой,
 Мираж по имени Мади.
 Когда-то здесь шумело море,
 И люди жили, с ветром споря,
 И сердце мучилось в груди.
 Нет никого — одни вараны,
 Кричат, зализывают раны
 И в бой бросаются опять.
 Бредёт Мади на старый берег,
 Где от весны остался ерик,
 Чтоб там ракушки собирать.

Его никто вокруг не видит,
 А потому и не в обиде
 На дервиша былых времён.
 Он на ракушках погадает,
 Песок в ладонях покидает —
 И ливень приворожит он...

6

Кто ходит по пескам — не думает о вечном:
 Едва ступил — уже стираются следы.
 Воочию видать, как время быстротечно,
 И не дойти вовек до Утренней Звезды...

ДАУТАЛИ СТАМБЕКОВ

ВОЛЧОНОК

Прямо из логова взятого маленького волчонка
К нам домой принёс один человек,
Осень была, кажется, падал снег,
Хороший подарок, мы полюбили щенёнка.

Путался под ногами, играл с детьми,
Волчонок, казалось, забыл, откуда он родом,
Не ладил лишь с пугавшимися лошадьми,
А так веселил людей, «охотился» по огородам.

В один из дней забрёл он в сенной сарай
И там увидел ягнёнка, о чудеса,
В голове помутилось, он вспомнил лесной свой рай,
Мать и отца, и братьев, живущих в лесах...

Глаза его засверкали, зажглись огнём,
Но тут же он спрятал куда-то свой жёсткий взгляд...
В тот вечер исчез он куда-то... В краю лесном,
Наверное, хищник живёт и не хочет назад.

БАЛЛАДА О ДОМБРЕ

Домбра была душою старика,
Его глазами, печенью и почкой...
Струна из козьей жилы пусть тонка,
Но звук её пронзителен и точен.

Из корня крепкого он вырезал её,
Любовно струны натянул, цевьё
Украсил незатейливым узором,
И звук домбры я слышал много раз,
В зимовье древнем, в предвечерний час,
Провидческим глядел на нас дед взором.

Как подавала голос свой домбра,

Мелодия рождала много мыслей,
И мастерская старика игра
Надолго в памяти моей зависла.

А посредине юрты был очаг,
Дрова сухие жарко в нём горят,
И золотая осень в трёх шагах,
И в небе что-то журавли кричат.

А в нашей юрте ритмы древних звуков
Мелодия уносит вдаль и вдаль,
И старика, и малых его внуков,
Захватывает вечности печаль.

Старик однажды занедужил тяжко,
И, чуя, что болезнь не к добру,
Как отдают последнюю рубашку,
Мне в руки передал свою домбру.

Сгустились над аулом облака,
Дома стояли под дождём, мокры,
Старик ушёл в тот день, его рука
Запечатлелась в дереве домбры.

В руках ребёнка — древний инструмент,
Вдвоём мы встретили далёкий тот рассвет.
Такое получил и я наследство,
И потому, наверно, я — поэт.

Жизнь изменилась, изменились песни,
И люди стали злей и сволочней,
Как будто на земле всем стало тесно,
Житья не стало среди этих дней.

В ауле праздник был, а поутру
Один джигит пришёл и встал у двери,
И попросил на вечер дать домбру,
И я, наивный, вдруг ему поверил.

А тот джигит был пьяница известный,
И где вы праздник без питья видали?
Во время исполнения чьей-то песни
Вдруг драка началась, домбру сломали...

Домбра была душою старика,
Его глазами, печенью и почкой...
Струна из козьей жилы пусть тонка,

Но звук её пронзителен и точен.
 Удар такой не ожидал я, нет,
 Хотя и был ещё почти ребенок,
 Я понял, что теперь лишь умер дед,
 И не сберёт его домбры внучонок.
 Порвали струны, корпус проломили,
 Всё вдребезги, домбру не воскресить,
 Теперь осталось только его имя
 И я, внук, продолжающий здесь жить.

КОНИ ГУННОВ

Император китайцев любил коней,
 Рыжих, быстрых, текущих, как дюны,
 Написал он письмо с просьбой своей,
 Обращаясь к правителям гуннов.
 Он просил обменять непокорных коней
 На китайских стройных принцесс,
 И он сравнивал лошадей и людей,
 Весь уйдя в сравнений процесс.
 Аргамаки, — писал он в строках письма, —
 И стройны, и капризны, игривы,
 Они сводят мужчин, буквально, с ума,
 Ровно-ровно расчёсаны гривы.
 Аргамаки очень похожи на женщин,
 Шеи длинные, как у гусей,
 Бег коней в байге над степью торжествен,
 Завораживает людей...
 Император китайцев к обмену готов,
 Он пригнал красавиц табун...
 Но коней отдать не заставишь бойцов,
 Не отдаст аргамака гунн.
 Из-за этих коней было много ссор,
 Крупных войн и мелких драк,
 Не одно состояние до сих пор
 Может стоять степной аргамак.
 Конь тебя не оставит в руках врагов,
 Верен он и уносит вдаль,

Но исчезли те кони во тьме веков,
Как и нравы людей, а жаль...

 За свободу сражаться предки могли
Потому лишь, что рядом был конь.
Где копыто коня касалось земли,
Там всегда была жизнь, вода и огонь...

 Аргамак может стоить цену дворца,
И хоть многое стёрло время,
Но со дня сотворения нет у Творца
Красивей, благороднее зверя.

 Если есть у тебя верный друг аргамак,
Это — крылья твои, лишь в полёте держись,
Он — свидетель побед, погонь и атак,
Он дороже жены, он — жизнь!

ЖАРАСКАН АБДРАШЕВ

Я — СЫН СТЕПЕЙ

1

Родная степь, священное сказанье,
и друг, и враг хвалили твой порог.
Дай счастье мне — возьми моё признание:
одну главу и я начать бы мог.

Сказал бы тем, кто разделяет небо
на полумесяц и свою звезду:
«Захочет степь — я стану горсткой хлеба.
Разгневается — в ноги упаду!»

Как жить мне, степь, с твоей судьбой в разлуке?!
Пусть кровь моя в твоей течёт крови,
Отдам тебе глаза свои и руки,
отдам и сердце, полное любви!

Как нам отцы когда-то завещали,
с народом вместе повторяю вновь:
дай чувствовать нам, степь, твои печали,
дай чувствовать нам, степь, твою любовь!

Родная степь, я добрых знал друзей,
я знал врагов — их тоже было много.
На кляче жизни, словно ротозей,
дорогу не судил я слишком строго.

А дни всё шли. И вот мне двадцать семь.
Прости, душа, ты вихрем не согрета!
Я смирно жил и позабыл совсем,
что двадцать семь — немало для поэта.

Наивным был, а в тайне думал так,
что песни мне завещаны отцами,
что я — опора песенных атак
в одном ряду и связке с мудрецами.

Я говорил: «Настану, как рассвет,
чтоб люди мною любоваться вышли!»
О степь, ты — мать!
Прости мне прошлый бред.
Абай, великий предок мой, простишь ли?

2

Я говорил, что ливнем запою,
скажу слова волшебней, чем кудесник...
Абай простит мне молодость мою,
но Лермонтов простит ли — мой ровесник?

Родная степь, как много крепостей
до моего рожденья было взято!
Я опоздал.
И вот среди гостей
пришёл на праздник.
Не суди предвзято!

Я не батыр. Легки мои следы.
Мои дела — не подвиги героя.
Не я — другой в рядах Амангельды
готовил шашку и судьбу для боя.

Покрылись пеплом зоревые дни,
встал часовой у боего стяга...
Как не был я соратником Гани,
так с Кошкарбаевым не штурмовал Рейхстага.

3

Но если время взвихрится опять
и ты на подвиг позовёшь солдата —

я насмерть буду за тебя стоять..
Родная степь, о, не суди предвзято!..

Родная степь, я многого хочу...
Хотел бы я стать горною грядою,
хотел бы я, как будто по лучу,
скалою взмыть в погоне за звездой.

Не сомневайся, верь, не подведу!
Сил наберу на каждом километре.
Зелёной рощей стану
и уйду
ветвями в небо
размышлять о ветре.

Заставлю сердце в пыль уйти нырком
и с вихрями запеть, как веретёнце...
Хотел бы, степь, я стать твоим цветком,
Переливаться красками на солнце.

4

Ещё скажу о тайном, о своём:
своей мечте всей жизнью потакая,
хотел бы я стать вольным соловьём
и песни распевать, не умолкая.

Нет, нет, мечта!
Постой, не торопись.
Родная степь, заносчивость прости нам.
Чтоб все мои желания сбылись,
твоим останусь
должником и сыном.

Родная степь, ты — мой тугыр...
Я крылья выпросил у птицы
и думал:
облечу весь мир,
но где же, степь, твои границы?

Настало время думать об ином.
Настало время оправдать надежды.
В чужих краях я вспомнил милый дом...
Родная степь, о, где же ты?
О, где ж ты?

5

Стремится сердце к облакам твоим,
в моей груди ты пенишься, как море.
Твои слова, понятные моим,
я не отдам на поруганье споре.

Какое счастье верным быть, не льстить!
... Чужое небо принижая с болью,
как смог тебя я в сердце уместить,
о степь моя?
О верная приволью!

Родная степь, прошу тебя, послушай:
не стал я свечом в твоём большом доме.
Однако я — твои глаза и уши
и твой язык, не льстящий никому.

Кто обманул бесхитростных — спасенья
нигде не сыщет, жизнь свою храня.
Чтоб у тебя отнять частицу зренья,
вначале надо ослепить меня!

6

Чтоб оскорбить покой и гордость духа
в тебе, к слепой покорности склоня,
в истории лишить чутья и слуха
пришлось бы прежде недругу меня.

Какая б тяжесть ни легла на плечи —
всё вынесешь — подавишь стон и крик,
но чтобы степь лишилась дара речи —
сначала надо вырвать мой язык!

О КОНЕ

«Залюбуешься шеей тонкой,
Гривой падающей, как водопад.
А глаза — две смородины чёрные,
Словно дождик омыл их и град.
А четыре копыта — как чаши,
Перевёрнуты. В землю бьют.
Пронесётся по степи — нет краше,
Как пожар, как летящий бунт.
Что ему овраги да рытвины —
Может он взлететь до небес.
А врагу — лишь пыль от копыта,
Пыль густая, как тёмный лес...»
От певцов я слова эти слышал,
Я боялся коня как огня.
А ещё познал я мальчишкой:
«Не мужчина, коль нету коня!».
В честь мою вливалась кинжалом
Эта мысль с мечтой о коне.
Где ты, мой аргамак из пожара,
Как меня ты промчишь по земле?..
Мой скакун! Породистой крови,
Ты смешаешь весёлые краски.
Надо мной будут мчаться кроны
В этой быстро летящей пляске...

СЛОВА МУДРЕЦА

С детством встретишься только раз,
Не смекнёшь, как его вернуть.
Твоей юности только раз
Суждено алмазом блеснуть.
В нежной зелени только раз
Улыбнётся твоя весна.
Осень выстудит только раз,
Улетит, как птица, она.

От большой любви только раз
Воспаришь — или камнем вниз.
От родной земли только раз
На чужбину уйдёшь — и нищ.
Пусть желаньем ты томим,
Честь храни — не будет другой,
И единственным сердцем своим
Всё единственное воспой.

ЖАДЫРА ДАРИБАЕВА

* * *

Мой дед молился день и ночь не ради личных благ:
Просил Всевышнего помочь честь сохранить, как стяг;
Для дел благих прибавить сил, чтоб совершить их мог.
И Бога возблагодарил — услышал его Бог!

Дед не хотел в грядущий год наслатъ великих бед.
Для тех, кто вслед за ним придёт, оставил чистый след.
«Не делай больно тем, кто жив,
Добро от добрых слов», —
В душе моей, как клад, лежит ученье стариков.

Мои родные старики, учили вы меня,
Что зло, отпущено с руки, придёт тропой огня.
Тебя, возможно, обойдут проклятья стороной
И пощадит житейский суд, но сбудется иной.

Небесной карою падёт, велик он или мал,
Твой давний грех, забытый, тот, что приговором стал.
О нём ты вспомнишь, чуть живой, когда, судьбой сражён,
Единственный ребенок твой падёт и сгинет он.

Не унижавшие других, достоинство хранят
Святые старцы — помнят их и средь народа чтят.
Всё меньше этих стариков, но свет их не погас.
Как остов юрты держит кров, так держат они нас.

И если мы укореним Добро в своих сердцах,
Услышит мир и Степь за ним о многих мудрецах.

Быть может, это неспроста — не пала духом Степь,
 Что предков светлая бата сбывлась — в ней наша крепь.

Я тоже к Богу день и ночь молитву возношу:
 Творец, прошу тебя помочь творить добро, прошу
 Сберечь в душе и свет, и честь.
 Пусть да поможет Бог
 И молодым пошлёт он весть о лучшей из дорог;

Пусть приумножится в пути достоинство отцов,
 Пусть день грядущий впереди поднимет светлый кров.
 Да не нарушится вовек ритм радостный сердец,
 Ему послушен человек — с рожденья по конец.

* * *

Мой дед, молясь и слыша голос горний,
 Родной язык хранил среди языков.
 Глубинные оберегал он корни
 От сора, от зловредных сорняков.
 Я помню его подвиг перед Богом,
 Хоть время шло и позабыто много.

Потомки дедов благородных были
 Любимцами, народ их наш берёг.
 И как зеницей ока, дорожили
 Наследниками тех, кто был высок,
 Кто светел был, кто был возвышен Богом,
 Хоть время шло и позабыто много.

Ценить — не значит льстить. Возьмите древо,
 Да будет ли раскидистым оно,
 Без почвы родины и без напева
 Весенних птиц, без солнца, что полно
 Любви и ласки. Лик его — от Бога,
 Хоть дни пройдут и позабудут много.

Но изгнаны, унижены, убиты
 Все лучшие, кого народ берёг,

За то, что они были родовиты,
И невдомёк нам, тёмным, невдомёк,
Что стали мы ничтожны перед Богом,
Хоть век ушёл и позабыто много.

Кто духом чист — назвали мы врагами,
Предателей — до неба вознесли.
Мы самых лучших погубили сами,
Приют духовный сами подожгли.
Мы свой народ оставили без Бога,
Хоть время шло и позабыто много.

И вот уж без традиций, без примера,
Во всём единогласны и пусты,
Бредём толпой безликою и серой,
Довольны тем, что сыты животы.
Манкурты мы, покинутые Богом.
И новый век. И позабыто много.

Когда-то были мы другим народом,
Честь талисманом душу берегла.
В каком ученье под небесным сводом,
Где сказано, и есть ли похвала
Сынам-убийцам, преступившим Бога,
Хоть шли века и позабыто много?

Сыны, что, хорохорясь, устрашали
Народ свой, Степь свою, нужны ли нам?
Они родную колыбель сломали
И выкинули, как ненужный хлам.
Что будет с нами? Кто мы перед Богом?
А дни идут и позабыто много...

Безграмотною чернью изувечен,
Народ мой, ты впустил неправду в дом,
Когда, закрыв котёл родимой речи,
Огонь разводим под чужим котлом.

И стонут те, кто прозревает Бога,
Хоть дни идут и позабыто много.
Мой дед, молясь и слыша голос горний,
Родной язык хранил среди языков.
Глубинные оберегал он корни
От сора, от зловредных сорняков.
Я помню его подвиг перед Богом,
Хоть всё прошло и позабыто много...

ИБРАГИМ ИСА

ТЕБЕ

Ты помнишь... Осень. И туман сырой.
И степь. И небеса полны печали.
У камышей над тёмною рекой
С тобою мы свиданья назначали.
Служили камыши приютом нам,
Щитом — от ветра, от дождя — навесом.
В полях, открытых всем чужим глазам,
Они нам были садом, парком, лесом!
Но как-то предвечернею порой,
К местам заветным подойдя поближе,
Увидел я лишь пепла чёрный слой —
И понял, что зелёный сад мой выжжен!
Зачем понадобилось и кому
Сжечь камыши, обрушив мирозданье?
Я до сих пор не знаю, не пойму —
Случайность это или предсказанье?
Кругом всё голо. Больше над рекой
С тобою мы укрытия не ищем...
Но говорят, что камыши весной
Растут пышней на старых пепелищах!

ДЕВУШКА С НАШЕЙ УЛИЦЫ

По имени её не звал —
Мол, чья ты, кто ты?
Но слышал смех её и знал
Её заботы.
Болталась сумка на плече,
В карманах — руки,

Была улыбка на лице
Её подруги.

Самоуверенна, горда —
И в этом сила.
Как шли ей джинсы, что тогда
Она носила.
Как птица вольная летит
Тропой небесной,
Кружил над девушкой мотив
Давно известный.

Она свистела шагу в такт —
И горя мало...
И жизнь свою как славный факт
Воспринимала.
Лишь мудрецы и чудаки
На это вправе.
Но были ей к лицу очки
В цветной оправе.

И лишь приверженец крутых
Моральных правил
Её ликующий мотив
В укор ей ставил.
И что шагала, как на пир,
И что свистела,
И то, что мысленно весь мир
Обнять хотела.

Не знаю, в чём её вина,
Скажу вам честно,
Но каждой песенки цена
Была известна.
И стала улица мертва
И опустела,
Когда девчонка молча шла
И не свистела.

Как будто мучила её
 Такая дума,
 Что заставляла на житьё
 Смотреть угрюмо.
 Она была не то чтоб зла,
 Но всем на диво
 Серьёзна, и невесела,
 И молчалива.

Когда же новая весна
 Взялась за дело,
 Вновь шла девчонка не одна
 И вновь свистела.
 А если спросишь, что ж о ней
 Теперь не слышно?
 Она свистела пару дней
 И замуж вышла.

ПУСТЫНЯ. ЗНОЙ

Хоть бы капля дождя с обожжённого неба
 В этих проклятых всеми богами местах!
 Здесь глаза устают, как от яркого снега,
 В бледно-серых, и белых, и жёлтых песках.

Ты питьё не забудешь, в дорогу собравшись,
 Ведь среди этих мёртвых и жарких степей
 Под тебя твоя тень словно прячется,
 Сжавшись, даже тень бережётся слепящих лучей.

В месяц травы становятся суше и строже
 И сгорают — недолог старения срок.
 Как бы ни был ты крепок здоровьем,
 А всё же
 Перевалишь ли холм?
 Не загадывай впрок.

Гости редкие здесь даже птицы и звери,
 Никогда здесь подолгу они не живут...

Полосатые ящери, юркие змеи
По сухим косогорам бесшумно снуют.

Ты не верь миражам, пробираясь пустыней!
Ты заранее знай, что обманут тебя
Этот лес над песками, прохладный и синий,
Это море, что манит, волною слепя.

Даже грозам сюда долететь не под силу.
Как заплатки, на небе висят облака...
Ох, не знаю, за что мать-земля обделила
Своей милостью эти края на века!

СЕРИК АКСУНКАРУЛЫ

ХИРОСИМА

Ребёнок в жертву, во своё спасенье
приносит стаю бумажных журавлей...
Он сам уже лишь жертвоприношенье
Атомному веку...
Но мы вздыхаем:
ах, если бы дитя сложило всю тысячу журавликов,
возможно б, жило...
Ах, не хватило сил ручонке детской смять
листок последний
в подобие сакральной птички.
Но, умирая, она или он — мой человечек,
сквозь забытьё, сквозь сон,
не знаю, видел ли, что тысячный журавлик
вспорхнул, но не взлетел,
крылом завязнув
у нас меж пальцев, сложенных в кулак.
И я, простак,
создам тебе свой памятник
из девяти сотен
и девяносто девяти бумажных журавлей...

ПОМПЕИ

Город — склеп,
Под пеплом и песком он нём и слеп.
В нём ни теней, ни света,
ни радости и ни тоски:
лишь слепки храмов, лавок и жаровен...
В нём нет дверей, закрытых на замки,

распахнутые в беге,
 им гостя не впустить
 и боль за ними, нет, не утаить.
 Он есть, но не дано ему
 в Италии стать итальянским,
 не преклонить колен пред Папой,
 не защитить Бруно.
 Поэт, и ты ведь вроде есть...
 Безмолвие.
 Город — склеп.

ВОЛЧИЙ МОНОЛОГ

Презренье шакалам! Я их презираю,
 При встрече, презренных, я их истребляю!
 Я — хозяин просторных степей,
 Не знаю я жизни счастливей моей!

Я всех покараю на встречном пути!
 Вся моя сила — стальные клыки,
 В сердце врага вонзить их готов,
 Пощады не будет для злейших врагов!

О предки волков! Вы владыки степи!
 Кровавые были с врагами бои!
 Сколько шакалов вы извели,
 Чувствую запах гниющей земли!

Почтенные предки! Предки волков!
 Слышал недавно я несколько слов:
 Корни с шакалами наши одни —
 Правда ли это, предки мои?!

Скажите, почтенные, неужели и мы,
 Пададь гниющую подбираем в степи!
 Подобно шакалам скулим в холода,
 Бросаемся в бегство, увидев врага!

Неужто настали те дни,
Когда торжествуют презренные псы?!
О предки волков! Почему вы молчите?
Позора матёрых не допустите!

Почему отвернули свой лик?!
Неужели не слышен мой крик?!
Вокруг лишь шакалы и вой их в ночи...
Выжить, Всевышний, мне помоги!

НЕСИПБЕК АЙТУЛЫ

ЧЁРНАЯ ТЕТРАДЬ

Передо мной — потёртая тетрадь
В потрескавшемся чёрном переплёте.
Попробуйте её перелистать
И перечесть — вы многое поймёте.
Внимательно читайте, не спеша:
Там, в строчках, — мир, который чист и звонок,
И по нему летит моя душа,
Как с крылышком подбитым голубёнок.

Там степь, просторы, пыльные следы
И пройденные горные дороги,
И радость есть, и горький вкус беды,
Невстреченное счастье и тревоги.
Есть предков зов и яркие цветы,
С родителями встречи да разлуки.
От неосуществлённой доброты
Порой бессильно опускались руки...

Там я оставил чувств своих следы
И память дней, которых не забыть мне:
Мгновенья жажды без глотка воды
И волны жизни ясно-голубые.
В тетради этой я воспел мечту,
Грусть сына по отеческому дому
И девушки любимой красоту,
Доставшейся не мне — ему, другому...

От этой несложившейся любви
Я часто мёрз, но обжигался — чаще;
В душе поют и ныне соловьи

Из юности моей бурнокипящей...
 Попристальной вчитайтесь, не спеша:
 Тут, в строчках, — мир, который чист и звонок,
 Где плачет, может быть, моя душа,
 Как потерявший маму жеребёнок.

Здесь прошлого и будущего связь,
 Загадки, тайны, гулкие просторы,
 И всё это живёт, в стихах сойдясь.
 Рассвет мой и закат, грядущий скоро...
 Боль неудач, незавершённых дел,
 Невзятые вершины, недостатки
 И — счастье, от которого я пел,
 Пел, не стесняясь, в миг удачи краткий!

Вот чёрная тетрадь — черновики.
 Когда смеюсь или от горя стражду,
 Мои стихи, как будто родники,
 Мне утоляют неустанно жажду.
 Вглядитесь в мир рождённых сердцем слов!
 Когда с лицом, ветрами обожённым,
 Весной окажетесь в тени холмов,
 Повспоминайте их в краю зелёном,
 Среди ненастья иль среди тиши.

Тогда вокруг, расширившись в границах,
 Хребты, холмы и мир моей души —
 Всё-всё у вас уместится в зеницах!
 И друга вы во мне — настанет срок —
 Почувствуете, как в единовеце...
 В тетради этой при рождении строк
 Я, не скупясь, своё растратил сердце!

НОЧНОЙ ПЕРЕЛЁТ ЖУРАВЛЕЙ

Я услышал, как в небе курлыкала стая —
 Совершался ночной перелет журавлей.
 Нет ни звезд, ни луны. Журавли, улетаая,
 Застенали тревожно над ширью полей...

Как тоскливо курлычут, надрывно и дружно!
Сердце вздрогнуло, словно подранок, в груди:
Может, люди стреляли вам в крылья бездушно?
Иль беда позади? Или она впереди?..

Травы спят безмятежно, сомкнули ресницы.
Окликая друг друга, летите от нас...
Кто вас в темень прогнал, беззащитные птицы,
Кто кровавые ногти нацелил на вас?

Стали ваши тревоги неожиданною тайной,
Словно счастьем для вас никогда не расцвествь.
Журавли, через мрак не несёте ль случайно
Мне и людям тяжёлую, чёрную весть?..

МНЕ ПРИСНИЛСЯ ЖЕРЕБЁНОК...

Как наяву, я увидел во сне:
Бежал ты, жеребёнок резвоногий,
Топтал траву и, радуясь весне,
Ловил ноздрями гулкий зов дороги!
Чуть нискошь твоя летела тень,
И мчался ты, безудержно-игривый.
Откуда в этот полный счастья день
Ты прискакал, мой рыжий, шелкогривый?
Так сказочно в густой ночной тиши,
В стремительных наплывых сновиденья
На волю из глубин моей души
Ты вырвался, как плод воображенья.
Летел быстрее, чем степная дичь,
Простор пронзая рыжим ураганом!
Душой сегодня ты не смог постичь,
Что завтра шею обовьют арканом
И оседлают в ясном свете дня...
Что ж, судьбы многих жеребят похожи!
Нежданный след от грубого ремня
Врастёт рубцом горячим в нежность кожи.
Строптивый, покоришься нелегко,

И вздоргнет степь, застонет под копытом...
Я от тебя уеду далеко
В надежде стать акыном знаменитым.
А ты пока не знаешь одного —
Что есть узда, аркан, плетей извивы...
О соколёнок детство моего,
Мой жеребёнок рыжий, ясногривый!
Ты на простор бескрайний погляди —
Степь широка, и гор вершины вечны!
Но как подножка — пути впереди.
Поймёшь ли это, стригунок беспечный?
Что ж, слабым будешь? Или же в борьбе
Ты вырастешь могучим? И не даром —
Всех скакунов обгонишь на байге
Непобедимым, сказочным тулпаром.
Представь, что мир — велик, а ты могуч
И под весенней синью поднебесья,
Касаясь гривой облаков и туч,
Орлоподобный, ты летишь, как песня!
Мой ветрокрылый, славный бегунок,
Об этом помни в трудные минуты,
Когда тебе свободу сильных ног
Сурово свяжут ременные путы.
У памяти дороги далеки...
Любовь к тебе жива, куда ж ей деться?
Не зря в твои глаза, как в родники,
Я пристально заглядывал из детства.
А в них — цветы и солнышка лучи,
И небосвод весенний, синелобый...
Нет, никогда удар моей камчи
В твои бока не врежется со злобой!
О сочный дух джайляу по весне,
О детский смех, что радостен и звонок!
...Почаще навещай меня во сне,
Мой рыжий простодушный жеребёнок!

ТУРСУНАЙ ОРАЗБАЕВА

* * *

Сегодня народ мой, как молодость, светел.
Он новое время восторженно встретил.
Народ мой любимый, позволь же поздравить
И новый твой путь и воспеть, и восславить.

Следы обновления заметны на каждом,
Согреты надеждою лица сограждан.
Счастливой дороги и радости вечной
Тебе пожелаю, народ мой сердечный.

Пусть души вовек не наполнятся ссорой.
Хочу быть народу — надёжной опорой.
Желаю добра, и покоя, и света.
Я целую жизнь отдала бы за это.

Народ мой к добру и терпению приучен,
И дух его смелый — с домброю созвучен.
Во времени жёстком, и в веке зовущем
Он свыше отмечен — счастливым Грядущим!

* * *

Нет у меня печалей Ак-Баян,
И горя Кыз-Жибек не выпадало,
И ледяной жестокости Кодара
Не знала я — иной мне жребий дан!
Избавлена судьбою от потерь,
Но песни лет былых мне сердце мучат:

Я разделяю с ними злую участь,
 Их дни, их чувства
 Как мои теперь.
 Со мною жизнь, шумевшая вчера,
 Но я расту со временем растущим,
 И надо мною краски радуг гуще,
 И я пою — счастливая Сара!

ВЛЮБЛЁННЫЕ

(На могиле Енлик — Кебек)

Была подобна молнии любовь,
 Ударившая в крепости запрета!
 Так руки сплетены, так слита кровь —
 Толчком огня любовь восходит эта!

Как жгла она загривки злых волков,
 Круживших по степи в жестокой травле!
 И свет её из глубины веков
 Пришёл ко мне по увядшим травам,
 По песням и преданьям старины...

Простых сердец неизмерима жалость
 К судьбе влюблённых, павших без вины, —
 Их потрясённость и во мне осталась,
 Как будто я мгновение назад
 Сырую горсть в могилу уронила...
 Слили уста,
 Друг с другом говорят —
 Не разомкнёт их никакая сила!

Любви не знавший, беспощадный век
 Остался прахом, превратился в камень,
 И выбито на нём: «Енлик — Кебек».
 Всё утекло.
 Любовь осталась с нами!

МОНОЛОГ МАНАТ¹

1

Щедра ко мне природа, говорят.
Глаза мои как яхонты горят,
Жемчужная улыбка у Манат,
Так люди часто меж собой судачат.
К тому же ещё один бесценный дар
Судьбою щедрой мне в наследство дан,
Им восхищаются и млад и стар
И мне желают счастья и удачи!

Слова мои — мне говорят — что мёд,
Ну кто ещё так, как Манат, поёт,
Ну кто ещё порадует народ,
Кто приумножит честь его и славу?
И я в любимом песенном краю
Звездой недосягаемой горю,
Я птицей звонкогорлою пою —
Я ласточка на небе Каратау...

О, как же я тогда была юна,
Как я была полётом тем пьяна,
Как расплатиться мне пришлось сполна
За это безоглядное паренье —
О мой бесправный, бедный мой народ,
Манат, как птичка божья, пусть поёт,
Но ей всегда заткнут поспешно рот,
Услышав слово правды и прозренья...

2

Да, я сладкоголосая Манат,
Но пониманье — выше всех наград,
И пусть иной наглец потупит взгляд,
Пусть затаит вражду, скрипя зубами.
Я перед злом вовек не отступлю,

¹ Манат — дореволюционная поэтесса из Южного Казахстана.

И песню я молчаньем не сгублю,
Хоть знаю, на айтысе, где царю,
Он мне ответит низкими словами.

И мне б тогда — жемчужине степей —
Сквозь землю провалиться бы скорей.
Но нет в моём краю таких дверей,
Чтоб от несправедливости укрыли.

— Уж если баба ты, — мне говорят, —
Так и живи, так требует адат, —
И уж торгуют красотой Манат,
Сбывая злomu мужу мои крылья.

О время беспросветное моё:
Коль волос долог — не красна умом?
В темницах духа заживо гниём —
Когда ж придёт, наступит избавленьё?

Домбра моя, услада из услад,
Ты расскажи, как раны те болят,
Ты расскажи, как оскорблён талант...
Ведь это я — я, ласточка Манат!
...Но только стон из горла вместо пеня!

СЕСТРА МОЯ БЕРЁЗА

Как будто бы в сорочьем опереньи,
Затмив собою южных королев,
Красуешься очам на загляденье,
И женственнее нет тебя дерев.

И ни одна из пальм так не воспета,
Хоть дань в стихах платили им, любя,
Но в Казахстане не было поэта,
Который не восславил бы тебя.

К твоим зелёным шелестам весенним
И к шелестам осенним неспроста

Всем сердцем припадал Сергей Есенин —
Твоя вознесена им красота.

Сестра моя, наверно, не случайно
С тобой я откровенничать люблю,
И ведома тебе моя любая тайна,
И впредь меня не оставляй, молю.

Вновь в золото иль в зелень облачилась,
Избранница ты всех моих предтеч,
И понимать давно я научилась
Твоей любви пленительную речь...

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

* * *

Ты подойди к окошку светлому —
В нём больше неба, чем земли.
Наверное, мой друг, поэтому
Мы сговориться не смогли.

Не сговорилися, не спелися,
Хоть каждый, что хотел, сказал...
Предпочитаешь южным прелестям
Ты всё привычное глазам.

А я люблю поездки, новшества,
Морскую синь, корабль вдали...
Чтоб было больше одиночества
И больше неба, чем земли.

* * *

Становится всё приземлённым, пошлым...
Не надо, мой друг, растворяться в прошлом.
Оно — не спасение, не награда.
Там останавливаться не надо.

Оно засосёт, как болото чавкнет,
И будущего цветок зачахнет,
И если не хочешь поставить точку,
То двигайся, прыгай скорей на кочку!

При новом строе и новом веке
Чего ж грустить о том человеке,
Что был с романтикой заодно...
Он потихоньку ушёл на дно.

ЗОЛУШКА

Было чисто и светло
От разлётшегося снега.
«Ваше время истекло!» —
Вдруг раздался голос с неба.

Превратилась лошадь в мышь,
Стала вдруг дорога тряской...
И пронзила остро мысль,
Что не повторится сказка.

И не склеится стекло,
И не отворятся двери.
Наше время истекло.
Башмачок не буду мерить.

* * *

Что-то холодать стало,
Видно, впереди осень.
Сколько ни гости — мало,
Не опишешь всех сосен.

Среди ночи свет брызнул —
Знать, в Иртыш звезда пала.
Сколько ни прожить жизнью,
Всё равно тебе мало.

Закричит гудок сипло.
Уведёт в степь дорога.
Не забудь сказать «спасибо»,
Что даётся так много.

* * *

Ах, как освежает
Ночной холодок!
Тонкий серпик месяца
В речке дрожит...
Это ангелок

Подстриг ноготок,
 Он упал на облако,
 Сверху лежит.
 В остальном — порядок,
 Полный уют.
 Тишина — услышишь
 Ерша в Иртыше.
 ...То ли это ангелы
 Тихо поют,
 То ли песня вспомнилась,
 Звучит в душе...

ЗАГОВОР

Добрый лес, светлый лес,
 Забери мою болезнь!
 Яр-огонь, синь-огонь,
 Съешь тоску, выпей боль!
 Вы, лесные птицы-звери,
 Унесите все потери
 В гнёзда, норы, темь берлог
 И закройте на замок!

ПО ДОРОГЕ В ДАМАСК

По дороге в Дамаск он уверенным был и карающим.
 Но увидел Того, Кто нас всех обессмертил и спас.
 И не вынес зрачок этот огненный свет опаляющий.
 Савл ослеп по дороге в Дамаск.
 Он ослеп и прозрел.
 Ужаснулся своим злодеяниям.
 И не ждал от врагов и друзей ни пощады, ни ласк.
 Но вся жизнь озарилась небесным Христовым сиянием,
 Осветившим его на дороге, ведущей в Дамаск.
 По дороге в прекрасный Дамаск все мы странствуем, Господи!
 И апостола Павла слова вспоминаем не раз...
 Просвети, вразуми, поддержи над родными погостами,
 Не оставь нас на вечной дороге, ведущей в Дамаск.

ГАСАНЕ ХАДЖИСУЛЕЙМАН

ПОД НЕБОМ

Под небом, на груди горы пологой,
Средь трав, что источают аромат,
Я был цветком, былинкой тонконогой,
И радовал, и был безмерно рад.

Я источал любовь ручьям и рекам,
Благоухал, благодарил весну.
И солнце мне мигало алым веком,
Когда я провожал его ко сну.

Луна и звезды надо мной склонялись,
Мне доверяли тайные мечты...
Так дни и сны мои чередовались,
Среди добра, любви и красоты.

Однажды девушка на луг явилась
И там была одна... В её глаза
Я посмотрел, — как сто мечей вонзилось
В меня... Как будто грянула гроза!

Сорвав, она к груди меня прижала...
О, я пылал... Но, верность не храня,
Красавица ладонь свою разжала
И, рассмеявшись, бросила меня...

ХЛЕБ

Как бы ни был ты богат,
Рассуди, подумав, так:
Хлеб ценнее во сто крат
Прочих ценностей и благ.

Что вкуснее пищи нет,
 Знает каждый по себе.
 В жизни хлеб — как глазу свет,
 И в хоромах и в избе.

Спросишь — люди объяснят,
 Каково без хлеба им.
 Хлеб, как символ жизни, — свят.
 Хлебобороб в народе чтим.

Если ты умён, речист,
 Но с презреньем бросишь хлеб,
 Значит, ты душой не чист
 И глазами, видно, слеп.

Хлеб тоску поможет снять
 И разделит боль с тобой.
 Хлеб умеет различать —
 Кто тут добрый, кто тут злой.

Труд без хлеба не идёт,
 Без него — в семье разлад.
 Я скажу вам: хлеб — не мёд,
 Но лишь с хлебом я богат!

РОДНИК

Там, где бил родник из-под камней,
 Поселилось несколько семей.
 Девушки, невестки в летний зной
 К роднику ходили за водой.

Но однажды тот родник иссяк,
 Отчего, не знаю, вышло так.
 Не искрится, не звенит вода,
 Не спешат с кувшинами сюда.

Родниковая вода — шербет.
 Заболел — лекарства лучше нет.

Ручейки, что с наших гор бегут,
Полноводным речкам жизнь дают.

Дорога вода из родника,
Как младенцу — капля молока.
Он здоровье нам давал не раз.
Мы окрепли, — а родник угас.

Натрудился и устал вконец,
Постарел, как мать или отец.
Что же делать? Соберу друзей,
Мы очистим высохший ручей.

К величавым обращаюсь горам:
Возвратите, горы, воду нам!
И опять родник среди камней
Заискрится, к радости моей.

ИЗ-ЗА ТЕБЯ

Донья, ранен я тобой,
Взгляд очей — острее стрел!
Стала жизнь моя пустой, —
Ты — горда, а я — несмел.

Для меня померкли дни,
Слёзы лью из-за тебя.
Стал Меджнуном я, взгляни, —
Разум потерял, любя.

Ты прелестна, курда дочь!
Положу заклад любой —
День перед тобой — как ночь,
Ночь яснее дня — с тобой...

Мир избавится от войн,
От пожаров и огня...
Всё равно — любви огонь
В пепел превратит меня.

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

СТАРАЯ АЛМА-АТА

Природой сотворённый сад камней
Меж горных речек двух — Алмаатинок.
Там засмотрюсь на тишину снежинок,
Прислушаюсь к дыханию огней.

Мне в мире нет и не было родней
Той улочки, где чёрно-белый снимок
Всплывал из ночи памяти, а в ней
Звон под карнизом родниковых льдинок.

И в рифме «горы — город»
есть ландшафт,
Там в мамин я закутывался шарф
В одном из обживаемых ущелий.

Пугасов мост. Фуникулер. Базар.
Кресты могил, и на холме мазар —
Сквозь голубые царственные ели.

* * *

Не завидуй ближнему,
Не завидуй дальнему,
Что тебе отмерено,
Быть тому сполна.
Будут дни веселые,
Будут дни печальные,
Будет жизнь долгая...
Холмик. Тишина.

ЗЕМНАЯ БАЛЛАДА О КОСМОСЕ

Чингизу Айтматову

Где эта станция? Где эта станция? — Там.
 Как зовётся она? «Тюре-Там» — говоришь? — «Тюре-Там».
 И солнцем палима и пламенем мощных ракет
 Земля, что на карте в жёлтый окрашена цвет.
 Где эта станция? Где эта станция? — Там.
 «Тюре-Там» по-степному зовётся она. «Тюре-Там».

...Вот лётчиков группа в тени на перроне стоит,
 и степная листва над ними слегка шелестит.
 Посмотрит старушка и тут же забудет про них,
 идёт вдоль вагонов, и звонкий доносится крик:
 — Бир сом одна дынька! —
 Людские мешая слова,
 прячет смятые деньги в цветистые рукава.
 Она видит ночами пылающий в небе костёр.
 Она внука не пустит за дальний запретный бугор.
 Узнает лишь завтра о том, что случилось вчера:
 в полнеба, в полнеба след космического костра.
 Где эта станция? Где эта станция? — Там.
 «Тюре-Там» — говоришь? — «Тюре-Там» — говорю. —
 «Тюре-Там».

Поезд тронется, степь проплывает с обеих сторон.
 Быть может, в купе кто-то скажет:
 — Вон там космодром!
 Как обыденно всё,
 ни ферм не видать, ни ракет,
 лишь локатора ухо да тревожный на завтра рассвет.
 Да «уазик» пылит, скрывшись за безымянным холмом...
 Ты взгляни, лейтенант, ты вернёшься, ты вспомнишь о том,
 что здесь эта станция, здесь эта станция, здесь.
 И взлетает орёл над тобою — как добрая весть.

ГУСЬ НАД ГОРОДОМ

Гусь летит с перебитым крылом...
 Два крыла твоих — радость да горе.
 Не увязни в воздушном растворе,
 Дикий гусь с перебитым крылом.

В новостройках не вспомнят о том,
 Не помянут жильцы в разговоре.
 Эх, крыла твои — радость да горе,
 Дикий гусь с перебитым крылом.

Близко к озеру микрорайон,
 Что раскинулся на косогоре.
 Эх, крыла твои — радость да горе,
 Дикий гусь с перебитым крылом.

Кто стрелял?

Он тебе не знаком.

Наследил он в небесном просторе.
 Эх, крыла твои — радость да горе,
 Дикий гусь с перебитым крылом.

На окраине строится дом.
 Гусь летит с перебитым крылом.

* * *

И комната, и среди ночи ты,
 Прижав к груди, баюкаешь ребёнка.
 И в полумраке белая плёнка,
 Как белый флаг притихшей суеты.
 И жизни незасвеченная плёнка
 Проявится, сметая тень беды.
 Взгляну глазами своего ребёнка
 На просветлённые твои черты.

И многое мне надо бы сказать,
 Так многое, что лучше промолчать.
 Вот — пантомима жизни, а не сцены.

И до синевы приподнимают эти земные края,
 Стрелочник с сыном, клин журавлиный и молчаливый сурок,
 Связи едины, незаменимы — вместе и в каждом живут.
 О ветер, ветрило, чему, господине, веешь навстречу?
 Горькую горечь джусана вдыхая, кану я за холмом.
 И ветер развеет, как горсточку проса, мысли в пространстве,
 Многовековая странствует стая — крылатые мысли.
 — Скифы, спешите видеть того, чьё слово было законом!
 Ветер возгласы носит из небытия, пали оковы.
 Земля плачет древней травой, рельсы плач в бездну уводят.
 Весёлые птицы садятся на шпалы — и умирают.
 По левую сторону я ухожу — и слышу стук сердца.
 На правую сторону перехожу — спит балбала¹ с чашей.
 И птичьим крылом я ладони сложу — и линию жизни
 Вижу в ладони — будто с рожденья храню нить Ариадны.

ДОЛИНА

Сержану Канапьянову

В долине таял образ дня,
 Рождались тени.
 Куст превращался возле пня
 В рога оленя.

Бездонно следом ночь плыла,
 Дышала тучей
 Сквозь слой воздушного стекла
 Над горной кручей.

Войду ли в ночь... Но белый конь
 Скачком с кургана
 Обронит и в мою ладонь
 Росу тумана.

В ней возгорится образ дня
 Лучом кристалльным...

¹ Каменное изваяние.

Всё повторится без меня
В долине дальней.

К АБАЮ

О казахи мои, мой бедный народ!

Абай

Смерти внезапной синдром зарегистрировал врач.
Там, за горами, аул в ночной погружается плач.
Скажи мне, великий поэт, что траурный камень хранит?
И в недрах накопленный яд сквозь сердце твоё не сквозит?
Наш воздух настоян на нём, им дышит твой бедный народ.
Тропа у могилы твоей к районной больнице ведёт.
И смерти внезапной синдром опять констатирует врач,
За полигоном в ауле — распятый антеннами плач.
Скажи мне, великий поэт...

АКЫЛБЕК ШАЯХМЕТ

ЭЛЕГИЯ

Не больно нынче весел я, затих,
И мать молчит, ни слова не роняет.
О чём моя печаль? О глупых и тупых,
Которых терпит степь моя родная.

С тобою, степь, как с мамой говорю.
О том, что ты добра ко всем, я знаю.
За простодушие тебя не укорю,
Земля моя, родимая, родная!

Я говорю тебе как на духу,
Пред человечеством всем сердцем преклоняюсь,
Понять непониманья не могу,
Непонимания людского опасуюсь.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я парня знал. Он день рожденья
Свой никогда не отмечал,
А почему — не отвечал.
И я решил: жалеет денег...
А оказалось,
Без вины
Он виноватым жил на свете
За то, что утром, на рассвете,
Родился в первый день войны.
Страшна нелепость совпадения,
В такое верится с трудом,

Что это зло вошло в их дом
 Одновременно с днём рожденья!
 Отец, не обласкав мальчика,
 Ушёл с суровым чувством мести.
 Но вскоре — страшное известье:
 Убили на войне отца.
 Собрать все слёзы — будет море,
 И дна его не обнажить.
 Кто знает, сколько пережить
 Пришлось мальчишке слёз и горя?!
 Но он достойно вынес беды
 И со страной заодно
 Рожденье празднует давно
 Не в день войны,
 А в День Победы.

* * *

По степи измученной моей
 Поседели пряди ковылей.
 Но над нею вспыхнет солнце скоро.
 Но целует ветер, как дитя,
 Но, очами синими светя,
 Из травы глядят на нас озёра.

Только что-то, что-то здесь не так:
 Будто в страхе, стелется жантак,
 Гнутся вязы, в норы мчатся звери.
 Тесно сердцу бедному в груди:
 Что, вещун, ты видишь впереди,
 Неужели горе и потери?

Словно жвачку, время я тяну...
 Тихо солнце клонится ко сну
 Над полынью белой, над водою.
 Только нет покоя для меня:
 Знаю, счастье канувшего дня
 За беду я взял — отдам бедою...

АНГЕЛ И ДЬЯВОЛ

Как вспомню благородный твой поступок,
 готов я на твоей могиле умереть.
 Но вспомню лишь совсем другой проступок,
 хочу зарыть тебя поглубже в эту твердь.

Габит Мусрепов

За одним моим плечом —
 Мой хранитель, ангел белый.
 За другим — нечистый чёрт
 Мне мешает то и дело.

Только сяду на коня
 Догонять свою мечту,
 Как шайтан столкнёт меня,
 Ангел — схватит на лету.

Но порой тулпар крылатый
 Спотыкается опять:
 Видя золото, богатым
 Вдруг желает ангел стать.

Так всю жизнь по свету бродишь
 Между святостью и тьмой.
 Берегись, земляк, сородич,
 Будьте бдительны со мной!

Среди грязи и навоза
 Чистоту как соблюсти?
 Постоянная угроза —
 Сбиться с верного пути.

Если б слушали в народе
 Старцев праведных завет,
 Не мельчала бы порода,
 Избежав напрасных бед.

Жаль, несчастный соплеменник,
Твоих истинных богатств.
Почему мой современник
Мнимым молится богам?

Пусть расплавит слово камень, —
Повторяю мысль одну:
Славьте ангела веками,
Опасайтесь сатану!

ЛЮБОВЬ ШАШКОВА

ЗВЕЗДА БОЛОТ

И счастлив я, пока на белом свете
Горит, горит звезда моих полей...

Н. Рубцов

1

Скамейка. Дачное крыльцо.
И костерок в ночи от гнуса.
Звезда глядит в моё лицо —
Звезда болот для белорусов.

Я помню, как за пядью пядь
Мы поднимали эту землю.
И возвращаюсь к ней опять.
И вновь звезде далёкой внемлю.

И знаю: среди родных болот,
Лесов, лугов у речки Брожки
Я взору горнему с высот
Видна теперь, как на ладошке.

2

Сказали: люди на болоте.
Сказали: нет людей бедней.
Века приходят и проходят,
А поговорка всё верней.

Но всё ж, когда Березина
Своим простором входит в очи,
«Какая бедная страна», —
Сказать вовеки не захочешь.

Какая дивная страна
Лежит вокруг отцовской хаты,
Мгновенно делает она
Тебя счастливым и богатым.

Лишь здесь, на вечном берегу,
Ты понимаешь: кто ты, что ты...
Кулик, хвалю свои болота
И нахвалиться не могу.

3

Пойдём на Брожу! На луга! В дубы!
Нос высунем подале огорода...
Побродим Брожей, не выскивая брода, —
Куда бежать от собственной судьбы?

Здесь ночью с бреднем ходят мужики,
А днём с топтухой тянутся мальчишки.
Пусть не всегда с ухою рыбаки,
Они о том печалятся не слишком.

А в разнотравьи — царствие коров,
Пастух под дубом местится с обедом.
— Здорово, — скажет. Ну а ты здоров
Родимым духом, что с рожденья ведом.

И от него вовеки не отвыкнешь...
Пусть речку можно унести в горсти,
Пусть бродом куры могут перейти,
Зато душой её не перепрыгнешь.

4

В слиянии Березины и Брожки
Мы ладим свой рыбацкий костерок.
То дождиком сыпнёт, как из лукошка,
То солнышко блеснёт у наших ног.

Непостоянна у реки погода.
Непостоянно счастье рыбака.

Но словно в детстве плещется река
Под ласкою скупой небосвода.

И всё приветней зов прибрежных кущ,
Дубов столетних, лопотуньи-ивы —
Свидетелей вот этих слёз счастливых,
Слиянья рек, слиянья наших душ.

5

Помедли, погоди ещё нёмного,
Ведь вот она — июльская дорога,
Вся в солнечных замысловатых бликах —
Берёзы, сосны, запах земляники,
Грибов, дождя и Беларуси летом.
И мы с Сашулей на велосипедах
Летим на остановку встретить деда.
Да... Лето. Солнце. Полная семья.
Но, видно, впопыхах молилась я:
Помедли, погоди ещё нёмного,
Вот, Господи, короткая дорога
К земному счастью...

В ВИШНЁВКУ

Брату Илье

Как утро начинается легко!
В Вишнёвку едем мы по молоко.
Отец садится на велосипед,
Я свой ему пристраиваю вслед,
Прилажен на багажнике бидон,
И не спеша педали крутит он.
Через посёлок, лесом — на шоссе.
Известны мне его тропинки все,
Его повадки знаю наизусть...
А я простором нахлебаться рвусь!
Ах, как отца я обогнать хочу,

И я быстрее педалями кручу.
 Но есть у нас неписанный закон,
 Что впереди на трассе едет он.
 Красой окрестной полнится мой взгляд,
 Машины мимо на шоссе летят,
 И полчаса мне впереди видна
 Лишь согнутая папина спина.
 Но вот он — на Вишнёвку поворот.
 И дергает меня какой-то чёрт!
 И лихо я наперерез отцу
 Через шоссе, не оглядевшись, мчу!
 Нет, не случилось никакой беды...
 Так что ж тревогой слышится: «Кудды-ы-ы?!.»
 Ведь никого на той дороге нет,
 И я одна кручу велосипед.

Но я вгляжусь. И станет мне видна
 От бездны заслонившая спина.

СТЕПЬ

Акиму Тарази

Какой глубокий горизонт
 Зимую под Карагандою.
 Небесной мерянный верстою,
 Чтоб даже взор достать не мог.

Чтоб даже птице — долететь,
 Чтоб даже всаднику домчаться
 Не в силах было. Оказаться
 В степи зимую — та же смерть.

И здесь жила моя душа.
 В безбрежности носима ветром,
 Влекума к дальним миражам,
 Не отторгаемая степью...

За неприметною Нурой,
Затерянной за снежной пылью,
Совсем, совсем иной порой
Здесь те же горизонты плыли.

А поезд мчится наугад
Стальной дорогой от вокзала,
От той меня, что век назад
Свою колею не узнала.

Небесной мерянный верстой
Не нами путь наш обозначен.
Гляжу на степь во мгле пустой.
И узнаю её. И плачу.

ОРЫНБАЙ ЖАНАЙДАРОВ

ПОЭТЫ ЖИВУТ НА ЛУНЕ

*Памяти товарищей,
ушедших из жизни
в эпоху перемен*

Поэты живут на Луне,
На тёмной её стороне,
Под куполом из плексигласа,
Тот купол — защитный экран,
Он их защищает от ран,
От порчи, от слова и сглаза.
Сергей и Мукагали
Живут далеко от Земли,
Погибли они на Земле,
Где скверный народец живёт,
В далёкой космической мгле
Никто их теперь не найдёт,
И не долетит звездолет!
Погибли они на Земле
От истины бесчеловечной,
В далекой космической мгле
Они пребывают вечно.
О люди, за вами грех,
Убили великих поэтов,
Ваш мелкий ехидный смех
Сразил их точней пистолетов!
Они вас простили, ушли,
Теперь далеко от Земли,
Поэты живут на Луне,
На тёмной её стороне,
Чтоб ваших не видеть глаз,
В том каждый виновен из вас!

**ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ Г. АППОЛИНЕРА
«МОСТ МИРАБО»**

Сена тихо течёт под Мостом Мирабо,
Так любовь уплывает из рук,
На воде от звёзд и галактик рябой
Диск Луны, как спасательный круг.

Стрелка, сдвинувшись к Северу, полночь пробьёт,
Я стою на мосту, время плавно плывёт.

Руки я к тебе протяну, ты ко мне протяни,
Как мосты разведённые, мы снова одни,
Перед нами плывут в никуда
Равнодушные волны — года.

Час полночный на чёрный упал циферблат,
Я стою на мосту, этой жизни не рад.

Почему уплывает любовь в никуда,
Как стремительны годы, хоть и медлит вода,
Где мираб Мирабо, чтоб течение прервать?
Время движется только вспять.

Ночь приходит, тучнеет тьма,
Дни уходят, стареют дома.

Дни уходят, всплывает пена недель,
Треугольные волны тянутся медленно,
Это катер ночной, словно тянет ель,
Под мостом Мирабо в Лету канула Сена.

Ночь. И колокол бьёт опять.
Дни уходят, как волны, вспять.

Мир подлунный живёт на мосту Мирабо,
Мы неистовы и поныне,
И от грустной моей любви мировой
Оживёт, как в мифе, богиня...

Ночь пришла. Громко бьют часы в темноту.
Сена тихо течёт. Я стою на мосту.

МОДИЛЬЯНИ — АХМАТОВА

Совершенней любви не могло бы быть —
Модильяни и Анна Ахматова,
Им хватило ума сойтись, полюбить,
Спины жарко друг дружке руками обхватывая.

От такой любви итальянский сапог
Провалиться мог, согнуться во времени,
От такой любви мог родиться Бог,
Потому она не забеременела.

От их горькой любви человеческий дух
Мог подняться над миром атомом,
И за эту любовь их убили не вдруг —
Модильяни и Анну Ахматову.

БРЮКИ, КОЛЕСО, СТРЕМЕНА

Мир ходит в брюках, не подозревая,
Что тюрки брюки те изобрели...
Крепка умом земля моя степная,
И крепче нету на Земле земли!

Изобретатель колеса, возможно,
Был тюрк, дрын загнувший, как лассо...
Крепка умом земля моя, и мощно
Грохочет по дорогам колесо!

Со стременем потеха та же, тюрки,
В седле привстав, повергли племена
Чужие...
Нам осталось, полудуркам,
К ракете приспособить стремена!

КАТИРА ЖАЛЕНОВА

ТЕБЯ ЖДАЛА

Белая мгла беспокойный январь пеленала,
Степь замерла под пуховым своим покрывалом.
Думала я, что вернёшься ты вместе со снегом,
Глядя в окно, как берёза фату примеряла.
Я всё ждала...

Вот и весна разрумянилась зорькою алой,
Снова природа в апрельские дни оживала.
Думала я, что вернешься ты вместе с весной,
Этой надежды, любимый мой, я не теряла.
И всё ждала...

Солнце над сопками за горизонт уплывало,
Ночка весенняя в дверь мою робко стучала.
Думала я, что надежды мои ты разделишь,
И в одиночестве долгую ночь коротала.
Но всё ждала...

Молния белая в небе ненастном сверкала,
Из берегов вырываясь, река бушевала.
Я всё ждала, а весна между тем для влюблённых
Яркие горсти цветов по степи разбросала.
Я так ждала!..

Лучшие песни свои я тебе посвящала,
Руки к тебе протянув, отводила беду.
Что же, мой милый, весна моя так запоздала?
Я тебя жду!

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

В степи зима. Безмолвие и ночь.
 Снега облиты лунным молоком.
 Ты от меня ушёл по снегу прочь,
 Как будто бы со мною не знаком.
 Но руки я тяну тебе вослед
 (По сердцу — не по снегу ты идёшь),
 И льётся равнодушный лунный свет
 На белые цветы, что ты несёшь.
 Кому ты даришь белые цветы?
 Я к ним, замороженная, тянусь —
 И чувствую, меня не видишь ты...
 И я взглянуть в лицо твоё боюсь.
 Не помнишь дорогих, заветных слов,
 Что для меня когда-то находил...
 По белизне разлившихся снегов
 Ты с белыми цветами уходил.
 О, если бы могла я стать цветком,
 Из тех, что ты в объятиях держал!
 Быть может, моей нежностью влеком,
 Меня бы ты среди цветов узнал?
 И рухнул бы тот лёд, что мою грудь
 Тяжёлыми оковами сдавил...
 Но бесконечен был твой белый путь,
 Ты от меня всё дальше уходил.

ЛЕТО ПРОШЛО...

Росинкой с берёзового листа,
 Скользнувшей игриво,
 Травой, полонившей родные места,
 Поднявшись на диво, —
 Так лето прошло, насладиться спеша
 Водю хрустальной.
 Прошло мимо тёмной стены камыша,
 Близ ивы печальной.
 А мне-то казалось — над краем родным

Весна зарева...
 Но лето прошло, дуновеньем своим
 Поля обвевая.
 И вот уже некогда белый рассвет
 Ожгла позолота,
 А лето умчалось за стаями вслед —
 Пора перелёта...
 С жёлтеющих сопок спускается вниз
 Прохладная осень.
 И крик журавлей, что над степью повис,
 Всё дальше относит...

ГОЛУБЫЕ НАПЕВЫ

Разбудила луга голубая весна,
 И земля молодая цветами полна,
 Под весеннюю дудку ручьи танцевали,
 Щедрым солнцем весь мир разбудила она.
 Лёгкий ветер в зелёных садах — это ты.
 Жар тюльпанов в предгорных лугах — это ты.
 Мир колышется в мареве голубоватом,
 Шум травы в пробуждённых степях — это ты.
 Ты упала слезою с ресницы цветка,
 Белым светом вернулась из берёзняка.
 Поднимали тебя бережливые корни,
 Словно матери нежной ласкала рука.
 Коль добра я — от глаз твоих чистых добра,
 Коль красива — от Солнца, от Утра — мудра.
 Все богатства мои — от твоей доброты,
 На тебя я похожа, Весна, как сестра.
 Когда тонет Земля в голубой пелене,
 Моё сердце пылает в весеннем огне,
 И тогда вдохновенье, голубокрыло,
 Над землёю летит, прикасаясь ко мне.

ЗИНАИДА ЧУМАКОВА

ШАШУ

Традиция эта от века стара —
под звон серебра пожеланье добра:
улыбчивым людям дарить свой привет,
бросая пригоршни монет и конфет.

Налево удача, направо — успех! —
сыпать всех счастьем, обрадовать всех.
Я этот обычай вам в дар приношу,
знакомя с казахским обрядом «шашу».

В нём исстари мудрость народа живёт —
душевная радость от сердца идёт.
И к юрте, и к сакле, к шатру, к шалашу
достаток и благо приносит шашу.

Дождём изобилья прольётся тот дар.
Пусть дом ваш минуют нужда и пожар,
болезни, тревоги исчезнут навек.
Аллах да поможет тебе, человек!

В наследство обряды недаром даны.
В них сила и святость седой старины.
Так будем достойны мудрейших, прошу,
что нам передали в наследство шашу.

СТАНЦУЙ МНЕ ТАНЕЦ ГОРНОГО ОРЛА

Станцуй мне танец горного орла,
Чтоб руки твои, словно два крыла,
Парили плавно в небе над землёй.
Станцуй мне танец, гордый горец мой.

Накрой огромной буркой весь Кавказ,
 Ни боль, ни смерть чтоб не коснулись нас.
 Станцуй мне танец горного орла,
 Чтоб в нём душа вайнахов ожила.

Я буду петь, а ты пари в горах,
 Орлам неведом ни покой, ни страх.
 И пусть полёт твой не прервёт стрела.
 Станцуй мне танец горного орла...

ТРИ ВЕРШИНЫ

Есть три вершины главные от века.
 Но их достичь не каждому дано,
 Чтоб сохранить и званье Человека
 И то, что с ним под небом рождено.

Во всех делах земных свобода свята.
 Не раболепствуй и челом не бей.
 Свободным будь от зависти и злата.
 Ты — сын Всевышнего, а не плебей.

Второй вершиной совесть почитая,
 Не измельчает пусть душа твоя.
 Живи, её в стократ предпочитая
 Тщеславию и комфорту бытия.

Любовь — сосуд изысканной чеканки.
 Она все беды может превозмочь.
 Храни её, как бриллиант в огранке,
 Что звёздами расцвечивает ночь.

Три точки. Три отсчёта. Три мерила.
 Чего уж проще, чтоб достойным быть.
 Но многим целой жизни не хватило,
 Чтоб эти три вершины покорить.

БАХЫТ КАИРБЕКОВ

* * *

Тебе дарован дар дарить, как бог, улыбки!
Какое ещё призвание тебе?
Когда всё в мире так изменчиво и зыбко
И каждое мгновение равно твоей судьбе.

Судьба твоя становится дороже,
Чем больше будет в ней любви!
Тогда, как бог, ты тоже сможешь
О времени и смерти позабыть.

* * *

Моя любовь к тебе — хрустальная капель,
Что весело поёт, роняя слёзы,
И враль-февраль, и марта канитель,
Грохочущие ласковые грозы.

И сочность нежная травинки,
Подснежника сливовая слюда,
В лучах сверкающая льдинка —
Ещё не талая волшебная вода...

Моя любовь к тебе — не щебет, клёкот —
Так пробует струну певец,
Так из глубин высоких, издалёка
Идёт, идёт желанный гул небес.

Моя любовь к тебе — взмах крыльев мотылька,
Тоска тычинок, спрятанных в бутоне,
Стремление лучей, летящих сквозь века,
Холмов коснуться и уснуть в истоме...

Моя любовь к тебе — так коротка,
 Как жизнь, как слава, как преданье,
 Она живёт в благоухании цветка,
 В стихе одном — исповедальном.

* * *

Неприбранным останется осенний сад.
 Коростой пёстрой запуржит террасы...
 Запечатлеет в памяти мой взгляд
 Красы потухшей лик бесстрастный.

И одинокий ворон каркнет мне устало,
 Пора, мол, прятаться в уют, в тепло...
 А мне всё кажется, ещё осталось
 В бокале осени лучистое вино.

А мне всё кажется, что жизнь остановилась,
 На расстоянии, не зная, как уйти...
 Она, как я, так хочет, чтоб продлилось
 Последнее признание в любви...

* * *

Нам надо бы друг к другу относиться
 Как древо к древу,
 Как вода к воде;
 Водой к корням,
 Как к ветке птица —
 С душой к душе,
 Судьбой к судьбе.

МАМЕ

Шайзаде Монке-кызы

Обвей лицо теплом свечи,
 Береги, береги,
 Своим дыханьем излечи
 От нелюбви, от нелюбви...

Твои ладони — пиала,
Твоя душа — мой хлеб,
Слезой-иглой мне сердце жгла,
Когда душой я слеп.

Ты в снах хранила мой покой,
Гнала кошмары прочь.
Я знал, я верил: ты со мной
И день и ночь,
И день, и ночь...

Ты — крылья сна.
Ты — яви сон.
Паришь над тропами моими...
Как счастья вдох,
Как боли стон —
Тобой подаренное имя!

* * *

Он будет грустен, этот вечер,
Когда душа забудёт в набат,
В обнимку с солнцем, чуть беспечен,
Уйду за край земли — в закат.

Уйду,
Никто и не заметит,
Как я сгорю в закате том...
Уйду,
А душу на рассвете
Внесут в пелёнках в чей-то дом.

* * *

Чтоб всё сказать — не надо много слов,
И одного — достаточно бывает.
Но я не знаю тяжелей оков,
Что мне — сказать мешают.

Но не сказать нельзя — и вот слова
Ты говоришь не те, и сам же знаешь —

Пред кем и в чём ты виноват...
Но ты их — повторяешь.

Слова, слова о многом, о чужом,
Но о своём — постыдном и горячем —
Ты бережёшь слова — все на «потом» —
Во мглу души всё глубже прячешь.

Но срок настанет — в том сомненья нет,
Безжалостно поднимут на рассвете...
И всё, что ты всегда твердил в ответ, —
Всего лишь тишина перед ответом.

* * *

Прикоснуться — напомнить, навеять
Тишину уходящего лета,
Красной охрой смолистого клея
Прилепиться и, медленно тлея,
Ждать телесного света — ответа.

Насекомым блуждать в лепестках,
Задыхаясь от близости нежной,
Что всё реже, всё реже, всё реже...
Но желанней и слаще тех прежних!
С неожиданной болью в глазах!

Прикоснуться, забыть и вспомнить
Всё пространство телесного мира
И ритмичную строчкой пунктира
Перепонки подкрыльев наполнить.

И летучею мышью во тьме
Удивиться текучести ночи...

Мне нужны твои тёмные очи,
Чтоб проснуться и знать: сердце хочет
Жить, не веря горящей листве...

* * *

Стучится дождь по жести крыш.
 Стучит сосед на пишущей машинке.
 И не таясь скребётся в стенку мышь.
 А я гляжу в окно — подаренной картинке.

Там лета пыльный коврик дождь омыл.
 Там укус грусти краски обессмертил.
 Когда-то я там в обмороке жил
 И тоже рисовал, и хорошо! — поверьте.

Там, на спины скамеек взгромоздись,
 Я песни пел на старенькой гитаре,
 И, хороводя всем — цыганский князь,
 Я жил, как лист, в пылающем угаре.

Я время не ценил, я жил — всегда!
 Теперь молюсь ему — как этой вот картинке...
 Скребётся мышь к зерну — жизнь коротка!
 Стучит сосед на пишущей машинке.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Дочери Гафуре

Она не хочет лепетать на птичьем...
 Она молчит — прислушиваясь к нам.
 А мы? А наш язык — всего привычка
 Не доверять заведомо словам.

Мы позабыли имена.
 Не выдавая чувств,
 Мы упражняемся, смакуя говоренье.
 Но если можно говорить, не размыкая уст,
 То слово первое — уже само творенье!

О, наш язык, — лукавый, умный гений!
 Она молчит. Она ещё умеет —

Зверёк, дитя природы — чуять западню...
И я молчание её не тороплю.

Но вот душе так мало простоты
Лица и жеста, говорящих глаз...

Она сейчас у самой той черты,
Что отделяет в первый и последний раз
От всей животворящей жизни нас.

КАЙРАТ БАКБЕРГЕНОВ

ПУГАЛО

На холм вознесено,
царит над всей округой.
Какая глупость
птиц распятием пугать!
Оно приютом стало
для бездомных,
отверженных
и распятых полётом.
Ты — птичий царь,
ты — птичий бог...
А мы?
Мы много лучше
многих малых птиц?..

КОЧЕВЬЕ

Вновь на месте не сидится,
вновь родня меня клянёт,
мол, порхаю будто птица
и куда меня несёт?

Только жизнь моя — качели.
По всему во мне видать
пробуждается кочевье —
плыть, лететь или бежать.

И, как перекасти-поле,
я у мира на виду
вновь ищу чужие боли,
схоронив печаль свою.

Я не знал по вас печали,
степи голые пески.
Но качели укачали
до пронзительной тоски.

Я, как видно, из породы
тех, кому в любом раю,
в зеркалах чужой природы
суждено искать свою.

НОЧЬ

На окнах бились занавески,
и колыхалась полумгла,
и отзывалось болью резкой
в плече отсутствие крыла.

И вдруг пространство обнажалось,
и скрадывались все углы,
лишь звёзды, в ход пуская жала,
не разделяли этой мглы.

Миров неощутимы грани,
и всё, что создано тобой,
тебя так щедро отвергало
и выдавало с головой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Укачай меня, мать,
в колыбели степной.
Укачай меня, конь,
в колыбели седла.
Укачай меня, степь,
на качелях забытых кочевий.
Укачай меня, жизнь.
Укачай... укачай... укачай...

УЛЫКБЕК ЕСДАУЛЕТОВ

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНЬ ЛИСТЬЕВ»

1. ЛЕТО ПРОШЛО

Лето прошло, а за ним — молодые лета.
Черпали радость горстями, не зная предела.
В жизнь мы бросались, как в бурную реку с моста,
Что будет после — об этом душа не болела.

Лето исчезло, и горечь осталась в груди.
Некогда шумные, нынче живём втихомолку.
Быстрому времени рады б сказать: «Погоди!» —
Только оно проскочило, как нитка в иголку.

Лето прошло — пожалеть не успели о нём.
Были всеядны — и пламя, и лёд поглощали.
Дом за спиной оставляя, к другому бредём,
Беды нас ждут или радости — знаем едва ли.

Лето прошло...

2. СГОРЕВШИЕ ЛИСТЬЯ

Вьётся по саду удушливый чад,
Тянется к высохшим жёлтым растениям.
И без того бы их сжёг листопад,
Выстелив землю узором осенним.
Корчатся листья и гибнут в дыму.
Осени неисчислимы потери.

Сад этот отдан на откуп ему —
Алчному и ненасытному зверю.
Дни промелькнувшие — та же листва.

Время срывает их неумолимо.
Где она, прежних небес синева,
Скрытая пологом едкого дыма?

Ветру я верю и верю судьбе,
Ведь велика её сила над нами.
Осень однажды нагрянет к тебе,
Высветит душу своими кострами...
Вот и во мне, как внутри очага,
Жарким огнём заметалась пурга.

3. НОЯБРЬ. ТРОПА

Ноябрь...
И тяготы зимы совсем близки.
На юг летят пернатые скитальцы.
И не унять берёзе дрожь руки —
Озябшие подрагивают пальцы.

И лето было, и была весна,
И молодость была, да всё исчезло.
Неразбериха троп обнажена
В саду осеннем и в траве облезлой.

И всё же мы тропу торим опять,
Хоть завтра ж зарастёт она травойю.
Былого счастья нам не испытать.
Но сердце стало терпеливей вдвое.

Из тысячи дорог одна — для нас,
Чужой судьбы, пусть лучшей, нам не надо.
Огонь души, пока он не погас,
Спешим отдать тому, кто с нами рядом.

И на тебя, который, путь торя,
Идет вперёд, судьба глядит украдкой.
Оставишь след — и значит, жил не зря.
Вот в этом смысле надо жить с оглядкой.

4. СОЛНЕЧНАЯ ПАУТИНА

Солнце спешит на запад путём закатным.
На горизонте тучи бронзой омыл закат.
Сердце, угомонись, их не вернуть обратно —
Солнечный круг и пулю, пущенную наугад.

Дни друг за другом вслед тянутся вереницей,
С одним из них в свой черёд и я уйду заодно.
Чего же ещё хотеть, если успел убедиться:
Концы с концами свести вряд ли мне суждено.

Жизни моей траектория уже отмечена спуском,
Но в тишине вечерней песня ручья звончей.
Он восхитил однажды кого-то медовым вкусом,
Кому-то казался горьким — один и тот же ручей.

Изредка мёд я пил, чаще — настой полыни,
Только меня от жажды этот ручей не спас.
Как золотой паук, солнце сидит в паутине,
И смотрит мне прямо в сердце его всевидящий глаз.

5. ДОБРОЕ ЛЕТО

Промчался ливень и вдали растаял.
Упругим луком радуга легла.
О лете вспомнив, роща золотая
Ему своё богатство отдала.

А мы судьбе за счастье чем заплатим,
Когда листом осенним, золотым
Мы станем падать на своём закате
И жёсткости земли не ощутим?

Судьба даёт, но и берёт сторицей.
Ушедший дождь не позовёшь назад.
Боролся, жил... И как могло случиться,
Что ты к земле лопатками прижат?

О молодом припомним сумасбродстве,
 Где силы те, потраченные зря?
 В твоих глазах уже не свет, а ответ,
 И в сердце стынет ветер ноября.

Весы добра и зла протянет солнце:
 Которую — из двух бездонных чаш?
 У рожи много золотых червонцев,
 А ты-то чем судьбе своей воздашь?

СУДЬБА ПОЭТОВ

«Быстрее лети! Твое чадо змея укусила», —
 Услышала мать эту страшную весть.
 Из пальца распухшего
 яд она выпила весь —
 И детское тело оставила чёрная сила.

Ребёнок лежал на кошме,
 но уж пятился мрак
 И жизнь возвращалась — вершилось великое чудо,
 А перед глазами у матери
 небо-шанрак
 Кружилось,
 упав со спины золотого верблюда.

О мир, ты — ребёнок. И в то роковое мгновенье,
 Когда для спасения лишних не будет минут,
 К руке твоей холодной поэты губами прильнут
 И выпьют весь яд,
 и исполнят своё назначенье.

СТЕПЬ

Степь — пространство без предела.
 Здесь, среди полыни белой,
 От движенья устаёт
 Даже Время...

Знает каждый:
Время спешится однажды,
В юрту круглую войдёт.

Словно месяц, блещет стремя.
Разве нам послушно Время?
Юрт нёмало — долг путь.
Пусть гостит — чабан не дремлет:
Пусть, пройдя степные земли,
Время отдохнёт чуть-чуть...

ПРИРОДА

Ах, сад какой, цветы какие,
как на девичьем платье предстаёт.
На языке гармонии, на языке стихии
природа говорит, когда в ней соловей поёт.

Ты хочешь, милая, чтоб я сорвал цветы
и соловья украл для клетки?
Я для тебя и дотянулся б до звезды,
поймал бы птицу пресловутую, но этих...

Пойми, что лета не так уж долги дни
и скоро сникнет всё. А чем себя утешить нам?
Давай пока послушаем и полюбуемся на них,
мы не нежнее, чем цветы,
чем соловьи — не певчей!

ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Сидел солдат, письмо читая, —
из края отчего привет.
Полыни веточка сухая
была заложена в конверт.

Прочёл он: «Веточка полыни —
мой материнский талисман...».

И степь легла перед глазами,
И детство вспомнилось, и друг,
и дух полыни по казарме
густой волной растёкся вдруг.

Солдату с присланной полынью
заснуть не удалось в ту ночь.
И гордость, победив гордыню,
к нему явилась, чтоб помочь...

БАЙБОТА КОШЫМ-НОГАЙ

Я ПОДОБЕН ЖУКУ-СКАРАБЕЮ...

Ты, Земля, как мать, меня хранила,
Ты меня вспоила и вскормила,
Поделилась силою своей.
Я шагнул — и солнце покачнулась,
И Земля-кормилица проснулась
От великой тяжести моей.

Я хочу, чтоб ей дышалось легче —
Часть её забот к себе на плечи
Я взвалил. Как ноша нелегка!..
Станный груз почуял на себе я, —
Я теперь похож на скарабея,
Древнего священного жука.

Даже фараон, наместник бога,
Скарабею уступал дорогу,
Тяжкому труду его дивясь...
Я ищу людей, ему подобных, —
Молодых, упорных, сильных, добрых,
Кровную ищу я с ними связь.

Я готов трудиться рядом с ними,
Названными братьями моими,
Много нас, и имя нам — творцы,
Потому работа не тяжка мне,
Из песка, из дерева, из камня
На земле я возведу дворцы.

И сады я выращу в пустыне,
Да не будут дни мои пустыми,

А пройдут в работе и в борьбе,
 Дух мой не угаснет, не утихнет,
 Но в конце, чего бы ни достиг я —
 Всё, Земля, я посвящу тебе.

Ты мне вдохновение дарила,
 Поднимала и вливала силы —
 Я сторицей всё тебе верну...
 А когда устану, успокоюсь,
 Я в тебя уйду, тобой прикроюсь
 И в твоих объятиях усну.

ДУМЫ В ОТРАРЕ

Сухой травой заросшие валы...
 Развалины...
 Былых арыков вены...
 Века прошли здесь грузно,
 Как волны,
 Сровняв с землей разрушенные стены.

Мне эта память древняя близка —
 Земля пылала, ветер дул с востока,
 Здесь побывал свирепый Чингисхан...
 О мой Отрар, сожжён ты и растоптан.

Но поднимался раненый кипчак,
 Вставала сила из золы и пепла,
 В жестоких схватках дух его крепчал,
 И родина его любовью крепла.

О, сколько раз народ мой воскресал,
 Поистине твой дух неисчерпаем!
 Но возвращался злобный Чингисхан,
 Засеивая степи черепами...

Мой предок падал замертво с коня...
 Земля отцов,

Пропитанная кровью,
Задумчиво глядишь ты на меня
С невыразимой грустью и любовью.

О мой Отрар, твой долгий век жесток.
Мы выжили...
Ни облачка над нами...
Я осторожно трогаю песок —
Он раскалён,
Под ним таится пламя.

ОХОТА С БЕРКУТОМ

Вот он мчится в козлиной шкуре
По заснеженной вольной степи,
И в оврагах косматые бури,
Просыпаясь, рвутся с цепи...
Он их брат — та же страсть и ярость
Не даёт душе задремать,
Вслед за ним ковыляет старость,
Но не может его догнать.

Как стрела, его конь несётся,
Лишь мелькают холмы и рвы,
И пылает дикое солнце
В охмелённой его крови.
Он степного древнего рода,
Искры брызжут из-под копыт...
Мчится всадник белобородый,

Ветер свищет, земля дрожит...
Разбегаются волчьи тени
От горячих его погонь...
Что такое! — в багровой пене
Спотыкается верный конь.
Перед тихим огнём заката
На исходе долгого дня,
О судьба, не кради у казаха

Его беркута и коня.
Если ты захочешь отнять их —
Одолеет казаха тоска
И ненужною жизнью заплатит
За потерю свою аксакал.

Полюбил он простор и свободу —
По широкой степи налегке
Мчится всадник белобородый
С верным беркутом на руке.
И топырит крылья косые Беркут.
Он высоко взлетал —
В бурых тучах дожди грозовые
Пил и молнии он глотал.

Волк матёрый из логова выйдет,
Хмурым глазом степь обведёт,
Но лишь тень этих крыльев завидит
И трусливо хвост подожмёт...

По душе степняку охота
И азартный, отчаянный гон,
Но, быть может, в глазах кого-то
Браконьером выглядит он.
Что же делать? Вроде не нищий,
Не от голода в степь идёт...
Ну а беркут — пусть он и хищник,
Степь сама ведь его зовёт.
Кровь зовёт — никуда не деться,
Не вчера этот зов возник.
А старик?
Он — степняк, он с детства
Разумеет птичий язык.

Жизнь в неволе птицу угробит,
Даже если еда жирна.
Ей по нраву кровь на сугробе —
Горяча, тяжела, дымна...

Но закон у природы крепкий:
Всё разумно, всё в меру в ней.
И манит, призывает степь их —
Двух исконных своих сыновей.

Их глаза наполнены светом,
Не угас в них огонь, не зачах,
Ибо степь, укрытая снегом,
Отражается в тех зрачках.
Не тревожься, уйди, успокоясь, —
Нет в их душах и тени зла.
Они — дети земли.
Их совесть —
Словно степь, чиста и светла.

НУРТАС ИСАБАЕВ

УТРО

Освещает вселенную розовым светом
Купол неба, свободный от туч и от звёзд.
Утро новое всходит, как символ победы
Вечной жизни над прахом разрушенных грёз.
Так весна молодая права обретает,
Праздник свой покидает зима второпях.
А в упрямых доселе снегах проступают
Дыры тёмных проталин, и шумно в степях.
Так врываются в жизнь мою буйная юность
И весна с пробуждением грядущих цветов.
Как живые, навстречу берёзки качнулись
Белым росчерком тонких упругих стволов.
Хору птичьему, белая роща, откликнись!
Голос юности в ливнях весенних окреп.
Песнь капли и первых взмывающих листьев
Принимай, словно весть долгожданную, степь!

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

Не в силах забыть я цветущей природы
И снова прекрасное лето зову,
Зелёного леса живую свободу
И марево, падающее в траву,
Кузнечиков стрёкот и голос весёлый,
Беспечный, как юной красавицы смех,
Речушки, играющей длинной косою...
Растает здесь города шум, словно снег.
О, вновь околдуй меня, дивная пери,
Пусть дрожь иль волнение по жилам пройдёт.

И губ моих жаркое прикосновенье
 Морозом нёмыслимым обожжёт!
 На лоно природы зовёт меня эхо,
 Но власти зимы до поры не стряхнуть...
 Короче становится жизнь человека
 Седую зимою,
 А летом до века
 Под песнями птиц удлинняется путь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Почтовый ящик вновь принёс мне весть...
 Я письма берегу твои ревниво,
 Пылинке не позволю даже сесть —
 Наверно, так хранят кольцо любимой.

И в каждой строчке — облик незабвенный.
 Любимая, я вновь перечитал
 Твои тревоги, мысли, откровенья,
 Как будто белый дождь их нашептал.

Я полон дум, мой взор омыт слезами,
 Печалью сердце вновь оплетено,
 Твоё лицо стоит перед глазами,
 И лунным светом залито оно.

Сверкнёт звездой письма любое слово —
 И в небе памяти моей светло, —
 Чтоб в сновиденьях повторяться снова.
 Навек осталось в ящике почтовом
 Любви невозвратимое тепло.

* * *

Распахнута всегда моя душа!
 Отзывчивость для дружбы хороша.
 Встречаю утром солнце, как невесту,
 Свои подарки ей вручить спеша.

Избытком чувств, как первым снегом горд.
Как тёплая опара, через борт
Вздымаюсь я, чтоб с миром поделиться
Лепёшками волнений и забот.
Я переполнен — добротой своей
Одариваю близких и друзей.
Сшиваю жизнь, как мама — одеяло
Из пёстрых лоскутков прошедших дней.

ГАБИДЕН КУЛАХМЕТОВ

МОЙ ОТЕЦ И БЕЛЫЙ КОНЬ

Дни похожи мои один на другой,
Эта давняя мысль жжёт сильнее огня,
Ждал, что я помогу мой отец дорогой,
Ждал, что белого я отыщу коня.

Он ушёл, покрыт святой сединой,
Коня белого я так и не нашёл,
Не завёлся в хозяйстве скакун золотой,
В нашем доме он не нашёлся ещё.

Много было мечтаний средь прошедших дней,
Мы — одиннадцать, росли, словно лес,
Мы — одиннадцать сынов и дочерей.
«Есть ли белый конь?» — спросил наш отец.

Головами качаем, говорим: «Нет коня,
Что такое ваш белый конь, аксакал?»
Незадолго до последнего дня
О заветной мечте он впервые сказал.

Средь потомков великого Жалмамбета
Выделялся отец добротой беззаветной,
Просьб о помощи не оставлял без ответа,
Безобидный, сильный, упорный, светлый...

Слова лишнего родичам не сказал,
Руку помощи друзьям подавал,
Перед тем как навеки закрыть глаза,
«Есть ли белый конь?..» — слова прошептал.

Знатоки и любители лошадей,
 Как и прочий народ, не поймут, о чём он?
 Слышу голос коня я средь этих дней,
 Подаёт свой голос смерть — чемпион...

Победитель всех жизней, состязаний всех,
 Проносящаяся мимо нас судьба,
 Это — белый конь, это подлый век,
 Это жизни и смерти байга и гоньба.

Это скачет в будущее белый конь,
 Это — после смерти печаль и забвение,
 Разгадал я загадку, и моя ладонь
 Его чувствует руку в тот час, в то мгновение...

Обгоняет прошлое белый конь,
 И отец мой в седле говорит нам: «Прощайте!»
 Эхо жизни в стену бьёт, как огонь,
 Старики ушли, твердя: «Не забывайте!»

Он на белом коне несётся вперёд,
 Он участвует в вечном том состязании,
 И отца вспоминает наш мудрый народ,
 И рассказывает о нём сказания.

Я не помню плохого все эти года,
 Понимаю вкус жизни и горький, и сладкий.
 Жизнь не подчиняется нам иногда,
 Чуть задумаешься перед этой загадкой.

ОДИНОКАЯ КОЛЫБЕЛЬ

Посреди степи замерла одинокая колыбель,
 Я дошёл до неё, прошёл много земель...
 В прошлом мае я пеленал тебя,
 Когда травы цветную затевали метель.

Тот, кто спит в колыбели, владыка Земли,
 Колыбели коснуться мы рукой не могли,
 Жеребята не ржут, травы тихо растут,
 Гудков не подают в морях корабли...

Вот прислушалась к спящему тишина,
 Колыбель увлекла морская волна,
 Люди, видите в море одинокую колыбель?
 Люди, что это? Что за такая война...

Горы в страхе надели плотные шубы,
 Облака затыкают им дрожащие губы,
 Плывёт в море травы одинокая колыбель,
 Не кричат о ней сирены и трубы.

Я стою на коленях перед степью моей,
 Прогоняют меня крики разных людей,
 Зацепиться за землю колыбель попыталась,
 Прорастая в степь до самых корней.

Воет ветер, и кажется, что он поёт,
 И рыданий его никто не прервёт,
 Обращался к огню, но огонь не спас,
 Колыбель пуста, в ней никто не живёт.

Жеребёнок мой не проснулся, нет.
 Счастье мне задолжал этот белый свет.
 Много жалоб не высказано мной судьбе,
 Колыбель он покинул в тот скорбный рассвет.

Возврати мне сердце моё, сынок!
 Я сказать тебе всех своих слов не смог,
 Может быть, подождёшь, не уйдёшь никуда,
 Видишь, вот я, бегу к тебе и не чувствую ног!..

Отделились дни от скорбных ночей,
 Вновь приду я, несчастный, к колыбели твоей,

Возврати мне сердце моё, сынок,
Возврати мне сердце живого живей!

ДОРОГА, УТОЛИВШАЯ ЖАЖДУ И ТОСКУ

Лунный свет окутал степь.
Заблудился я в пути,
Путём прежним не успеть,
Прежний путь мне не найти,
 А на сердце лишь тоска,
Так рождается строка,
Так тоскует по перу
Твоя точная рука...
 К близким родичам дорогу
Песня выведет, ей-богу,
Кто-то песню не поймёт,
Станет для других подмогой.
 Звёзды — на холмах огни,
Среди них луна-бродяга,
Мы с луной вдвоём — одни,
Лист луны — чем не бумага...
 Для художника картина
Подходящая вполне,
Одиночество отныне
Станет ближе и ко мне.
 Одиночество, как яд,
Отравляют сердце, грудь.
Где-то в городе друзья,
Ты о них не позабудь.
 Средь друзей — твой лучший друг,
Ждал его, ждал и привык
К одиночеству, злой круг
Так замкнулся, горек миг.
 Самый близкий друг, где ж ты?
Жизнь сурова и трудна,
Мы доходим до черты,
Рана горечи черна.
 Свет, открывший мне глаза,

Осенью стал серой тенью,
Этот мир понять нельзя
Даже в светлые мгновенья.
 Чёрная вода в озёрах,
Чёрный холод жжёт в пути,
Путь мой завершится скоро,
Недалече уж идти.
 Друга дальний тёплый свет,
Вон, в степи зажжёт флажки,
Я его застану? Нет?
Много красок у тоски.
 На исписанных листочках
Много тайн вписал в ту ночь.
Звёзды, словно многоточья,
Растворились под луной.
 Много ли от строчек толка,
Кроме боли в голове?
И дорога у просёлка
Еле видится в траве...

АДИЛГАЗЫ КАЙЫРБЕКОВ

ЗА ГОЛУБЫМИ МИРАЖАМИ МИРАЖИ...

За голубыми миражами миражи,
Озёра ясные мятущейся души.
Ах, превзойти бы этот горизонт,
Ах, окунуться бы в прозрачность этих вод!

Моря мелеют, волны в лёд одевают,
И горы оседают, поседевают.
В пески уходит бурная река,
Ах, в этой жизни я устал слегка.

Не ценится поэзии строка,
Вложил я сердце в музыку, в слова.
Стихи — дорог небесных вежа,
Но истинный поэт рождён не для успеха.

И благ не достигают стихотворцы,
Хотя и есть ещё поэты-царедворцы.
Хитры, продажны и умны,
Но их стихи, как и сердца, пусты.

И даже друг мне стал врагом,
Предал поэзию за пухлый том.
Меняется всё в этом мире быстротечном,
И лишь в стихах — мечты о вечном.

...За голубыми миражами миражи,
Озёра ясные мятущейся души.
Ах, превзойти бы этот горизонт,
Ах, окунуться бы в прозрачность этих вод!

* * *

Горят два сердца, две звезды,
В безвременье и я, и ты.
Связует нас лишь Млечный Путь,
О дорогая, не забудь!

Горят два сердца, две свечи,
О, руку дай — с тобой в ночи
Останусь я — ведь всем известно —
Влюблённым пленником у сердца!

* * *

Ты пишешь, что приехала в аул,
что в нём теперь нёмало изменений.
Ещё — о лучшее из откровений! —
что я покой твой девичий спугнул.

Минуты замерли средь суеты —
так время беглое остановилось.
Тоска же, сердце прострелив навывлет,
кричит в письме:
«Когда вернёшься ты?»

Открыта —
не жеманишься по-женски...
Но в муке первородного огня
Твои страданья дарят мне блаженство —
Твои страдания из-за меня...

БОЛАТ УСЕНБАЕВ

ПЕРСТЕНЬ

Ты всю мою боль прочитаешь в глазах,
Открытый, как степь, я витал в облаках.
Я страстно желал, но испытывал страх.
Как нежно любил я! Но только в мечтах.

Я сердцем беды не сумел распознать —
Колечко в любви может точкою стать.
Был сильным соперник и умным под стать,
Он перстень принёс, чтобы робость унять.

Я верю, что встретится девушка та,
Что примет мой перстень и скажет мне «да».
И только боюсь, что со мной навсегда
Умчится другого джигита мечта.

АУЛ. НОЧЬ

Пахнет гарью от тлеющего кизяка,
Слышно — овцы, коровы жуют в тишине.
Вон женге¹ суетится вокруг очага,
В доме — шум, разговоры о прожитом дне.

Ну а небо — всё в звёздах,
И их здесь не счесть!
Мерно дышит луна, ночь темна и густа.
Хорошо мне, не слезу я с неба, ведь здесь
Зацепилась, похоже, за что-то мечта.

¹ Женге — сноха, жена старшего брата.

* * *

Млечный Путь... Не твой платок ли в небе надо мною?
Вся душа моя в печали — где найти покой?
Лик луны сто раз менялся — то взойдёт луною,
То холодной твоею золотой серьгой.

Мягким шагом мне навстречу не выходишь — где ж ты?
Мы давно уж позабыли сладость снов ночных.
Сразу вдруг луна оделась в мрачные одежды,
Больше звёзды не мерцают — я не вижу их.

Ночи тёплое дыханье холодом казалось,
А луна всё ускользала в дымку к облакам.
Нет тебя, моей голубки, — в небе затерялась.
Вдруг, смотрю, — луна качнулась...
Нет, качаюсь сам.

СВЕТЛЫЙ ЛУЧ, СИЯНЬЕ СВЕТА

Светлый луч, сиянье света — вы опора мне,
Не представлю мир без солнца — пропаду во тьме.
Не жалей для сердца света, обретёшь вдвойне,
Свет — опора в этой жизни, в этой кутерьме.

Светлый луч, сиянье света — светит и свеча,
Мягкий свет свой излучает, тоже горяча.
И подпитывает душу, от тоски леча,
Ничего взамен не просит, доброму уча.

Светлый луч, сиянье света — широта души,
Широко, заря, разлейся, мир обнять спеши.
Милосердием окутай в утренней тиши,
Как замедлить дней мельканье, тихо подсажи.

Светлый луч, сиянье света — как дыханье, пульс.
Серебристый купол неба освещает пусть.
А приверженец загара вызывает грусть,
Как цветок в жару, увянет, выбрав этот путь.

Светлый луч, сиянье света — душу мне спасёт,
Я сияю, если солнце свет в меня вольёт.
А попасть в тупик случится — выходы найдёт,
Тёмных мыслей мрак рассеет, если что взбредёт.

Светлый луч, сиянье света — святы для меня,
Светлый мир люблю, по жизни светлое ценя.
Как росток, тянусь я к солнцу на восходе дня —
Будь всегда мне, свет, опорой, от невзгод храня!

ЕСЕНГАЛИ РАУШАНОВ

КАМНИ МАНГИСТАУ

Есть вершина в дали голубой,
Путь далёк к ней и труден земной —
Лишь поэту ночью порой
Часто грезилась в дымке она...

Это город степных мастеров —
Жёлтых глыб, голубых куполов,
Здесь кладбище порушенных стел,
Хаотичных битов¹ квартал,
Ветер времени здесь пролетел
И страницы эпох пролистал.
Это — книга земли Мангистау.

Летописец её, видно, многое знал,
Что рассказом решился поделиться,
Он великую книгу степи здесь зачал:
Вдохновленный гордыней обветренных скал,
Он дерзал, он искал — золотые страницы
Из песчаных пород, как ножом, вырезал.

И подручные Мастера — прадеды наши,
Поплевав на нечистую, взялись помочь
И, слова заговорные — всё-таки страшно! —
Бормоча, коротали короткую ночь.
«Где низ — там верх, где верх — там низ...
Дитя оставит свой каприз и озорство забудет —
Джигитом будет!
Не бойся трудностей — трудись,

¹ Бит — некрополь.

Смотри. назад не оглянись!
И всё тебе пребудет!»

Премудрость эту бормоча,
Врубаясь в глину скал,
Прикинув трижды, вырезал...
Так прадед, верно, формовал
Подобье кирпича.

Примерит взглядом — так и сяк —
И вновь шлифует известняк,
Но архитектор смел —
Кладёт цепочкою и в ряд,
Чтоб камень радовал наш взгляд, —
Он гравировал мел.
Где юрты редкие ютились,
Вдруг стены града появились...
Так, непокорные пустыне,
Они стоят незыблемо поныне.
Как вековой укор — урок ваш терпеливый,
О прадеды мои, гляжу на Мангистау!..
Откуда и куда, как реки, протекли вы,
Оставив этот город среди скал?

Слепая простота!
Как просто мы судили,
Как просто вас рядили
В средневековый хлам.
Мы золото в песке не различили,
Мы серебро чужое золотили,
Чужим доверясь письменам!

По-прежнему среди песчаных скал
Жёлтеют камни. Камни Мангистау.
Кто книгу эту прочитал? Воспеты кем
Кумбезов синих красота
И крепость древних стен?..

КЛЯТВА АЛДАШ-БАТЫРА

Потрясённый гибелью Махамбета, Алдаш-батыр призвал народ Хорезма отомстить за смерть поэта. Старейшина рода Алимбай проявил радушие и оказал почести батыру — только бы отвадить опасного гостя. Покидая аул, Алдаш-батыр — по словам стариков — сказал следующее:

— Эй, Карашагыр, —
 Бесплодная земля!
 Кровью нашей обагрилась ты!
 Пристанищем вы были для меня —
 Колодцы Ногайты и Ебейты.

С какою верой я спешил сюда!
 Ты гостя не обидел —
 Ты батыра предал.
 Обмана оглушает пустота.
 Я здесь впервые горечи отведал.

С тех пор как восемнадцать лет назад
 Я оседлал горячего коня, —
 А ну-ка, вспомни, — подыми глаза! —
 Когда ты видел побеждённого — меня?!

Не за седло богатое я бился —
 О, этим не сломить врага!
 Любого зверя гордой ловчей птицей
 Я с гор высоких вашей верой настигал.

Теперь я знаю: жизни караван
 Падёт, не одолев последней кручи!
 Чем родичей предательский обман,
 Мне честный враг, выходит, лучше?!

Какое сборище рабов безродных!
 Не провожай меня, презреннейший аул

Красавиц лживых и бесплодных,
Собак трусливых караул!

Джигиты где твои? Твои сарбазы,
Что клич батыра подхватить смогли б?
Или для вас здесь окрик бабы
Священной погранных могил?

Где мужество твоё? Где твоя гордость,
О безмятежный мой народ?
Где совести твоей правдивый голос?
Поэт — убит! Тебе на горе
Бездушие безголосое грядёт!

«Погас светильник — мгла настанет!» —
Злорадно вьюга пляшет и поёт.
Там Махамбет лежит — смертельно ранен...
Ихлас — предатель — твой придёт черёд!

Вчера лишь ты назвался другом,
Поэт доверчив, как дитя.
Его честнейшей кровью руки
Обагрены твои — и я найду тебя!
Клянусь, Ихлас, найти тебя!

ДЕВУШКЕ-ДОМБРИСТКЕ

Какое озеро мой поглотило сон?
Утрату эту ты найди, попробуй!
Расслышать как тебе сквозь сладкий стон
И шёпот струн домбры мой голос робкий?

А там, где ты вдруг появилась, берег
Возник и замер в песенном кругу...
Ах, эти пальчики, постойте — я поверил
Не в ворожбу, но в скрытую тоску!

Вчера лишь был уверенным и гордым...
Из песен ты — зачем? — вдруг родилась!

О, мне бы петь домбры высоким горлом,
Твоими пальцами обласканным не раз!

Устали мы батырам громогласным,
Акынам нёмощным внимать,
Как голос молодой прекрасен,
Какая лебединая в нём стать!

Всё выше, выше песня нас вздымает...
А пальцы так проворны и быстры!
Ловлю тебя за локоток, пугаясь —
Не улетела б с песней на крылах домбры.

АУЭЗХАН КОДАР

В ПАРИЖЕ

1

Ах, Париж, ты не юн, ты уже перезрел, переспел!
Всё равно ты — Парис, ты вон так же, как он, белотел!

Твоих улиц, Париж, невозможно роенье унять!
О, твой символ не крест, а Парижа Священная мать!

И пусть всюду — огни, вылезает везде пляц Пигаль,
Ты из тех, кто избрал своим вектором высь или даль.

Только Сена одна выдаёт твоё множество лет,
Только Лувр один охраняет искусств всех секрет!

Твоих улиц меня поражают уют и покой,
О Париж, ты паришь с башней Эйфеля над суетой!

Эта башня твоя — из грядущего пылкий искус,
А грядущего нет, только кладбище всяких искусств.

Ты все сны пережил, все искусства познал ты на вкус
И теперь мирно спишь, подкрутив по-флоберовски ус.

Мы повсюду парижи, избыток истории, но
Наше сердце забьётся, забравшись однажды на дно.

Убежав от избытка артефактов, машин и банкнот, —
Наше сердце забьётся и снова работать начнёт.

Снова выдохнет: «Господи! Что за удивительный мир!
Выпьем, что ли, абсента и в Лувр пойдём, мон ами!»

2

Ах, Париж, ты не юн и не бел, ты — цветной!
Я меняюсь в тебе, ты меняешься тоже со мной!

Здесь не встретишь француза, хоть негров, арабов полно,
Ты для них и кино, но ты больше для них — казино.

Казино, где удача женской ножкою машет со сцен,
Где нет наций-изгоев, неважен цвет кожи, акцент.

Где пусть в разных обличьях, но всюду французская речь,
Где как Сена течет всё, чему тут положено течь.

И смешав в том течении Запад, Север, и Юг, и Восток,
Ты, Париж, как вино, современности терпкий глоток.

Ты теперь и не ты, ты и цех, и мольберт, и станок,
Всяк причастен к тебе, кто тиски твои выдержать смог.

Привлекая к себе своим милым «Бонжур, мон ами!»,
Превращаешь в Европу расплзшийся в множество мир.

О Европа, ты — путь, в человечество дивное путь,
Если можно ещё в человечность всех нас вернуть.

Если мы не проехали этот полный волнения час,
Как в пылу опьянения не важен становится шанс.

Я приехал в Париж тоже поздно, наверно, ну что ж,
Я приеду опять, ты меня уж с пути не свернёшь.

Пусть кому-то Париж не годится в друзья иль в вожди,
Я за всех не в ответе, за себя отвечаю я. Жди.

ДВУЯЗЫЧИЕ

Зачем мне этот жуткий дар судьбы —
Жить в двух мирах, качаясь как на грани,
Над пропастью, где нет людей во ржи,
А только холод отчужденья странный.

Я двуязычен, словно двуголов,
Одною — на Восток, другой смотрю на Запад.
Я на казахском грустен и суров,
На русском я — загадочно внезапен.

Пусть ныне мир, как будто в землю, врос
В разрезы глаз, в бинарность отомщенья.
Я, маргинал, всё ставлю под вопрос:
И нацию, и честь происхождения.

Меня не держит лишь родной язык,
Когда не вижу отклика в родне я,
Перехожу на русский, пусть на миг,
Но станет он мне ближе и роднее.

Но миг пройдёт, и я опять вернусь
Со всем богатством пряных сил Другого,
В родной язык, где я снова тщусь
В нём заложить открытости основы.

Мир, что един для зренья, в языке
Уходит в глубь нюансов и различий.
Я — эхо слов, что были вдалеке,
А вот теперь сошлись в моём обличьи.

В них нет вражды, звуча в моей груди,
Они моими стали словесами.
А я как мост над пропастью во ржи,
Что свёл две бездны, бодрствуя, в память.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

По преданию, Бату, основатель Золотой Орды, стал ханом после того, как его дед, Чингисхан, поставил в его честь белую юрту с золотым порогом.

Золотая Орда, как ты стала, скажи, золотой?
Твои воины пали и величье развеяно в прах,
Теперь нет ничего, что когда-то кипело ордой,
Только церкви стоят, как тогда, о семи куполах.

И мечети стоят, и всё также кричит муэдзин,
Где же наши жирау — Кетбуга иль ногай Казтуган?
Почему же из них не поёт свою песнь ни один,
Тараторит лишь рэп вместо джира в джинсах мальчуган.

Да и я свои вирши, признаться, на русском пишу,
Хоть бы мог на казахском, когда б уши имелись для них.
В наше время родное как будто лишь варварства шум,
Отрицаем своё, чтобы лечь под богатых чужих.

Даже Тенгри зазорно казахам теперь почитать,
Того Тенгри, пред коим стоял на коленях Чингис.
Вечно синее небо — обитель, но не пустота,
Храм и бог в синеве в мирозданье едином слились.

Купола храмов всех рукотворны, но этот иной,
Он и сам и творенье, и в твореньи оживший творец,
Он и книга — битиг, он и путь наш небесно-земной,
Бытие как биенье согласных с наитьем сердец.

Что с того, если даже исчезли шаманы-баксы,
Почитай аруахов, скоро будешь и сам аруах.
Вечно синее небо, а солнце как будто часы,
Инструмент для людей, отрицающий начисто мрак.

Золотая Орда, я такой же, как ты, золотой,
Я — казах, называвшийся прежде кипчак и монгол.

Потом звался ногаем, в Сарае был славным мурзой,
Внук Чингиса, Бату, посадил бы меня на престол.

Но я б встретился прежде с великим каганом самим,
И на миг показался бы мир как с горошинку мне.
Мне б поставили юрту и был бы порог золотым,
Все бы поняли знак и подняли б меня на кошме...

Ничего не ушло. Степь — дворец из сокрывшихся плит,
Там такая казна, о которой никто и не слышал.
Вечно Синее Небо всё так же над нами стоит,
Выше всяких церквей и мечетей столпившихся выше.

СТАНИСЛАВ ЛИ

* * *

Кленовые листья...
Багровые, жёлтые, алые,
Плывут по осенней реке,
Плывут и прощаются
С ветками голыми,
С полоской родимой земли.
Плывут молчаливо,
И в этом молчании
Мне слышится просьба,
Чтоб память о них
Берегли...

* * *

На февральском ветру
Старой липы
Трепещет
Сухая листва.
С запредельного неба
Невесомые кружат снежинки,
Словно пух тополиный
Далёкого лета...

* * *

Живу, уединившись,
Ни с кем встречаться не хочу.
Гляжу в окно,
А там весна уходит.
В листве зелёной и густой,
Смотрю, как бабочка мне пишет
Зигзагами
Прощальное письмо...

* * *

Над тихой, сонной речкой
 Склонили ивы ветки.
 Река текла и без меня,
 И после будет течь.
 На гладь воды
 Небесный рыболов
 Закинул удочку и ждёт.
 И в долгом ожидании
 Луна заснула
 Поплавком...

* * *

День ото дня
 Разогревается земля.
 Всё звонче перекличка
 Птичьих голосов.
 Всё гуще листва
 И нарядней деревья.
 На кладбище в день похорон
 Собрал я старые вещи отца
 И поджёт...
 Так требует обычай!
 Смотрю неотрывно,
 Как сизого дыма ручей
 С небесным сливается сводом.

* * *

Думы о маме
 Согревают мне душу...
 Вон, издалека,
 Радостно машет рукою,
 Из этого мира
 В другой переходя...

* * *

Смелей, малыш, бери!
 На столе,
 Накрытом родными,

Твоя судьба.
Деньги возьмёшь,
Будешь богатым.
Книгу возьмёшь,
Станешь учёным.
Так издревле говорят!
Но счастья нет на столе.
Нет ничего...
Сам добудешь.

* * *

Белое облачко
Зацепилось за ветви
Одинокого дерева,
Не спешит улетать.
Нравится ей,
Что люблюсь я им...

* * *

На бахче,
Под склоном горы,
Созревшие арбузы,
Как головы воинов,
Павших в бою.
По кромке поля,
Подсолнухи смиренно
Склонили шляпки,
Но не им, а закату
И старому кладбищу
На ближнем холме...

* * *

В ущелье,
Где многократно
Эхо
Откликалось
На голос,
Я вернулся...
Позвать своё детство.

БАЯН БЕКЕТОВА

АУЛ. МАМА. ОСЕНЬ

Над аулом осень. Вечер. Грустно, мама.
Вздых о детях, о любимых вечен, мама.
Вы, наверное, идёте одиноко,
Веренице журавлей навстречу, мама...

Очень давний сон... Я в нём видала, мама,
Как, запутавшись, себя искала, мама.
Жёлтым шёлковым платком покрытый тополь,
Он похож на вас, понику устало, мама.

Вы смотрите на дорогу, моя мама.
Грех осенний не судите строго, мама!
Осень, осень... Сколько сделано ошибок,
Так простите же мои проступки, мама.

«Осень, жёлтая, кружит, — сказала мама, —
Разделила осень жизнь, — сказала мама, —
Будто ножик, по живому полоснула...»
И печаль слезой дрожит, мне больно, мама...

«Если крепко льдинку сжать, — послушай, мама, —
Лёд растает и опять мы рядом, мама!»
И полна моя надежда ярким светом,
Не устанет он сиять, он сильный, мама!

Осень. Вечер. В тишине сказала мама:
«Дочь за мужем — счастье мне!» — сказала мама.
Там белым-белы пески вокруг Боралдая,
Там следы мои ещё видны ли, мама?

Над аулом осень. Вечер. Грустно, мама.
Вздых о детях, о любимых вечен, мама.
Вы, наверное, бредёте одиноко
Веренице журавлей навстречу, мама.
Сон увидев, я себя искала, мама.
Так простите же мой грех осенний, мама...

НЕ ЛЮБИТЬ И ЛЮБИТЬ ТЕБЯ

Не любить тебя — по углям ступать.
Не любить тебя — судиться с собой.
Не любить тебя — ладонью хватать,
Останавливать дождь, идущий стеной.

Не любить тебя — от мечты отстать.
Душу ржа изъест — тебя не любить.
Не любить тебя — свою жизнь предать.
Не любить тебя — только слёзы лить.

Не любить тебя — мраком свет объять
И не видеть зорь, нежных зорь не знать.
Не любить тебя — чёрным камнем стать,
Душу с жизнью дать, а потом отнять.

А любить тебя — так пылать огнём,
Что и зло сгорит от любви шальной.
А любить тебя — превратиться в гром:
Это сердца стук, это трепет мой!

А любить тебя — стать младенцем вновь,
И очиститься, как в реке вода,
И напевом стать, и тогда любовь
Зачарует всех песней навсегда.

А любить тебя — слог и мысль сплетать
В муках родовых, ночи напролёт.

А любить тебя — всю себя сжигать,
Даже лучший кюй сердце так не жжёт!

А любить тебя — петь, и в песне той,
И в печали той чистой стать до дна.
И наполниться горней высотой.
Той, где истинна лишь Любовь одна!

БЕЛАЯ СНЕЖИНКА

Снежинкой белой над землёй кружусь, витаю...
Из тьмы кромешной в свет перелетаю...
То милостыней в руки нищих оседаю,
То лоб горячечный страдальца остужаю.
А повелишь — в огне твоём растаю.

Я сон, пришедший в мареве покоя.
Я сон, навеванный слепой пургою.
Как губы холодны. Как стынет сердце.
Сама зима, я стала ледяною.

То на ресницах инеем застыну.
То душу трону льдинкою невинной.
С лучом рассветным с неба я спущусь —
Морозным вечером в лучах заката сгину.

Я песнею печальной проливаюсь.
Я зёрнышком весною пробиваюсь.
И, в светлых думах утопив печаль,
Горячими слезами умываюсь.

А к снегу белому грязь чёрная не липнет!
А с цветом чёрным белый цвет вовек не слитны!
И ты поймёшь, что нет в зиме тоски,
Когда душа твоя к её снегам приникнет.

Зима... И красный снег... Железная дорога.
Анна Каренина. Отчаянье итога...
Откуда мой не проходящий сон?
Какого декабря эта тревога?

Снежинкой белой над землёй кружусь, витаю...
Престолом чистоты вершины гор сверкают.
Как далеки. Как высоки. Как неприступны —
В объятьях неба, что снега рождает.
Снежинка белая... витает... тает... тает...

КАЗЫБЕК ИСА

ОДИНОКИЙ ДОМИК В БЕСКРАЙНЕЙ ПУСТЫНЕ

Одинокий домик в бескрайней пустыне
Порождает печаль во мне, словно в сыне.
Так и мне одиноким прожить бы, мечтаю,
Весь мир суеты для него лишь отринув.
Он весь как загадки нѣмая пучина,
В тот дом одинокий влюблѣн я поныне.

Одинокое деревце плачет с натуги,
Сыпятся листья под ветром упруго...
Окутана маревом синим округа,
И издали домик видится с юга,
Смуглый мальчик стоит, смотря на дорогу,
Я смотрю на него с сочувствием друга,
А меня кто поймѣт, кто окажет услугу?
Может, мальчик, собравшийся в путь без испуга?

Смуглый мальчик в степи... Осень... Чѣрная юрта,
Завывает буран сиротливо и круто.
Мальчик видит могилы, словно листья опали
С дерева скорби степи, что одно тут, по сути.
Смуглый мальчик в степи... Осень... Чѣрная юрта.

Почему же он смотрит всегда на дорогу?
Иль вздыхает о высшем в мечтах своих строгах?
К одинокому дому зачем так стремлюсь я,
Желаю того, что доступно нѣмногим?
Надеюсь, что это не так уж убого?
Почему же он смотрит всегда на дорогу?

Иль, возможно, что это усталость от шума,
Только дом одинокий в моих стоит думках.
Словно в путь моё сердце меня вечно тянет,
Кто меня обвинит, коль исчезну я втуне.
Грустный дом обласкав, льётся с неба свет лунный.

Не пойму, почему мне в пустыне приятно?
Слёзы льются из глаз, почему — непонятно.
Я краснею с закатом в своих размышленьях
И с рассветом стою в светлых солнечных пятнах.
Не пойму, почему мне в пустыне приятно?

Невозможно забыть состоянье такое,
Тебя домик в степи призывает к покою.
На коне ты трусишь, и биение сердца
С конским ритмом в ладу встрепенётся струною.
Если кругом идёт голова от пространства,
Тишина порождает состоянье покоя.

Не могу быть я в клетке, укромен,
Неужель не найти мне приёма?
Я во сне всё в низину спускаюсь,
По пути к одинокому дому.

Не бездомен, жилья мне хватает,
Что же сердце трепещет, вздыхая?
Почему же никто не доставит
Меня в дом, что дороже мне рая?

Холодит моё сердце печали кручина,
Отчего так, я всё же есть рыцарь, мужчина?
Или осень меня так вогнала в трясину.
Только вижу следы, что спадают в низину,
К одинокому домику в гиблой пустыне.

Об этом была в моём сердце кручина.

СТИХИ О СЧАСТЬЕ

Счастье — это стихи о счастье,
Которые ты не смог написать.

Мукагали

Я мечтал порой даже в ненастье,
Строил башни из грёз, что тихи.
Я подумал, что, видимо, счастлив,
Сочиняя о счастье стихи.

Пусть томили бессонные ночи,
Порой нежность сквозила во тьме.
Моё сердце пусть счастья всё хочет,
Птица счастья не села ко мне.

Пусть и смех мой — из солнечных нот,
Солнце грусти как рай для беспечных.
Счастье — это не гора банкнот,
А то, что сердце наполняет песней.

Истый жемчуг не примет твой взгляд,
Что имеем, не ценим мы часто
Кто несчастны, так счастья хотят,
Ну а счастье — не думать о счастье.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АУЛ

Аульный ветер встретил поцелуем,
Я прослезился, вспомнив об ауле.
И, отстучав колёсами, встал поезд,
Доставив нас на станцию, как в улей.

А в Сырдарье вода хоть ядовита,
Река красой своею знаменита.
Прохладней гор лежат вон Кызылкумы,
Как будто там сокровища зарыты.

Я взволнован, я скучал, поверьте,
Рад приехать раньше своей смерти.
Я судьбою в солончак твой горький,
Меня мерь ты только этой меркой.

И без елей этот край так дивен,
Вон вихрь кружится в голубых извивах.
Арык струится прямо в моё сердце,
С водою мутно-светлой в переливах.

За овечьей отарой трусит вон собака,
Доверье хозяина льстит ей, однако.
На оградку вон козы залезть бы хотели,
Чтоб дед безумный матерно стал вякать...

Вон верблюды шагают с достоинством важно,
Их все объезжают, никто их не дразнит.
Так индийцам почтить на дороге корову —
Это долг их пред богом, едва ли не праздник.

Окунулся я в грусть с ощущением щемящим,
Сожалел о своём без любви настоящим.
Вон, вагоны считая, всё стоит тут мальчишка,
Это я для себя безнадёжно пропащий.

Пусть овец он пасёт, но мечтами в столице,
Эх, мой славный юнец, ведь столица — столица.
Оставив в ауле безгрешное детство,
Он в столицу, как все, за мечтой устремится.

Свой оставит аул, я ведь тоже оставил,
О да, каждый по-своему тянется к славе.
Мы думаем, город нас всем обеспечит,
А в песках и побольше, возможно, есть клады.

Наши землю здесь пахут по старым заветам,
И зной пронимает парней тут всё лето.

Обгоревший на солнце, впитавший свет солнца,
Родится тут, верю, король всех поэтов.

О Отчизна моя, с судьбой непростой,
Посоветуй, скажи, чего я достоин?
Утомлён, я пришёл, приголубь же меня ты,
Лишь тебе я скажу, что творится со мною...

КАДЫРБЕК КУНЫПИАУЛЫ

СИЛА МУЗЫКИ

Нургисе Тлендиеву

Он ушёл... За ним закрылась дверь...
Музыка одна грустит теперь...
Но воспрянет каждый звук весной,
В этих звуках Нургиса — живой!

В мире всё не вечно, всё течёт,
Улетают птицы каждый год...
Вы ведь тоже — в дальней стороне
И вернётесь с ними по весне?..

Что нас может радовать зимой?
А весной мир совсем другой!
Птицы нам несут на крыльях весть —
Нургиса вернулся, с нами, здесь!..

Быстротечна жизнь, как птиц полёт...
Жизнь промчалась, музыка — живёт!
Манят птиц родные небеса...
И опять вернётся Нургиса!

МОЯ ЖИЗНЬ — БОРЬБА

Жумагуль

Со всех сторон узнала ты меня.
Порой грустишь, судьбу свою кляня,
Ведь я бываю резок и несдержан...
Твоё терпенье твёрже, чем броня.

Что будет в нашей жизни — мрак или свет, —
 Я знаю, что за всё держу ответ.
 Как я могу мечты твои разрушить?
 Одно томит: поймёшь ты или нет?

Пекись я не о злате-серебре,
 Хочу я счастье подарить тебе.
 Но так сложилось — жизнь моя проходит
 В терзаниях душевных и в борьбе.

ЦВЕТА ОСЕНИ

Играет осень с цветом всё смелей,
 С берёз срывает ветер жёлтый лист.
 А в небе — вереницы журавлей,
 И день протяжен, холоден и чист.

Приходит ночь всё раньше с каждым днём,
 Короче стал, как видно, ночи путь.
 Бледней воспоминанья о былом,
 А в будущее нам не заглянуть.
 И степь в осеннем мареве грустней,
 И в бедном сердце не унять тоску.
 Не радует унылый вид людей,
 И мысль не воплощается в строку.

А осень мне махнёт рукой — и в путь...
 Ищу в смятеньи близких и родных.
 Не будь, судьба, жестокою, не будь,
 Не обрывай листву надежд моих...

ФОТОГРАФИЯ ОТЦА

Жизнь — корабль, судьба встаёт волнами,
 Оставляя в памяти свой след...
 Мой отец давно уже не с нами,
 Жаль теперь, что фотографий нет.

Знать, ему не выпало момента
В те года к фотографам ходить...
Я смотрю на снимок с документа,
Чтоб черты родные оживить.

Вот оно — единственное фото —
В сундуке покоится, внизу.
Матушка достанет, вспомнит что-то,
Со щеки тайком смахнёт слезу.

Я взгляну на снимок — замолкаю,
Вспять несётся жизни колесо!
Перед этим снимком, я-то знаю,
Меркнут все шедевры Пикассо...

... У людей сегодня столько снимков!
Дни рожденья... свадьбы... это... то...
Кто на снимке плохо вышел — сникнет,
Ведь хотелось выглядеть на сто!

Сделать фотографию — искусство!
Трудно было б в памяти хранить
Образ тех, кто дорог нашим чувствам,
Если б по рассказам лишь судить.

Жизнь несёт корабль мой сквозь туманы,
Годы мчат — за ними не поспеть...
Милую — в родных морщинках — маму
Вновь и вновь хочу запечатлеть.

ЛИШЬ ЗАКРОЮ ГЛАЗА

Невзгоды, испытания судьбы
На части сердце рвут...
Но, засыпая,
В тревожных снах, уставший от борьбы,
Тебя я вижу, матушка родная!

Я трудностей нёмало одолел,
Сквозь все преграды проходил упрямо.
Пускай о многом в жизни я жалел...
Закрыв глаза, всегда я видел маму.

Твой образ светлый, белый твой платок,
Взгляд, устремлённый в сторону Каабы...
Проснись — слеза, скатившись, жжёт висок...
Смотрю на мир, растерянный и слабый...

БАУЫРЖАН ЖАКЫП

ДВОРНИК

Душный ветер в кварталах возник,
Хрипло дышит, устало летает.
Каждый день хромоногий старик,
Вместе с ветром, дворы подметает.

Вечно в мысли свои погружён,
Шелестит длиннохвостой метлою,
Будто правит мгновеньями он,
Будто борется с ночью и мглою.

Исчезает прохожих поток,
Их следы на асфальте и глине —
Так стирает безжалостный рок
Тень и свет на бездарной картине.

Всё подряд выметает старик:
Мусор жизни, обрывки страданий...
Он давно уже, видно, привык
К нёмоте засыпающих зданий.

К тесноте городского двора
И к собачьему долгому вою,
Он ведь знает: наступит пора —
Заметёт его Время метлою...

БАБУШКИНО ВЕРЕТЕНО

Лицо луны глядит в твоё окно,
Но крутится, поёт веретено —

И Время нитью тянется белёсой,
И отдохнуть пора тебе давно.

Но ты прядёшь, не разогнув спины, —
Мгновенья жизни в пряжу вплетены,
Твои подарки из овечьей шерсти
Особым смыслом до сих пор полны.

Они ведь счастье приносили в дом...
Лицо луны печально за окном,
И светится в каморке одинокой,
Во тьме твоя душа — веретеном.

Ты стала светом, ты всегда со мной!
Хожу я в безрукавке шерстяной
И чувствую тепло твоих объятий,
И мне не страшен холод ледяной.

Ты словно говоришь мне: не кляни
Свои печали — временны они,
Веретеном кружится мирозданье,
Сплетая в пряжу века наши дни.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

В порыве страсти откровенной
Грохочет в небе ураган —
И вот на животе Вселенной
Уже не сходится чапан.

Уже целительное млеко
Питает землю здесь и там:
Жёлтеют островки кокпека,
Ковыль белеет по холмам.

Земля, поникшая в начале
Июля, — снова хороша!
И отлетают все печали,
И очищается душа.

Полны ложбины птичьим криком,
Весёлым посвистом сурка,
И материнским светлым ликом
К степи склонились облака.

ДЖАЙЛЯУ

В тесный кош загоняет отару чабан.
За пригорком пасётся скакун чабана.
В полумраке светлеет пастушеский стан —
Купола его юрт освещает луна.

Всюду зелень — пустилась муравушка в рост,
Перед свежей травой танцует ручей.
Даже гончая выгнула месяцем хвост
И несётся по лугу, и весело ей!

А потом наступает желанный покой...
Спит уставший чабан.
Смотрят звёзды в тундик¹,
Дремлют горы под шапкой своей снеговой —
Вновь простор травяной перевозданен и дик.

А с рассветом — улыбка небес ослепит:
В лоне матери-ночи созреет дитём
Солнце — яблоко красное нашей степи,
И о нём возвестит аргмак за холмом.

Острокрылая ласточка учит птенца —
Я, подобно ему, окунаюсь в зарю.
Луговому простору не видно конца,
И, его вспоминая, над ним я парю!

¹ Тундик — отверстие в куполе юрты.

ДУКЕН МАСИМХАНУЛЫ

МОНОЛОГ ХАН ТЕНГРИ, ИЛИ ИСПОВЕДЬ ДУШИ М. АУЭЗОВА

Наивная стелется степь по долине безликой,
На бездумных холмах отзывается грохот злорадства.
Где бы я так стоял, если б не было этого пика,
И откуда глазами охватил бы я это пространство.

Сознаю только с этой вершины мечтаний я грусть,
По просторам степи и горам из груди вырывается вздох.
Я счастливейший раб твой, Господь, коли здесь прикоснусь
К лику Тенгри Небес — моей веры великий исток.

Беззаботную степь ночной накрывает покров,
Мало радости знали эти дали любимой Отчизны.
И, чтоб край мой не канул в забвенье вечное снов,
Призываю рассвет пробудить его к радости жизни.

Синевой поднебесья, обильем своего простора
И своей красотой поражает нас степь Казахстана.
От опасных когтей и от чуждого вражьего взора
Пусть неба ночного покров ей укрытием станет.

С самого сотворения глаз я своих не сомкнул,
Слушал звуки мучений и пыток я Шара Земного.
Но слово моё превращалось в непонятый гул,
Хотя я не молчал, не скрывал я от мира тревоги...

С высоты на долины и сопки взирал,
И остался я цел в испытаньи жизни суровом.
Облачался годами я в лёд, и в огне я пылал,
До своей высоты пытаюсь поднять своим словом.

Господь меня стражем Турана решил сотворить,
 Белоснежную голову лишь пред Кораном сгибал.
 На земле я старался величия духа опорой быть,
 На груди своей не ворон, а ястребов укрывал.

На груди у меня оседали снега, облака отдыхали,
 Словно молнией чести вклинился в синь я небес.
 Чтоб на склонах моих не ведали грусти, печали,
 Чтоб луч солнца согрел у подножия лес.

Чтоб солнце сияло над тихим простором
 И степи вокруг пробуждались рано,
 Прикрывал я собою и доли, и горы,
 Принимал на себя всю ярость и мощь урагана.

Каким только бурям заслоном я не был,
 Какой только лести, обмана я яд не испил.
 Но душу свою сохранял всегда чистой, как Небо,
 Хоть потом и кровью я дали вокруг окропил.

Итак... ураганы почему-то находят меня,
 Как голодные волки с яростью налетают.
 А меня в это время родные просторы манят,
 И я вижу, как сопки и степь в синем мареве тают.
 ...А сердце моё истекает черною кровью!

ГНЕДОЙ ЖЕРЕБЕЦ, ХРОМОЙ БАРАН И ЧЕЛОВЕК

Над горою сгустились чёрные тучи,
 Ясное небо в мрачный покров облекая.
 И гром разверзся над пастбищем тучным,
 Огненной плетью небо вокруг рассекая.

Словно всемирный потоп лавиной стекая,
 Хлынули воды, камни в пути разбивая.
 Тотчас на холм пастухи побежали, спасаясь,
 Живность и юрты в ложбине бросаая.

Словно драконы, рёв издавали потоки,
Диким воем округу вокруг оглашая.
Вода, поднимаясь с оврагов глубоких,
Неслась, всё живое в пути сокрушая.

Со страхом животные в небо глядели,
Был мрачен и грозен источник их бед.
Потому содрогалось от страха каждое тело,
Глаза же печально искали ответ.

Где им, беднягам, приткнуться к ночлегу?
К какому укрытию можно прибиться?
И лишь один хромой баран под телегой
Решил у хозяйского дома сокрыться.

Судьбою его озабочен гнедой жеребец,
Оглядывается, издавая тревожное ржанье.
А бурный поток добрался уже, стервец,
И до барана, чтоб взять его на закланье.

Увидев его погрязшим в потоке мутном,
Грустно воспринял хозяин мысли плохие.
Не досчитаться барана ему на утро,
Да что поделаешь — жалости нет у стихии.

Но вдруг к потоку понёсся гнедой жеребец,
Оставив табун свой на взгорке высоком.
Схватил зубами барана он, наконец,
И вырвал из яростной пасти потока.

Бережно вынес на берег барана хромого,
Словно отец, поставил спасённого рядом.
Кобылы, фыркая, успокоились немного,
Но осуждением людей полны были взгляды.

Живым остался баран и на ноги встал,
Повёл глазами вокруг и заблеял.

И тотчас дождь с неба лить перестал,
А ветер вскоре чёрные тучи развеял.
А люди поплелись в свои дома...

* * *

Запал мне в память случай этот странный,
Его я часто в жизни вспоминаю.
Когда виду я лошадь или барана,
Тотчас стыдливо взгляд свой опускаю.

РИММА АРТЕМЬЕВА

ПРИПЕВОЧКА

Ой, звенит, звенит тальянка —
Вечериночка идёт!
Кружит Ванечка Татьянку,
Только замуж не берёт.

А я не стану огорчаться,
Я не стану слёзы лить,
Буду с Петенькой встречаться,
Чтобы Ванечку позлить!

Ветер в поле закружил —
Вьюжица-метелица,
Меня милый разлюбил,
На подружке женится!

Ой, звени, звени, гармошка,
Мне негоже унывать,
На подборике сапожки —
Буду дробь я отбивать!

* * *

Ой, да на Красну Горку
Выходил Егорка!
Долго прихорашивался,
Гоголем прохаживался,
Кланялся невесте,
Звал пройтися вместе:
«Выдь ко мне ты, павушка,
Любушка-любавушка».

Да как на Горку Красну
Люба — «солнце ясно» —
Пышно принаряживалась,
Павою прохаживалась.
С женихом гуляла,
«Да» — ему сказала.
Свадьбу справим новую!
Яркую, весёлую.
Господу помолимся,
До земли поклонимся!

* * *

Парни ходят вкруг горы
До вечерней до поры.
Ищут суженых себе,
Низко кланяясь судьбе.
Зовут девушек гулять,
В хороводе поиграть:
«Уж вы, девушки, выходите
Себя, красные, покажите!»

До вечерней до поры
Девки ходят вкруг горы.
Низко кланяясь судьбе,
Ищут суженых себе.
Хоровод идут водить
Да с парнями говорить:
«Холостые вы мальцы,
Распрекрасны удалцы,
Нас гляденьцем не взять,
Неча попусту гулять.
По любви ли, нет, нас возьмёте,
Под венец молодых поведёте,
Иль по батюшкиному повеленью
Да по матушкину благословенью?»

* * *

Ой, хозяин да молодой,
Принимай гостей домой!

На ступеньки дай ступить,
 Молодую да пригласить.
 «Молодая-молода,
 Выходи скорей сюда,
 Выноси-ка на крыльцо
 Разукрашено яйцо,
 по стаканчику пивка,
 На закуску пирожка!»

* * *

Под Иванов да Купалы День
 Парни с девками милуются
 И с цветами ищут папороть,
 Солнце красное им — лунный свет.
 Жгут крапиву и колючий куст,
 В тех кострах сжигая прошлое,
 Прогоняют беды лютые,
 Утешаются пророчеством.

Всяк былинке ночью голос дан
 Узелки судьбы распутывать.
 Подорожник — под голову,
 Одолень-траву — в попутчики.

На Иванов да Купалы День
 Окропят Россию росыньки,
 В её водах искупаются
 И прославят в песнях Родину!
 Ой, да на Иванов да Купалы День!

КУПАЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Ей в праздник — не спится.
 И тьмы не боится,
 От люда таится,
 Ступает девица
 Цветку поклониться.
 Ответа добиться:

«Кто замуж сгодится?
Где счастье таится?»
И песня над лесом, как дымка, клубится:
«Водица, водица —
река и криница,
омой, голубица,
пусть хворь исцелится,
краса молодится
и хлеб уродится!..»
Не петь бы сестрице,
А Богу молиться!..

ГУЛЬНАРА АУТОВА

РЕКА ВРЕМЁН

*Августовским вечером, сидя на берегу, наблюдаю,
как река уносит вдаль краснощёкие яблоки...*

Как яблоко в реке, плывёт душа моя.
Река времён течёт, беснуясь и играя.
Накроет с головой тебя одна струя,
И вынесет наверх струя другая.

В речной водоворот была вовлечена
И вырвана из плена ненароком,
Ужели ты, душа, навек обречена
Собой речные обивать пороги?

Пусть смотрит свысока
плывущий в челноке,
Пусть лодки по волнам скользят, качаясь.
Но кто-то должен плыть, наперекор реке,
За каждую соломинку хватаясь.

Вот так река времён нас за собой влечёт...
И душу мне саднит... Но молчаливо
Надеется она, что всё же доплывёт
До заводи под сень плакучей ивы!

ОСЕНЬ

Осенний листопад, лучистая пора,
И солнце позолотой кроет листья.
Конец всегда один — бесхитростна игра:
Всем суждено с землёй в объятьях слиться.

И ветром ледяным осенний сад прошит,
Всё довершить спешит прислужник смерти.
Но лист, покуда жив, он, как душа, дрожит
Перед лицом смертельной круговерти.

Прощальный жест — пока!
Парящий в небе лист
Покинет мир без слёз и укоризны.
Он верит истово, — и верой этой чист, —
Что в смерти смысл и польза есть для жизни...

КНИГА ОСЕНИ

Вновь золотом солнце осеннее брызнет,
Ярчайшими красками листья означа...
И листья летят — словно дни моей жизни,
В которых жила я, ликуя и плача.

Быть может, что прожито мной это время
Не так, как хотелось, не так, как мечтала...
Короткою повестью стала поэма,
Когда её заново перечитала.

Ненужные я вырывала страницы,
Где горькие встречи, пустые советы,
Где хмурые лица бредут вереницей...
Но книга закрыта... Окончилось лето...

Так золото осени в лужицах мокнет...
Так золото дней моих меркнет и блёкнет...

СОЛОВЕЙ

Ты поёшь по ночам средь зелёных ветвей
В самом тёмном углу одичалого сада,
Неприметная пташка моя — соловей,
Мой незримый певец, ты поёшь без надсады.

Ты слагаешь в ночи за газелью газель,
Тишину молчаливого сада нарушив.
Чудный щёлк-перещёлк и волшебная трель
Пробуждают к любви очерствевшие души.

Так природой задумано было, чтоб ты
Щедро тратил свой дар — голос звонкий и чистый,
Чтоб от песни твоей сладкогласной цветы
Поутру расцветали улыбкой росистой.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ

Мы рождены с тобой в любви... Самой Любовью.
И с молоком впитали мы любовь сыновью.
Но почему в сердцах у тех, кто миром правит,
Нет чувства кровного родства — есть жажда крови.

Да, время мчит — не удержать! — крутым опором,
А человек который год и век который
Спешит вослед — неразрешим их спор, извечен!
И он оглядывает мир угрюмым взором.

В груди холодной, став железным, сердце стынет,
Но обуздать не в силах он слепой гордыни.
Из чрева матери своей явился миру:
Мир был большим... Но тесен стал ему отныне.

Ему в природе одному всё на потребу.
Он жар руками загребал — ничем не гребал.
И, на Земле уже ни в ком не видя ровни,
В безумной алчности своей он рвётся к Небу.

Не порастут его следы травой-цветами.
Да, он пустыню породил, пройдя садами.
Глаза лазоревых озёр засыпав солью,
Он ядом реки и моря поил годами.

Ему — и птица в небесах, и рыба в море,
Ему — вода в лесных ключах, златые горы.
И тело матери-земли он рвёт на части —
И стынет бедная земля в нёмом укорё.

Ни мир не ведом, ни покой — он взором хищным
Всё стережёт, чего-то ждёт, чего-то ищет...
Он все богатства обретёт, но пусть не взыщет,
Как станет скудною душа и сердце — нищим.

ЖАНАТ АСКЕРБЕККЫЗЫ

ПЕСНЯ ЗЯТЯ-САПОЖНИКА

«Начиная работу рано,
мастер ловко тачал сапог,
и красавицу из Оршана
подарил ему в жёны Бог...»

Пел любимую песню зять,
на девчонок не озирался,
на вопросы не огрызался,
но умел на них отвечать.

Он однажды простился с нами,
и душа унеслась во тьмы,
потому-то под облаками
не поём эту песню мы.

Зять ушёл по следам сестры,
только дратва с иглой осталась,
Пёстрой лентой
плывёт в миры
песня, радостная на зависть!..

СУДЬБА КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

Камни замерли вдоль дорог,
это идолы без названий,
заключил их в оковы Бог —
такова судьба изваяний...

Кто же знает, в какую ночь
рухнут вечные камни эти,

душам каменным не помочь,
а над ними несётся ветер...

Он не видит гранитных снов —
потому так печален снова,
вот и мечется дух ветров,
но не в силах сказать ни слова

Пролетела эпоха зла,
не свалить эти камни страху.
Шепчет каменный балбала:
«Всё проходит, хвала Аллаху».

ЗИМНИЙ АУЛ

Зимовки окутаны холодом дней,
ещё не проснулись от спячки своей,
стог сена пропах и прохладой и дымом,
вокруг замирают десятки коней.

И кажется, даже и воздух вокруг
взял сопки в свой дымный предутренний круг...
Зимовки, как люди, вздремнули устало,
дымит папироской задумчивый друг.

Да, вьюга, как ведьма, несёт холода,
как будто пленяет тебя навсегда,
мой зябкий народ, и ведёт на аркане
сквозь злобную зиму — неясно куда...

Но всадники мчатся, смеясь и дразня
морозного старца, и эта возня —
детей краснощёких на звонком морозе,
и жизнью довольна степная родня!

Вокруг всё морозней — и снега не счесть,
укутался мир в белоснежную весть,

и только по дыму, идущему в небо,
понятно, что тёплая жизнь ещё есть!..

АЛТАЙСКАЯ ЛЕГЕНДА О ШЕСТИ ДЕВУШКАХ

Шесть девчонок превратились в птиц,
вот и плачут, не скрывая скорби,
и Алтай, свои вершины горбя,
загрустил, не ведая границ...
Не допёт заоблачный нектар, —
где девчонки, стройные, как трости...
Облака белы, как будто гости
из страны, где царствует январь.
Неужели это выбор Бога
и его решенье навсегда?
В синем небе белая дорога —
плач оттуда слышен... Вот беда...
Крылья плещут над ветрами века,
но уже не видно шестерых,
и в просторах отдаётся эхо —
это плачет мой пернатый стих.
Вот легенда древнего Алтая,
от девчонок в мире нет следа,
скрылись из божественного края,
но осталась сказка навсегда.

ВЕК НА КРЫЛЬЯХ ГУСЕЙ. КОРКЫТ

Я крыла не схватил — ускользнуло крыло, как парча,
испугался Коркута дикий гусь — и рванул гогоча,
но осталось раздумье о смерти, о страхе, о жизни —
потому-то и песня гусей до того горяча!

Звук кобыза летит, словно стая гусей в небеса,
словно озеро, плещутся там, в небесах, голоса,
это грусть и печаль, это мудрая песня Коркута,
целый век он с небес человечеству смотрит в глаза.

С недоступных небес миру бrenному машет рукой,
 понимая, что жизнь — это вечный и призрачный бой,
 сладкий крик бытия улетает к нёму в поднебесье,
 дарит горечь и боль, нарушает небесный покой.

И сомненье Коркуту сковало святые уста...
 Рвуть на небо и я, словно стая гусей, неспроста,
 я хочу ухватить за крыло бесконечное небо,
 но опять спотыкаюсь на белых просторах листа.

Век, как птица, летит — и его в небесах не догнать,
 никому, ни за что, даже если на небо пенять,
 только песня кобыза возносится выше и выше
 над земным бытиём и пытается небо понять...

* * *

К безысходности привыкаю
 у эпохи хмельной в гостях...
 Это волчья судьба такая:
 поднимаю звериный стяг!

Что обыденность под ногами,
 если нету для нас преград?
 Пусть взвивается волчье знамя
 выше банков и баррикад!

Пусть Всевышний окинет взглядом,
 как рождается серый волк,
 участь подстерегает рядом —
 волк в опасности знает толк.

Из засады б метнуться пулей,
 прозвенеть бы струной стальной,
 растревожить осиный улей
 власть имеющих над страной!..

Ранит душу судьбина волка,
 вой над миром несётся вновь:

это метит в упор двустволка,
это плещет святая кровь...

Это падает волчье знамя —
и в легенду вступает зверь,
крылья беркута над лесами
открывают в пространство дверь.

Ночь пропитана волей волчьей
над травую степных равнин,
но оплакиваю, что больше
не вернётся к нам Культегин.

СЕРГЕЙ КОМОВ

ЖУРАВЛИ ЛЕТЯТ НАД БУХТАРМОЮ

Мне зимами, когда глаза закрою,
Весенний снится чистый небосвод,
Курлычут журавли над Бухтармою,
И этот оклик вдаль меня зовёт.

Я февральями бесконечно грежу.
Вечерний филин, я гляжу во тьму,
И сквозь метель я вижу побережье,
И журавли летят на Бухтарму.

Там суховеи бродят по барханам,
Луна в ночи, как колесо арбы.
Там гор моих проходят караваны,
Неся вершин тяжёлые горбы.

РЕКА И ВЕТЕР

Она лежала подо льдом,
Вся неприступно-горделива.
И ей уже казались сном
Часы весеннего разлива.

Она забыла, как текла,
Как бакен на волнах качала,
И ветра гул, и плеск весла,
И смех мальчишек у причала.

Но вот опять пришла весна.
И долгожданный ветер с юга.
Одежду сбросила она
И отдалась в объятья друга.

Весенний ветер и река.
 Река глубокая и ветер.
 Он подарил ей облака,
 Как птицу выпустил из клетки.

Она проснулась, ожила,
 Перекипела вся волною,
 Переродившись, потекла,
 Вдруг ощутив себя — собою.

Став полноводней и светлей,
 Подобно женщине счастливой.
 Всё небо отразилось в ней
 В часы весеннего разлива.

ПЕСНЯ

Как приехала к сыну его постаревшая мать,
 С нелюбимой снохой да с любимым сынком запевать

Стали песню под вечер. Слезой исходила старушка.
 Внук её на коленях бряцал побрякушкой.

За богатым столом дно тарелки очистила крохой.
 — Слава богу, живёте, я вижу, неплохо.

И подвыпили снова, и снова хотелось запеть ей,
 Только срезался голос — припомнился год тридцать третий:

— Дальний Тополев Мыс, он теперь уж давно под водою.
 Села баржа на мель той голодной порою,

Накренилась, осыпалась горка гороха.
 Тятя сделал черпак, и домой навозил он неплохо.

Просушил, хоть смеялись соседи над нами.
 В голод шли они с чашками к нам, со слезами, —

И вздохнула: — Так выжили мы на горохе! —
Но не злота — печаль распозналась во вздохе.

И запела опять. И высокую песнь выводила.
Эта старая песня по душам текла и лечила.

ВЕРА ТВОЯ

— Я умоюсь крещенской водою,
Где парит на реке полынья.
Грусть уйдёт под незримой рукою.
— То горячая вера твоя.

— Друг покинул, продал за полушку...
— Что ж, Господь нам с тобою судья.
Всепрощенье впусти в свою душу,
И спасёт тебя вера твоя.

— А когда раздирают сомненья
И грехи, что колочки репья?
— Попроси лишь любви и терпенья,
И спасёт тебя вера твоя.

— Ну а если я всё-таки струшу,
И несносное бремя забот
Пустотой охладит мою душу?
— Пустота твою душу убьёт!

Только вера дана во спасенье
Милосердем нездешних щедрот,
Лёд растопит и сдвинет каменья,
И она твою душу спасёт!

ВАЛЕНТИН

В. Б.

Он всегда бредёт по кромке.
На зашарканном горбу

Он несёт в своей котомке
Беспросветную судьбу.

В ней звезда — мерцанием света,
Полыньи глухая тьма,
Промельк злой судьбы поэта,
Бескозырка да тюрьма.

Жаль, любимую гармошку
Спер залётный прохиндей,
В переходе на картошку
Зарабатывал на ней.

Жил юродивым в народе,
Песню русскую один,
Как на дыбе, в переходе
Пел блаженный Валентин.

Он поднялся над гордыней.
Весь как рана. Веций глас
Вопиющего в пустыне,
Не похожего на нас.

Напророчив катастрофу
И согнувшись под крестом,
Нёс его, писал «Голгофу»,
Разговаривал с Христом.

* * *

Черновик лежит, как прорубь,
Влагой тёмною дыша.
В той воде, как дикий голубь,
Искушается душа.

В небеса взметнувшись птицей,
Польхая, как заря.
Вы пришли воды напиться,
Значит, я живу не зря.

МАРАЛТАЙ РАЙЫМБЕКУЛЫ

В ПОДДЕРЖКУ МАГОМЕТУ

Эх-ма...

На колени упав и поставив весь мир на колени,
Уходящему солнцу я клятву священную дам:
Коль на землю казахов падут смертоносные тени —
То сменю я на саблю перо и восстану я сам!
Я стреляю в рассвет моей клятвой, и целюсь я метко.
Восходящему солнцу я тоже с поклоном клянусь.
Вот он я, пред тобой, дорогое Отечество предков!
Мы с тобой одной крови — и первым я в драку ввяжусь.

Я родился в день смерти пророка небес Магомета.
Кто же, кроме меня, исцелит твоё сердце, Земля?
Как сказал Магомет:
«Он придёт. Ожидайте поэта!»
И явился поэт. И пришёл. Погляди — это я!

КЕНТАВР

Сын великой Степи, оседлал я тулпара.
Враг вставал на меня — необуздан мой нрав!
И сверкали мечи, как небесная кара.
Сколько смято цветов, сколько скошено трав...

Милый мой, ты твердишь: «Углубились морщины».
Отчего я устал, видя нынешний день? —
По озёрам гусей не скликают гусыни,
Падок сокол и на воробьюню тень.

Измельчал мой народ. Но приходит к нам в гости
Из космической дали, где прошлого гром,

Дух чудесный — наш предок — сразиться с врагом.
На земле, что с ладошку, оставит он кости,
Но опору родит, защитит отчий дом.

И придут, отомстив, и рассеются в прахе,
На земле, что с ладошку, мои аруахи.

До конца бы понять песнь, что к нам прилетела
Из далёких времён.
Как мудрец Культегин,
Потерял я свой сон. И какое мне дело
До сегодняшних новшеств? Я в поле один...

Что же делать невежде времён миновавших?
Враждовал он с полмиром — и надо понять
Непрерывность времён, связь живущих и павших,
Если гнём и ломаем друг друга опять.

Человек человека на прочность пытается,
Только цель не должна быть печальной, поверь!
Необузданный сердцем — живое сжигает.
Эту истину мы осознали теперь.

Рослый конь необъезженный — тень человека.
Нынче предки во сне не тревожат меня.
Моё сердце — от них, от далёкого века,
Только отклика нет в нём на ярость огня.

Отчего ты молчишь? Жжёт меня сожаленье.
И о чём ты играешь в груди, кылкобыз?
Вдруг опять предо мною явилось виденье —
Из небесных пределов, из звёздных кулис.

Будто кончилась цепь мелких горных отрогов,
Стал я мощным хребтом, как бывал в старину.
А потом поскакал по звенящим дорогам,
Вечный камень круша и качая луну.

И взметнулся на небо я молнией быстрой.
 Я летел, высекая горячие искры,
 Золотые копыта мои в вышине,
 Словно месяцы, в воздухе чёрном сияли.
 Удаль дух захватила. И звёздные дали
 Сотрясали кипящие крики во мне.

«Духи предков, Всевышний! — кричал я в волнении. —
 На удачу мне дайте благословенье!»

ПОКА ЖИВЁМ

О святой человек,
 О благой, обращаюсь я к вам!
 (Ведь, жалея меня, разве вы обеднеете сам?)
 Чтоб душа успокоилась, сердце моё исцелилось,
 Бога ради, налейте сто грамм!

Для души моей будет отравой и этот глоток,
 Но во власти твоей сблизить наших порывов исток.
 И, кто знает, быть может, мы лучшими станем друзьями,
 И мы к вечности выйдем, дорогу найдя из дорог.

О невинный младенец,
 О благостный, чистый душой!
 Если б кто-нибудь знал, что я выдержал в жизни крутой.
 Только плача-рыдая, на Млечном Пути заблудившись,
 Разве может испортить хоть что-то пустынный слепой?

Как старик, облысел я, растратил я юность свою.
 Зря прошёл эту жизнь, зря прошёл... Я стою на краю.
 Рядом нет никого. Даже друг не посмотрит в глаза мне,
 К небу руки воздев и оплакав судьбину мою.

Ой ты, птенчик благой!
 Ой, святой и несчастный, как я,
 Разве можем кого-то обманывать, хитрость тая?

Но крылами двумя прикрывая два яблока тихо,
Ангел мой, ты скажи: она истинна, милость твоя?

АВТОПОРТРЕТ

Как Сулейман, я говорил и со зверьём, и с птицей.
Своею песней замутил я голову мою.
Погибнув, как потухший мир, рассыпал я страницы,
Собрать я мысли не сумел и в пустоте пою.

Я рядом с Временем иду — но Время легче пыли.
Повсюду вижу я печаль в юдоли бытия.
Опустошён я не добром — грехи меня спалили.
Друзей печальных не нашёл на дне печали я.

И как сокровище веков в покоях Тадж-Махала,
Так всё разграблено вокруг, всё Время унесло.
Моя душа, быть может, ты теперь сердечком стала
У верблюжонка? Может, ты живёшь, не помня зло?

Лукав, обманчив твой полёт. Сама себя ты ищешь,
Затерянную на земле, где лишь печаль да ложь.
Переселяешься в других, весенним ветром свищешь.
Апрельский снег накрыл цветок. Он на меня похож.

Цветок, как я, под шелухой таит мечту о вечном.
Мечты достигший — от вранья себя навеки спас.
Я думал, что мои стихи в потоке быстротечном
Продолжат жизни быстрый бег, отсрочат смертный час.

И как пустынная трава, тянул я корни-жилы,
Я углублялся в этот мир. Но многого ль достиг?
Что я разрушил? Что создал? На что потратил силы?
Мне тридцать лет. В раздумье я. И чёрен черновик.

И нужен, нет ли, жизни я? И полная печали,
Что скажет людям песнь моя — спасительная нить?

Друзья и недруги мои недаром замечали,
Что только истину одну могу я говорить.

И пусть она порой горька для сердца и для слуха,
Меж жизнью и небытием ведёт моя строка.
Ведь коль на кончик волоска однажды сядет муха —
Заноют кости у тебя и нападёт тоска.

Мои следы идут сквозь тьму — они дорогой стали,
И люди узнают её. Мечта моя — Луна.
Как капли красные чернил, что в молоко упали,
Так моё сердце — мой кобыз темнит печаль-струна.

Вот взгляд, что к Мекке обращён, вот коврик для намаза,
Вот бьёт поклоны человек, лишь небеса любя.
В душе — покой и тишина, сокрытые от глаза.
Взгляните: праведник ли я? Похож ли на себя?

ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЁЙ

Здесь голубая пелена, глухой туман опять.
Моя звезда здесь не видна — пойду её искать.
В конце концов, когда весна, в цвету и луг, и сад,
То ароматами полна земля и я крылат!

Сияет мир! Заставит он забыть мою печаль,
И всхлипы горькие мои, и грёзы по весне,
И я взлечу, и унесусь в сияющую даль!
Но страсть к земному бытию разбила сердце мне...

Однако благодарен будь:
Ты пил и яд, и мёд.
Эх, бесшабашная в гульбе головушка моя!
Кто стал поэтом на земле — вовек несчастен тот,
К тому же, если он казах и любит хмель, как я.

Вновь отдалится тайна тайн — звезды небесной высь.
Звезда зелёная моя, с тобой я, прослезись!

Вернёмся, не вернёмся мы — о том не знает свет.
Совсем нёмного здесь я знал удачных дней и лет...

ЛУНА

Коль полна с краями чаша — ненадёжно бытие
И души моей сиянье перельётся через край,
Навсегда и безвозвратно.
Сердце бедное моё
В полнолуние грохочет, сотрясая ад и рай.
Мысли мечутся в то время, когда бродит по земле,
Спотыкаясь и тоскуя, тень моя, как жалкий тать.
Я и ты — душа живая, наша плоть — цветок во мгле.
Мы нашли с тобой друг друга, чтобы тут же потерять.

Слишком я тебя возвысил, слишком, видно, превознёс.
Жёлтый свет с небес пролился, как потоки моих слёз.

Полнолуние связало навсегда с бедой меня.
Снова я один остался, и болит моя душа.
Волны лунные качают, волны мучают меня.
Я огнём сжигаю воздух, жарким пламенем дыша.

В чём вина моя? — Не знаю... Но когда покоя нет,
То вини любовь — зачем же так чиста, как эта высь?
И Луны коснись губами — над тобой сияет свет,
И молись Луне небесной, и молись ей, и молись!

Полночь...
Полог отодвинув, с неба звёзды пролились,
И Луна взошла. Скажи мне, чья вон там горит звезда? —
Это точка нашей встречи, в ней и смерть моя, и жизнь.
Две Луны — земли и неба — она свяжет навсегда.

Пуповина, центр Вселенной, моё счастье и беда...

НАТЮРМОРТ

Осталась ручка на столе.
Лежит бумага на столе.
Вот лампа незажжённая во мгле,
А вот Коран — без серебра и злата.
И день стоит, но он лишён заката,
Похоже, и рассвета больше нет,
Зато цветок есть — лунный, жёлтый цвет.
О нём сказать бы правильной — прекрасный!
Но в чём вина бумаги и пера,
Что мир слетел с катушек, стал ужасный?
И, кстати, прислонён к часам Коран
И к птице обращён цветок атласный...

ЕЛЕНА ТИКУНОВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

День, текущий рекой,
Уплывёт далеко,
Меж ночей — берегов
В мир нешедших снегов,
Неприснившихся снов,
Несорвавшихся слов,
Несвершённых грехов,
Несождённых стихов...

УХОДЯЩЕМУ АНГЕЛУ

Обернись! В ослепительном свете,
В суете заметавшихся лиц
Я почувствую сумрачность этих
Удивлённых бровей и ресниц.
Я пойму непонятное прежде,
Я увижу, кто враг и кто друг,
И как тянутся к белой одежде
Миллионы невымытых рук.

ВСТРЕЧА

— Здравствуй, незнакомец!
— Здравствуй, первый встречный,
Звёздочка живая
На тропинке млечной!
Утром разминёмся,
Стелется дорога,
Ночью за беседой
Посидим нёмного.
Вспомнится былое,

И что завтра будет,
И зачем на свете
Проживают люди,
Для чего даются
Счастье и печали,
И зачем трепещут
Крылья за плечами...

ПИСЬМО ЗОЛУШКИ

Здравствуй, Принц! Я так спешила,
Даже платье не дошила,
Не сплела веночек.
Полночь бьёт. В руках иголка,
И хрустальные осколки
Бисером у ног.
Это сердце расколосось,
Чуть заслышало твой голос;
Ничего, пройдёт.
Для чего так билось жутко?
Задержалась на минутку —
Потеряла год.
Я до самого до бала
Чечевицу разбирала,
Подметала двор.
А вернуться захотела —
Так в тумане налетела
На чужой забор.
По туману ли, по свету
Окликаю: где ты, где ты?
Да ответа нет.
Я сошла с моей орбиты,
Бал закончился, и тыкву
Съели на обед.

* * *

Середина лета — это гвоздик,
На котором гроздьями ключи.

Даже если будет слишком поздно,
Если всё закрыто — постучи.
В середине лета всё возможно,
Остаётся только загадать.
Где-то осень бродит осторожно,
До весны ещё рукой подать,
Дотянутся кончиками пальцев,
Словно радость пробуя на вкус...
Я хотела в той весне остаться,
Но теперь до осени пройдуся.

ХУДОЖНИК

Не надо снится мне под пятницу.
В счастливом доме нарисованном
Живёт суровая привратница,
Гремит железными засовами.
И мы, конечно, будем изгнаны
На тротуар, умытый дождиком,
И кто-то, красками забрызганный,
Пройтись по городу предложит нам.
Он уведёт по тихим улицам
За край холста, за одиночество,
И все названия забудутся,
И возвращаться не захочется,
И жизнь клубком из рук покатится,
Спеша уйти в листву осеннюю...
Не надо снится мне под пятницу.
Приснитесь мне под воскресенье.

ДАУРЕН БЕРИККАЖЫУЛЫ

* * *

Влюблённым быть — я знаю, это значит —
воспоминаний миги смаковать
и, слыша, как счастливо сердце плачет,
то ликовать, то молча тосковать.

Влюблённым быть — я знаю, это значит —
томясь в разлуке, строчки рифмовать.
И, наплевав, о чём вокруг судачат,
твои следы повсюду целовать.

Влюблённым быть — я знаю, это значит —
в своих зрачках такой нести огонь,
что ни очки защитные не спрячут
и ни глаза прикрывшая ладонь.

Влюблённым быть — я знаю, это значит —
спешить к мечте, подобно кораблю.
И, пробудившись от духовной спячки,
на целый Космос крикнуть: «Я люблю!..»

* * *

Не несите роз мне на могилу,
мёртвые цветы — гнетут мой взгляд.
Мне всегда живое было мило —
трепетанье, краски, аромат.

Вы цветы посейте у могилы —
ведь и я ушёл от вас в цвету.
Коль уж жизнь мне счастья не открыла,
пусть хоть смерть подарит красоту!

Я прошу вас, не забудьте это,
 мою плоть на кладбище везя,
 ведь душа любого из поэтов —
 бабочка! Ей без цветов — нельзя.

Не несите роз мне на могилу,
 мёртвые цветы — гнетут мой взгляд.
 Мне всегда живое было мило —
 трепетанье, краски, аромат.

* * *

Не земля, а скорее — морское дно.
 Как здесь люди, деревья и птицы дышат,
 Я смотрю на залитое ливнем окно —
 Что за стих на нём струйки, как строчки, пишут,

Дождь танцует на улице, на лугу,
 в водостоках гудит, точно гимн Вселенной.
 И я в мыслях своих через лужи бегу —
 словно в детстве, штаны закатав по колена!

Детство — рядом ещё, в четырёх шагах,
 там так много осталось всего хорошего!
 Моя память — шатёр, я лежу в нём, как шах,
 как вином, наслаждаясь глотками прошлого.

Дождь прозрачен, чист, как сама мечта.
 Он меня превратил, словно в сказке, в карлика
 и в скорлупке несёт вдоль домов, моста —
 видно, сила живёт колдовская в капельках!

Дождь прозрачен, чист — как сама мечта...

АЛИБЕК ШЕГЕБАЕВ

СЕРДЦЕ

Ох, как же хорошо, что я родился,
Когда сердца имели люди...

Толеген Айбергенов

Был с виду всегда он весёлый такой,
А сердце не знало, как сладить с тоской.
А сердце страдало, любило,
Стихами душа говорила.

Он доблесть и удаль в лицо узнавал,
Сердцам бескорыстным сполна воздавал.
И золото чистого блеска
Не путал с обычной железкой.

Не зря же родился ты, брат наш — поэт,
В эпоху людей, что дарили свой свет,
Не маясь, не жалуясь будням,
Несли милосердие людям.

Я свет от ночной черноты отличу,
Я сердце укрыть от бездушных хочу,
От тех, кто легко его ранит
И мучиться этим не станет.

Отважные, мудрые, сильные мы —
Меж истиной света и лживостью тьмы
Что выберем? С чем породнимся?
К чему мы душой устремимся?

И кто же из нас смотрит глубже других?
Здесь все — «мудрецы», полюбуйтесь на них!
Строчить бессердечные строки
Легко, если души жестоки.

Тот день был бы добрым... Кто нить оборвал,
Что нитью надежды любой бы назвал?
Что делалось в сердце поэта?
Поймём ли сегодня мы это?

Ты — светлой поэзии светлый поэт.
Стихи твои живы, как эхо тех лет.
Хоть с телом душа распрощалась,
Навечно с народом осталась!

СЛОВО ОБ ЭКОЛОГИИ

Старец, чьё имя — История, — вот
Чьё обвиненье услышит народ...
Что человек в этом мире творит?
Днём лишь одним неразумно живёт.

Гнев и печаль сотрясают наш век, —
Землю всё глубже сверлит человек.
Катятся горькие слёзы Земли
Из переполненных влагою рек.

Если услышишь Создателя вздох, —
Поздно стенать и выкрикивать «ох!».
Будет Земля под ногами дрожать.
Вспомнятся судьбы ушедших эпох.

Кровь проигравшего — разве пустяк?
Видел, как сводят для драки собак?
С жаждой наживы и диких забав
Мир погружается в гибельный мрак.

Эй, Человек! Что имеешь — цени,
 Следуй Корану — продлишь свои дни.
 Истина смертному свыше дана,
 С ней разминёшься — других не вини.

Тот, кто свой дух истощить не спешил,
 Душу соблазнами не иссушил,
 Будет достойно по жизни идти,
 Мир не иссяк — значит, час не пробил.

На неразумного зла не держи.
 Слезы природы добром осуши.
 Будет ли Света конец — не гадай.
 Мир этот светел лишь Светом души.

* * *

По небу мчатся над аулом облака!
 Их обогнать бы, но задача нелегка.
 Ведь там же он, на том же месте — мой аул!
 Мне на него взглянуть хотя б издалека...

Терплю, не еду, хоть, порою, нету сил...
 А вот сорваться бы — как скучал я, как спешил!
 С большой дороги — поворот на мой аул...
 Я б от волнения даже губы закусил.

Ну где ж те чувства, та прекрасная тоска?..
 (Вот новый дом, кирпич, не собранный пока...)
 Что ж, как когда-то, не встречает он меня?
 Тут птица пела... Проплывали облака...

Здесь был мой дед с душой широкою, как степь...
 Вон там бугор... Там похоронен мой отец...
 Что ж, не осталось?... не осталось ничего,
 Что здесь удерживало душу, будто цепь?..

Так день-другой я поскучаю, и пройдёт...
Но словно кто-то все зовет меня, зовёт —
В аул — далёкий, растерявший всю красу...
И вот я здесь, и вот знакомый поворот...

Ушли те дни, когда я в детстве здесь бродил,
Овечек пас и песни пел, с мечтой дружил...
...Но мне навстречу вышла мама... Лишь тогда
Вдруг понял я, зачем в родной аул спешил.

ДАУЛЕТ КЕРЕЙ

ТАМ, ГДЕ Я УСТУПАЮ

Уступаю дорогу ослам спесивым и алчным,
Словно бывали они чемпионами в доблестных скачках.
Я коня придержу и крикну несчастным: «Удачи!»
Пусть обгонят меня, забыв о генах ишачьих.

Уступаю дорогу воронам — за их чёрные враки.
Мне нет дела до них: я не друг и не враг им.
Кто-то создан, чтоб петь, ну а кто-то — чтоб каркать.
Я ничуть не тревожусь, ведь знаю: ворона — не ястреб.

Уступаю дорогу врагам моим тайным.
«Высшим светом» и «доблестной ратью» я их величаю.
Пусть насладятся победой хотя бы на часик,
Лишь бы из тыльной засады в меня не кидались камнями.

Только тулпару честь и место своё не отдам!
Коль благороден скакун — он дорогу пробьёт себе сам.
В жаркой борьбе победит пусть не сильный, но честный.
...Гряну гордой молитвой за это святым небесам!

Только орлу высоту свою не уступлю!
...Лишь бы он не был подобен тому журавлю,
Что вместо драки со мной затевает кокетство,
Корчась в вычурном танце: «Люблю... Не люблю...».

Только другу сердечному дороги своей не отдам!
Лишь бы меж нами змеёй не прокралась вражда.
Верю: не станет марать он злодейством свой меч,
Как бы его не дурила колдунья-судьба.

...В мире обманчивом, лживом, в сомнениях борясь,
 Жду. Уступаю. Бунтую. Но в час предзакатный
 Смерти своей я, конечно, без слов покорюсь.
 Только б сказала хоть за день: «Готовься. Крадусь».

АНАТОЛИЙСКАЯ НОЧЬ

Залётным гусем, заблудившимся в Стамбуле,
 В ночи бессонной голос звал меня.
 Надсадным гогомом: «Ну кто укажет путь мне?» —
 Тот зов отчаянный покой мой отнимал.

Увы, сквозь чащу башен-небоскрёбов
 Никак не разглядеть твой силуэт.
 ...Иль, может, ты укроешься от бед
 Среди чаек, что господствуют над морем?

Но что за прок от ласкового моря,
 Коль плещется не озером алтайским?
 И что за счастье оттого, что мир просторен,
 Коль нету рядом ни одной гусиной стаи?

Заслышав крик с тоскою по Алтаю,
 Примолк Босфор, взволнованно дыша.
 Потом спросил: «Откуда будешь, брат крылатый?
 С Кабы? С Булгына? Или с Иртыша?..»

Неужто, как эпическая птица,
 Заветным вестником над миром ты витаешь
 С мечтой о том, что грех твой искупится,
 Когда и ты к родной пристанешь стае?..»

...Я в ночь шагнул. И на родном наречии
 Откликнулся на одинокий зов.
 Тут словно кто-то приземлился мне на плечи,
 Как будто бы найдя своё гнездо...

...Тот славный город я давно уже покинул.
 Но часто снится мне печальный, тяжкий сон,
 Что машет мне судьба крылом гусиным,
 Врезая небо синим дедовским мечом...

МЛЕЧНЫЕ СУМЕРКИ

Какого цвета ты, молочное предночь,
 Когда джигиту начинают сниться
 Берёз окатых восхитительные ножки,
 Смуглянок-сосенок мохнатые ресницы?..

И вспыхнет зарево таинственным рассветом,
 И счастьем близким улыбнётся небо,
 И с благодарностью судьбе за это лето
 Я вновь заслушаюсь симфонией Вселенной.

Хребет гигантский, что искал себе подругу,
 Разбег теряет в озере лазурном...
 Проста история. Но по душе она мне:
 Пряна польнью степь. И хна растёт на камне.

В мечтах продлить бытия короткое мгновение
 Я часто грежу об орлиных крыльях...
 О жизнь! Тебе успею ль посвятить я песню,
 Пока в лесах не вся опала земляника?..

Природа-мать, ты благосклонно одарила
 Детей своих умением удивляться.
 Так дай нам Бог всегда шагать по миру с лирой
 И спелых ягод дивным вкусом наслаждаться!

ПЕРЕЛЁТНАЯ ПТИЦА

Глаза наполнив влагою солёной,
 «Прощай, любовь моя», — тебе промолвлю.
 Быть может, о тебе я нежно вспомню,
 Когда тюльпаны зацветут весной.

Апрель придёт украденным покоем
И от печали заблестят ресницы,
Когда скворцов мелодии напомнят
Мне образ моей птицы-баловницы.

Я над берёзкой водружу скворечник...
А может, просто распахнуть мне сердце,
Чтоб, перестав играть моей судьбою,
Так в нём бы ты жила и летом, и зимою?..

САЯТ КАМШИГЕР

ВРЕМЯ

Вижу — жизнь моя проходит
И года мои летят.
А душа всё колобродит,
Беспокойна, как дитя!
Ну так пусть же сердце бьется,
Шлёт «тук-тук» сквозь толщу лет,
Ведь на сердце остаётся
Всех годов прошедших след!
Эх вы, годы-испытанья,
Дети века, — что с вас взять!
Вы даёте нам задание —
В жизни счастье отыскать.
Пусть нас время испытает...
Но скажу я без затей:
Человек в пути бывает
Где — сильней, а где — слабей.
Время нам — ограниченье,
Стимул нам даётся с ним, —
Ищем мы предназначенье,
В пору зрелости спешим.
Жизнь желанье исполняет —
В годы складывает дни...
«Тик-и-так» — часы считают, —
Сердце времени они...

ПРИЗНАНИЕ

Умей терпеть, умей прощать,
Не надо зла в душе держать.

Всевышний кроткому воздаст,
Он в свете славы встретит нас.

Я Слово Божье познаю.
Каким был прежде, не таю:
Искал я свет — не находил,
И был я «мёртв», хоть молод был.
Но в темноте я не пропал, —
Мой взгляд Каабу отыскал.
Я новым знаниям был рад,
Душе открылся дивный сад!
Я осознал блаженства суть,
Всевышний указал мне путь...
Принявший Бога, сходен с той —
В пустыне выросшей — хурмой.
Богатым стал — не возносись,
Столкнувшись с бедами, крепись.
И, чтоб души не обольщать,
Умей терпеть, умей прощать ...

ПОКА ТЫ ЖИЛА...

С младенчества меня ты берегла.
Ты, матушка, красавицей была!
Пока жила — был резвым стригунком,
Ушла — во мне душа горит огнём.
Какой ребенок к матери не льнёт?
С тобой наш дом был тёплым круглый год.
Душа кричит, как выпавший птенец:
Приди, спаси... услышь же, наконец!
Но нет тебя... Как вечность, длится миг.
Я — сломанную веткою — поник.
Когда-нибудь наступит встречи час...
Но льются слёзы горькие сейчас.
Пока жила — я не сгорал в огне,
Быть впереди толпы хотелось мне...
А что теперь — сумеет тот понять,
Кто потерял свою родную мать.

СУПРУГЕ

Мы тайны любви познавали когда-то...
 Ты помнишь, резвились мы, как жеребята?
 Как мёд, ты душиста, сладка, словно сок.
 Теперь в моём доме ты — чудный цветок.
 Всевышний навечно скрепил наши судьбы.
 Ты — чистый родник, мои праздники, будни.
 Из дальних поездок к тебе я спешу,
 Любимая, как я тобой дорожу!
 С тобой я расцвёл, позабыл про невзгоды.
 Ты рядом — и солнечной будет погода.
 Домой возвращаюсь с работы, — твой стан
 И вся ты — как нежный весенний тюльпан!
 Кем стала ты мне — не опишешь словами.
 Ты — сад мой с поющими в нём соловьями.
 Ты — эхо тех памятных дней молодых...
 Ты — честь моя, гордость, ты — лучший мой стих!
 Всегда буду счастлив с тобою, я верю!
 Мы вместе открыли в грядущее двери...
 По жизни идём и продолжимся в ней
 Улыбками наших прекрасных детей!

Я СКУЧАЮ ПО ВЕСНЕ

Я признаюсь — я скучаю по весне
 И душе так не хватает теплых дней!
 Знаю, каждый день — судьбы подарок мне,
 И скучаю по весне ещё сильней!
 Я волнуюсь — я весны прихода жду,
 Мой сезон — период жизни, не пустяк!
 Встану с солнцем и цветы сажать пойду.
 На ветвях набухнут почки — добрый знак.
 Мне весна на душу ляжет, словно стих...
 Только месяцы проходят цепью дней,
 В ностальгии — и печален я, и тих —
 Жду весны, ну а с весною — новостей!

Я скучаю по весне — судьба не раз
Мне нащёптывала: жить спеши весной!
Я скучаю... А весна? Она подчас,
Как красавица, играет лишь со мной.
На Луну смотрю — мечтая о весне,
Ведь мгновеньем каждым жизни дорожу!
Вот придёт она — как стих, войдёт ко мне, —
Я и жизнь мою в весну преобразу!

ТАНАКОЗ ТОЛКЫНКЫЗЫ

БЕЗ ПРИСТАНИЩА

В потоках струй — пристанища не сыщешь,
народ бежит, спасаясь от дождя.
И лишь слеза, из глаз моих сойдя,
примкнёт к тем каплям, что струятся свыше.

Средь острых скал — пристанища не сыщешь,
здесь лишь вершины гордые царят,
что серебром в лучах зари горят,
да по ущельям — дикий ветер свищет.

Средь зноя дня пристанища не сыщешь,
и в родинках — пристанищ тоже нет.
Земля без нас лежала тыщи лет,
и не сказать, чтобы грустила слишком.

Вот стольный град. Войди в него, гоним
не покаяньем, а огнём ристалищ,
и гордый нрав свой, что бежит пристанищ,
как стяг победный, водрузи над ним!

* * *

Я не лавина, что летит по склону,
и не росток зелёный у тропы.
Я — пустота лишь, что подобна клону.
Я — ноль, никто. Я только часть толпы.

Нет, я не фреска, что хранит ЮНЕСКО,
над ней трясясь, как неусыпный страж.
Мечты — угасли, не оставив блеска,
прошли, растаяв, как в степи мираж.

Полжизни — пир. Вторая половина —
 то труд, то бунт средь снега и дождя.
 И дух мой — рухнул, как со скал лавина,
 И всю судьбу перечеркнул шутя...

* * *

Наш мир умрёт без жёлтого огня
 Сентябрьских рощ и — чёрных стай грачиных!..
 Хочу, чтоб кто-то полюбил меня —
 за просто так, бездумно, беспричинно.

Характер мой упрямый не кляня
 и не ища во мне повадки царской,
 хочу, чтоб кто-то полюбил меня,
 как любят дети белый снег январский.

Стереотип придуманный гоня,
 что собран был по фильмам и эстрадам,
 хочу, чтоб кто-то полюбил меня
 не потому, что нет прекрасней рядом.

Наш мир умрёт, коль смех изгонит прочь, —
 ведь смех, как солнце, темень проясняет.
 Не удивляйтесь
 тем, кто любит ночь,
 своей любви никак не объясняя.

Была б я зверь — дала б себя убить.
 Но как — ненужной — кануть в смерть-пучину?
 Я так хочу кого-нибудь любить —
 за просто так, бездумно, беспричинно...

* * *

Все нервы — в ключья! Я едва очнулась,
 щенком побитым раны зализав.
 И стало мне наукой прятать чувства
 то слово, что никто мне не сказал.

Живу одна. Никто со мною песню
не запоёт, взглянув в мои глаза.
Так моё сердце напоило спесью
то слово, что никто мне не сказал.

Весь мир вокруг — лишь место для скитаний,
отечество — не больше, чем вокзал.
Навек меня лишило всех мечтаний
то слово, что никто мне не сказал.

Не битва мою силу подкосила,
не враг мою отвагу растерзал.
Костёр, во мне пылавший, погасило
то слово, что никто мне не сказал.

Оно мне в грудь вошло, как острые вилы,
и, в мир втолкнув, словно в огромный зал,
поэзией мне душу отравило —
то слово, что никто мне не сказал!..

* * *

Я знаю: пускай выше гор — небеса,
но горы их высям не станут завидовать.
Пусть солнце слепит им лучами глаза —
они своей боли слезами не выдадут.

Я знаю: пусть сыплют проклятья мне вслед —
земля подо мной не просядет болотом.
Железо руками не гни — проку нет,
лишь мышцы порвёшь и покроешься потом.

Я знаю: орёл, погибая в бою,
не просит врага, что сильнее, о пощаде.
Оставьте насильно без жала змею —
она не заплачет о яде.

Я знаю: пусть слабой меня назовут,
пусть свергнется ливень стеною,

пусть слава и почести мимо идут,
но дар стихотворный — со мною.

Я знаю: хоть тоннами воздух скупай,
душа им вовек не напьётся.
Хоть в землю на локоть слова закопай,
поэзия — снова пробьётся!

РЫДАЙ,
ДОВЕРЧИВАЯ ДОМБРА!..
Поэмы

ДЮСЕНБЕК НАКИПОВ

ГОРЧИЧНАЯ ОСЕНЬ

Отрывки из поэмы

* * *

Горчицная осень моя,
приправа к пресной юности.
Я маюсь и маюсь
но не хочу стать маятником.
Честно ухожу в плаванье
ибо моря боюсь.
Поэзия вод — письмен — океанов
безбрежна.
Ей нужен простой моряк.
Горчицный цвет любви — огорчение.
Ведь она уходит оставляя привкус
панцирь роговой на сердце.
Я черепаха.
Хочу сохраниться для берега.
Там останутся мои яйца.
Акулы останутся в океане.
Они — враги.
Даренье бесконечно как волна.
Песок безбрежен как мозг...
Ракушки на отмели — мысли...
Их можно собирать.
Сделать оберег — ожерелье.
Как папуасы.
Доверие — талант дикой рыси.
У неё это проявляется редко.
Зато душа её — сокровище.
Дикая туманная чащобная.
В тон моей горчицной осени...

* * *

Такой предстоит мне новая осень
 во дожде без любви в грядении смерти
 в заботах мечтах как в привычной одежде...
 Из бессонницы тихо шепнулось:
 — Умерься
 поживи-ка ещё не теряя надежды...
 А хотелось иного...
 Теперь не до сна
 ночь кроме боли зубной
 обещает сердечные боли
 и наказ не забыть
 про совесть-озноб...
 Не от слёз слепнут зраки
 и закрываются вежды —
 лишь тогда просветляется взор
 если помнишь
 что зимой начинаются злаки...
 озаренье такое зовётся прощеньем
 всем отчаяниям наперекор
 а иначе стоит ли жить?..
 Лучше уж след свой самому затереть
 а пока надо выключить разум
 на время и жить в полусне
 и не дать душе умереть.
 Понимаю, не случится всё разом...
 Значит надо терпеть
 и простить до дождей
 всех со мною плутовавших людей...
 а дальше — зима...

* * *

Снова осень... я влюбился до багряни
 на рассвете, просыпаясь в мрак
 и стою теперь на тонкой грани
 коль «не вышло время помирать»...
 Пусть простит меня всегда весенний
 и всегда осенний мой Поэт...

Лишь теперь я понял Вас, Есенин,
 поздней почтой получив ответ.
 Не любя нельзя прожить и невозможно
 без взаимности понять саму любовь...
 Смерть легка коль жить случилось сложно
 подчиняя рифме волю слов и строф.
 Вы меня поймёте просто *«по-сергейски»*,
 не виновен я ни в пьянь ни в мозг:
 знаю, Вы меня поймете, по-вселенски,
 чтобы недуг свой я превозмог.
 В день — сейчас, т. е. сегодня,
 со своей тоскою я сыграю *«в пас»*...
 Верю — Богу Вы всегда угодны
 коли Вас Единственного спас.
 Я приму от Вас спасенье в день осенний
 даже если выпью всю багрянь и хмарь.
 Отложу любовь на день другой
 весенний
 коль *«не вышло время помирать»*.

* * *

И... наступила осень
 моей печали обо всех и всём...
 о быте близких о любви
 о том — о сём...
 Подумалось...
 Пора взглядеться в землю
 и в то что надстоит над ней
 и оглянуться в детство...
 В очи матери посмотреть
 (они луны печальней и светлей)...
 Не над строкой сижу и рифмой...
 я утираю слёзы в ритме
 кружения земли вокруг незримой оси...
 Хотелось обойти свои грехи, как рифы
 но навигатор никудышный я
 и сел...
 на мель...

Хочу признаться дочке
 в отцовской незапятнанной любви...
 О осень жизни!
 Приветствую тебя и об одном прошу...
 На зиму выдать визу.

* * *

Жанне Т.

Я вызываю дождь, словно древний шаман.
 Какой же это сентябрь без поющей воды
 летящей с небес? Это обман.
 Аруахов я заклинал
 из высоких синих бездн: «Даждь мне Дождя!»
 Пусть купается женщина-осень, обнажая себя...
 Пусть из ножен одежд блеснёт белое тело клинка
 и тебя полоснет пополам
 чтобы алым потоком крови окрасился клён
 и роднее стал золотым тополям...
 Я люблю дожди в сентябре
 и летящих коней в потоке воды в серебре
 и полей отдыхающих радостный стон...
 Женщина-осень купается в синем дожде...
 Я счастливый шаман.
 Мне повинуются дождь.
 В сентябре...
 О роскошная женщина-осень!
 Я повинуюсь тебе.

* * *

Вот и не верь после этого в осень...
 мне ветер на подоконник занёс
 багряного клёна лист...
 он будто мне говорит...
 сохрани мою весть
 о маме — отце — о клёне — о доме —
 о кроне — о братьях — сестрицах —
 о нижней земле...

о верхнем — высоким и синем —
 о ветре — родимце
 что меня приветрил сюда
 к тебе близнецу-разгильдяю...
 я слышал ты слушать умеешь
 и занести всё можешь на лист
 который отправишь мне письмецом...
 пусть прочтет его
 клён — мой отец...
 а пока занеси мой рассказ
 в другое окно...

* * *

И грустно это и больно...
 снова снег забелел на траве...
 отчего ты, любовь, так снеговна
 и живёшь ещё на земле?..
 Годы любят круглые цифры
 я ж люблю простые, как «7»
 всё ближе к поверхности рифы
 и корабль сядет скоро на мель
 (чтоб спастись надо в небо смотреть)...
 как туманны слова о безбрежности...
 если берега нет, то зачем тогда плыть?..
 отнесёмся к плаванью бережно,
 чтоб ни штилей, ни бурь не забыть.
 Был, наверно, и я мореходом
 да вот высохло море моё...
 По зиме лучше быть пешеходом,
 вспоминая себя самоё.

* * *

Хочется очень покричать в небеса
 да боюсь облака там оглохнут
 я ещё не устал воскресать
 но видать не успею и охнуть
 как растают вдали облака
 и трава пожелтеет на осень...

Значит стану собачкой лакать
лужу-лужицу отразившую просинь...
Ах, что други жалеть да скорбеть
есть на то подружка-кукушка
не дай бог перестанет жалиться-петь
не оставив ни дна ни полушки...
Вот тогда-то пожухнут мечты
и заплачут небесные кущи...
помолчим же, други, у этой черты
и спеть попросим подружку-кукушку
на закате... по осень... по душу...

* * *

Светла осень если есть о ком печалиться...
собака потерянно ищет запах лета...
из дымящегося чайника
чаю литься вроде бы легче...
вот только вещи простые стали таинственней
и всё глубже уходят в землю корни
и всё дальше уходит та истина
которую как будто бы понял...
Ничего... благословим всех осеннейше
и будем тише себя вести —
моё земное отечество
заслужило свой сон до весны.

ИРАН-ГАЙЫП (ИРАНБЕК ОРАЗБАЕВ)

ЗАКЛЯТИЕ КОРКУТА (драматическая поэма)

Времена пророка Расула (Мухамеда),
на рубеже VII–VIII веков.
Окрестности Сырдарьи

ПРОЛОГ

Небо. Земля. Оглушительно тихо. Великая Тишина.

Перека́ти-по́ле
(нарушая тишину)

Качусь по миру я —
Я!.. Я!.. Я!.. Я!..
Во всей Вселенной нет меня весомей
И тяжелей!..
Подобно Богу — я!..
Я — Бог!.. Я — Бог!..
Я!.. Я!.. Я!..

Голос Вихря
(несущего Перека́ти-по́ле)

...А я — я Вихрь...
Всё, что ни есть,
Могу сбить с ног,
Смять, потащить,
Куда ни пожелаю!..
(Завывая)
У-у-у!.. У-у-у!.. У-у-у!.. У-у-у!..
Я — Бог!.. Я — Бог!..

Схватка между Небом и Землёй.

Голоса

— Нет, я!.. Я — Бог!..

— Я!.. Я!.. Я!.. Я!..

*Появляется Коркут.***ЧАСТЬ ПЕРВАЯ***Купол неба. Великая степь. Посреди степи — Коркут.*

Коркут

(обращаясь к Небу)

Ни днём, ни ночью нет покоя мне..

Природа,

Мать моя!

Одна ты мне опора.

Поэзия —

Ты жизни всей нектар!..

Что я без них...

Да всё вокруг?..

О Тенгри!

Но людям все дела мои — смешны..

Объять весь мир желаю и понять,

А люди ухмыляются, бранят:

Чудак...

Придурок...

В пустяках погрязший...

Зачем, скажи, зачем,

О Тенгри,

Почему

Таким

Ты одного меня создал?!

На всё под небом, знаю, Твоя воля,

На всё, что ни на есть...

Но лишь ответь:

То — воля или нет?

Иль только прихотью Твоей мгновенной было?..

Ответь же мне скорее, о Создатель!..
Три года,
Долгих года,
Пробыл я
Во чреве матери моей... —
Забыл?!
Забыл?..
Целых три года!..
Зачем, скажи, зачем
Мне одному
Томиться так пришлось?
Ведь у людей
Дитя в утробе пребывает
Лишь девять месяцев
И девять дней...
По милости Твоей
На белый свет пришёл я чужаком,
Страшилищем...
Всё в мироздании тогда перевернулось!..
И Солнце и Луна сошли с орбит,
И небеса сокрылись в чёрных тучах,
И волны хлынули —
И на Земле
Клочочка суши даже не осталось,
Всё — под водой...
Не потому ль,
Не потому ль, что я
На свет на белый появился?!
И даже до рожденья моего
В сердца людей
Не я ли страх вселил великий?!
Все — пали предо мной...
Колени подогнулись
У всех от страха...
И народ в сердцах прозвал меня —
Коркутом!..
Коркут же означает —
Ужас!

Ужас!..
И что же делать оставалось мне?
Понять никто не может,
Кто я? Что я?
Лишь ты один, Создатель,
О мой Тенгри,
Насквозь мою один Ты знаешь душу...
И ведаешь о том, что на Земле я не живу —
А только существую,
Приняв зачем-то облик человеческий...
И брэнна плоть моя,
Как пыль, как прах,
А разум,
Словно бы в насмешку,
Мощен...
Да только вот зачем Ты вразумил меня,
Зачем?..
Что ни постигну,
Что ни захочу осуществить —
Не в силах сделать.
Я — как орёл без крыл:
Под небо не взлететь,
А на земле сдыхаю от тоски,
Брожу без цели...
Зачем, ответь,
Таким меня Ты создал, Тенгри?..
(Ждёт — ответа нет.)
Поведать людям много бы желал —
Да кто ж услышит?
Кто поймёт, Создатель?..
Настырен я и смел,
А духом — нищ,
Смирен, и прост, и тих...
Всё потому, что верю
В Тебя,
В существование Твоё.
Настырность же моя
И огонь в крови —

Затем, что пуще жизни я хочу
 Раскрыть глаза толпе слепорождённой,
 О Тенгри!..
 Эти слипшиеся зенки...
 Тогда народ во тьме узреет Путь,
 Пойдёт вперёд!..
 Да только я бессилён:
 Никто не поспешает прозреть...
 На месте топчутся,
 Вспять ломятся, как овцы,
 В испуге тёмном,
 И ревут безумно...
 Иль, успокоившись, опять талдычат
 О суетном, о бренном, о пустом...
 Одни мычат:
 И так живём неплохо,
 Без Тенгри этого...
 На что Он сдался нам?..
 Другие распинаются:
 Бог — Будда!..
 А третьи:
 Бог — Иешу-Машиах,
 То бишь пророк Исус,
 Которого судьбу решил когда-то, умывая руки,
 Пилат Понтийский, римский прокуратор...
 Тогда как Бог единственный —
 Лишь Ты!
 Лишь Ты, о Тенгри!..
 Как не понимает
 Толпа тупая
 Этого?..
 Лишь Ты!..
 Разброд в умишках слабых,
 Смута, ересь...
 У каждого — свой Бог...
 Куда б ни шло...
 Да всякий возомнил себя — Всевышним!
 Вот до чего дошло!..

Ничтожества прикинулись богами —
 Все, все:
 Стар, млад,
 И знать, и чёрный люд.
 Создатель, ныне мы с Тобой сравнялись:
 Мы — для толпы — Никто!
 И Ты, и я...
 Тебя не признают,
 Меня — с дерьмом смешали...
 Ответь же мне, ответь хоть что-нибудь
 На молвь мою прискорбную!..
 Молчишь?!
 Неужто Тебе мало показалось?
 Так я продолжу:
 Вон сидит Каган
 На троне золотом,
 Надмился властью
 Своей —
 И бог себе, и царь...
 Что у народа было — всё к рукам прибрал,
 И алчет, ненасытен, как дракон,
 И пьёт, и жрёт...
 Куда влезает столько...

(Возникает словно бы тень Кагана.)

Но тварное создание —
 Разве Бог?!
 Не потому ль
 Так много развелось сейчас богов,
 Что вслед Кагану всяк теперь вознёсся
 И Богом возомнил себя над людом:
 Холуй-придворный, лживый краснобай,
 Купец и льстец,
 Вся шушера людская,
 Что вечно пресмыкается у трона...
 Кому ни лень, все корчат из себя богов!

Их тьмы и тьмы,
Они уже повсюду...
Доколь, Создатель, это нам терпеть?!
(*Ответа нет... тишина.*)
Скажи хоть слово!
Сжался надо мною!..
И тяжкую печаль мою ночную
Со мною раздели...
Скажи, скажи,
Зачем и почему
Всё белое — чернее ночи стало?
Неужто Бог есть — ложь?!
Молчишь?
Молчишь...
Неужто не желаешь ни слова молвить,
Ни знака дать в ответ?!
А может, Ты молчанием своим
Душе моей смятенной говоришь,
Что ввек покоя ей не обрести...
Что незачем надеяться на милость
Отныне никогда...
Что жизни — грош цена...
Так возражу Тебе:
Конец для всех один,
И Ты, и Ты,
О Тенгри всемогущий,
И я, и я,
Твой преданный служитель,
Мы оба — смертны...
И теперь молчишь?!
О Господи! Что стало с белым светом...
Коль Бога все уничижают,
Себя обожествляя,
Крах — душе!
И мы с Тобой, о Тенгри,
По сути — мы одно,
Хоть я — ничто,

А Ты, Ты — Вседержитель...
Но если нет Тебя —
То и меня на свете нет...
Молчишь?..
Ответь! Скажи хоть слово!..
Видишь:
Слезами этот хаос омываю —
Никто не понимает ничего...
Мой дух скорбит...
Я об одном молю —
Чтоб обо мне Ты хоть на миг подумал
И чтобы хоть когда-нибудь открыл,
Поведал наконец мне тайну,
Ползучую загадку бытия:
Зачем на этой горестной земле
Казнят людей такую казнью лютой?..
Что было чисто — в нечисть превратилось,
И правда — кривдой сделалась паскудной,
И Небо —
Сверзли наземь, прямо в грязь...
Коль так пребудет — то меня не станет,
Да и Тебя, о Тенгри!..
Никого.
Коль так — нас ожидает общий
Конец.
Разброд... Распад... Погибель...
А коли сгину я собачьей смертью —
То напоследок прокляну Тебя!
Молчишь, о Тенгри?!
Что, окаменел?
Бессветна твердь —
Ни лучика, ни искры...
Не пожалеет каменное сердце
И не обронит вздоха иль слезы...
Ну что ж, так знай тогда, Окаменевший,
Отныне не подвластен я Тебе.
Забудь про всё, что Камню исповедал,
И от Себя меня освободи.

Я осуждён забыть Тебя, о Тенгри!
 Отныне в непомерном мирозданье
 Я одинок,
 И сам себе я — Бог!
 Ал... Дуние...

*...Затмение Солнца... Страшный гул... Землетрясение... Утёс,
 что стоял неподалёку, с треском обрушивается на землю...*

Утёс

Не много ль на себя берёшь? Опомнись!
 Забыл, Коркут,
 Гордыня — это грех!
 Чем выше воспаришь ты в самомнении —
 О землю тем скорей и расшибёшься.
 Хоть наизнанку вывернись душой —
 А Богом всё равно не станешь...

Коркут

(оглядывается, не понимая — откуда голос)

Кто ты?!
 Уж не развалина ли
 Жалкая под небом
 Мне голос подаёт
 И дерзко меня учит?!

Утёс

Утёс я старый,
 Рухнувший на землю.
 А великаном был...
 Века низвергли
 Меня,
 Ветра Времени былую мощь развеяли по свету
 Песчинками, и пылью, прахом...
 Но! Всех лучше в мире знаю я зато
 Про нёмощь мимолётных тварей Божьих —
 И вновь предупреждаю:
 Отступись!

Нишкни, смирись, Коркут, пока не поздно,
Не то беду накличешь на себя!

Коркут
Да почему?!

Утёс
Ты — Тенгри оскорбил.
Ты этим сам себе могилу вырыл!

Коркут
Неужто сам?!

Утёс
Да, сам.

Коркут
Да кто ты есть,
Обломок на распустье,
Труха и тлен —
Ты смеешь поучать?!

Утёс
Эй, думаешь, что вечен?
О несчастный!
На всех свой срок —
Низвергнут и тебя.
До времени себя мы величаем,
А там — конец..
И ты, и ты — умрёшь.

Коркут
Не запугаешь.
Это решено —
Не отрекусь от сказанного слова.
Вовек отныне —
сам себе я Бог!

Раскаты грома. Молнии прорезают небо. Одна из них ударяет в Древо-Шыргай, и оно падает на землю.

Древо - Шыргай

Коркут! Гневишь ты Тенгри...
 На меня гляди —
 Ты так же рухнешь оземь, как и я.
 Всему свой срок, свой час, своё мгновенье...

Коркут

А это ещё кто?!
 Что за обломыш
 Вещает мне о смерти, о конце?..
 Ты, Древо, не по делу осмелело:
 Тебе ли, падали, смеяться надо мной?!
 Лежи — и загнивай...
 Бессмертен я!

Древо - Шыргай

...Да, молния меня огнём спалила
 И душу мне сожгла,
 Но я — Шыргай!..

Коркут

(берёт в руки топор)

Ты замолчишь?!
 Срублю тебя под корень.
 На, получай!.. *(Рубит.)*
 О чудо! Что за звук!.. *(Прислушивается.)*
 Затих... А стоит лишь ударить,
 А стоит только лишь железу впитаться
 В ствол Дерева —
 Поёт!.. Поёт!.. Поёт!..
 Да как по сердцу режет звук унылый,
 Густой, протяжный...
 Целый мир,
 Пустыню всю, и даль, и поднебесье —
 Всё наполняет этот странный звук!..

То — сердце моё стонет в нём,
Звучит душа!..

Г о л о с а

— Не быть тебе, Коркут, вовек Всевышним!
Не сможешь.
Слышишь ты —
Не по зубам!..
— Беду накличешь на себя, никчемный!..
— Занёлся он на Тенгри... Отступись!
— Куда ты ломишься? На Небо лезешь?!
Такого не потерпят Небеса!
— Настанет час — и ты повержен будешь,
Горючими слезами обольёшься,
Как Смерть придёт по душу по твою...
— Опомнись, бедолага, и покайся,
Быть Богом — Человеку не дано!..
— Вину свою признай же, нечестивец!
Молись, молись, чтоб Тенгри пощадил.
— О Тенгри! Только Ты один бессмертен!..
Вались, Коркут, скорее на колени,
Проси пощады — может, и спасёшься
Хоть ненадолго...
А потом — умрёшь!..

К о р к у т

Жа! Тише! Хватит! Замолчите!
Закройте рты! Заткнитесь!..
Не видать моей вам смерти!..
(*Яростно рубит Дерево.*)
На! На тебе!.. Не ной!..
Не рви мне сердце своим плачем!..
На, получай!
Под корень дорублю!..

...На каждый удар топора Древо-Шыргай отзывается протяжным звуком «У-н-н-н-н...». Всё сильнее, пронзительней и гуще этот отзвук... Под ударами топора возникает Кобыз —

*и его звучание раздаётся всё слышнее во всем пространстве
Великой Стени, между Небом и Землёй...*

* * *

*...Коркут бредёт по степи... В правой руке посох, в левой кобыз,
только что вырубленный из Древа-Шыргай... Певец внемлет
голосам природы... Он понимает всех под Небом — и со всеми
созданиями Природы говорит...*

Коркут

Лебеди, белые лебеди,
В небе высоком летящие!
Живы ли вы и здоровы ли?
Слышите ли меня?

Лебеди

Живы мы, слава Создателю!
Крылья крепки наши быстрые!
Только одно нам желается
В этом высоком скитании —
Вновь твой услышать кобыз!..

Коркут

Будьте здоровы, любимые!
Ждёт вас родимое озеро,
Чистые воды прозрачные,
Ждёт вас простор голубой.
А чтобы вы не соскучились
В трудном небесном скитании —
Вам запоёт мой кобыз.
(Играет на кобызе.)
Эй, журавли сизокрылые,
Синего неба кочевники!
Клином дрожащим летите вы
Вдаль с берегов Сыр-Дарьи...
Кликните с выси заоблачной,
Есть ли мне новости с Родины,
Добрая весть для меня?

Ж у р а в л и

— Есть, наш сказитель задумчивый!
 Есть тебе добрая весточка...
 — Юная дева-красавица,
 Милая дева влюблённая
 Ждёт тебя в гости скорей!

К о р к у т

Что, влюблена, говорите вы?
 Кто эта дева прекрасная?..

Ж у р а в л и

— Да, влюблена! влюблена!..
 Это Сарын-раскрасавица!
 Слышишь, Сарын её звать!
 — Сорок подружек у девушки.
 Верны наперсницы, преданны —
 Сопровождают её...
 — Степи Сары-Аркинские —
 Там её славная родина...
 Долог же путь к Сырдарье...
 — Вышла на встречу заветную
 Эта прекрасная девица,
 Хочет увидеть тебя!..

К о р к у т

Верить ли мне в сказы-рассказы,
 В светлое ваше курлыканые?
 Есть ли на свете Сарын?..

Ж у р а в л и

— Лет ей пятнадцать лишь отроду...
 — Милая нравом! И добрая!..
 — Личико луноликое!..
 — Шёлка нежнее!.. И стройная!..
 — Очи прекрасные искрятся
 Жемчугом чёрным, как ночь...

— Только кобыз твой услышала —
 Стала как очарована,
 Сердце забилось от радости...
 — Что ж ты, Коркут, поспешай!..

К о р к у т

(начинает наигрывать на кобызе)

Кто она, эта влюблённая?
 Верить ли?.. Даже не верится...
 Пусть ей ответит — кобыз!..

*...Играет... С первых же звуков мелодии кобыза всё изменяется
 в природе... Реки перестают течь... Ветер стихает... Облака
 застывают на небе... Вся степь вслушивается в этот
 протяжный напев... ..В воздухе возникает призрак прекрасной
 девушки... Сарын зачарована мелодией, летящей к ней
 издалека...*

*Сары-Арка... Караван в степи... Это Сарын и её сорок подруг...
 Девушки прислушиваются к мелодии, доносящейся издалёка...*

С а р ы н

О Господи, опять я слышу это!..
 Кобыз, кобыз,
 О, как щемит он сердце...
 Волшебный звук...
 От страсти я горю!
 Зачем душа так тянется к нему...
 О Тенгри! Это — рай?!
 А может, ад?..
 Подруги милые, хоть вы мне подскажите...

С о р о к п о д р у г :

— Ах...
 — Ох...
 — Ну что тебе мы скажем?

- Да стоит лишь услышать дивный голос
 Кобыза этого — так в нас огонь пылает,
 Заходится всё сердце от любви...
 — Хоть мы певца не видели, не знаем,
 А заиграет — тянемся к нему.
 — Коркут!
 — Коркут!
 — Ах!
 — Ох!

С а р ы н

Тогда идёмте...
 Живее!
 Незачем судьбе перечить.
 Коль слышим мы игру Коркута,
 То и увидеть нам его дано.

С о р о к п о д р у г

- Идём, идём.
 — Мечте, любви навстречу!
 — Веди, Сарын, в тот край обетованный...
 — Земля Коркута!.. Там поёт кобыз!..
 — Быстрее к Сырдарье веди, Сарын!
 — Звезда зажглась...
 — С дороги нам не сбиться...
 — Нас свет мечты, нас свет любви зовёт!..

...Всё сильнее, слышнее звучит кобыз... Сарын и сорок её подруг, как очарованные, спешат на его мелодию по знойной безводной степи... Сарын впереди... С каждым шагом ей тяжелее идти, но она увлекает, тащит за собой подруг... Одна за другой падают девушки на сухую землю, не выдержав изнурительного зноя Бетпак-Далы, — и каждая, в последнем дыхании, прощается с упоительным напевом кобыза... Сарын остаётся совсем одна, все подруги её погибли. Измученная, она едва переступает ногами — и наконец помутнённым взором видит перед собой Коркута, что сидит в глубокой задумчивости и играет на кобызе...

Коркут

(перестает играть)

Сарын?!

Сарын... Очнись!

Вот ты какая!..

Мне о тебе рассказано с небес...

Нет, правду журавли мне рассказали...

И вот ты предо мной, любовь моя!..

Затмение солнца... Землетрясение...

Голос Смерти

Лишь сорок лет

Отпущено тебе в подлунном мире...

Слышишь?

Слышишь меня,

Коркут?

Так знай — лишь сорок лет!

Коркут

Что за бредни слышу...

О, как прекрасна ты, Сарын, любовь моя!..

Да хоть сейчас готов я умереть!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...В стране Огуз-Кыпчаков траур — умер Властитель-Каган...

Народ собрался предать его земле... Саркофаг... Отверстая могила...

Голоса

— О горе! Горе нам!

— Беда на нашу голову свалилась!..

— Кыпчаков ясный сокол смежил очи...

— До срока умер...

— Весь народ осиротил...

— Бесстрашным был...
 — По силе и уму он равных не имел на всей земле...
 — Не ты ль, не ты ль освободил нас от ярма гяуров?!
 — И кто же впредь нас будет защищать?!

— Хитрец он был и плут,
 Всю жизнь врал, не краснея...
 — Кривил душой, ловчил и без вины карал!..
 — Не он ли лгал и предавал нас, братья?!
 Не он ли правду в кривду обратил?!
 — Всё обещаньями кормил голодных
 И нашей нищеты в упор не видел...
 — Всех ободрал,
 С верблюда шерсть сожрал...
 — И хоть бы что ему — не подавился!..
 — Что ни случись — он из воды сухим...

— Заткнитесь, вы, хулители святого!..
 — Не он ли правил нами четверть века
 По справедливости,
 Вёл к счастью мудро...
 — Не Бек ли нам путь истины открыл?!
 — Всем раздавал по чести, по заслугам,
 Был милостив и щедр, великодушен...
 — О! Был правителем от Бога он!..
 — Не знал от веку поражений,
 Сильный духом,
 Коль надо — то мечом разил врагов!..
 — Кто мы теперь без нашего Кагана? —
 Слепые овцы без поводыря!..
 — Как птицы — обескрылены мы нынче..
 Что делать нам, и как нам дальше жить?..
 — Всему виной проклятая старуха,
 Костлявая Старуха-Смерть с косою железной!
 Коль не пришла б — Каган бы вечно жил!..

— А кто скрывал все тайны от народа?!
 Кто власть не оставлял,

Хоть опостылел?..

- Кто сросся с троном задницей своей?!
- Да если бы не прилетел к нам Ангел Смерти,
- Каган бы до сих пор народом правил
- По прихоти своей —
- Ведь он ловчила!..

*...Затмение солнца... Землетрясение... Сквозь гул
и грохот доносится звук кобыза...*

- О Боже!.. Это же Коркут!.. Коркут!
- Коркут идёт! То звук его кобыза.
- Коркут!
- Коркут!
- Коркут!
- Коркут!
- Коркут!..

К о р к у т

О бедный люд,
Что здесь творится, кто мне скажет?
Кого в степи оплакиваете вы?
Кому хвалы,
Кому проклятья шлёте?
По ком вы причитаете сейчас?..

Г о л о с а

- Каган!
- Правитель-Бек оставил
- Навек сей мир...
- Кто мы теперь?
- Что приключится с нами?
- Сироты мы,
- Слепцы без вожака!..

К о р к у т

Так был ли он достойным, Бек-Правитель?..

Г о л о с а

- Хорош!
- Куда как добр!
- И равных нет ему!..

К о р к у т

Ну что же, верю.
 Если вправду добр —
 Попробую вернуть останкам бранным
 Я душу отлетевшую его..
 И воскрешу Кагана!..

*...Кладёт кобыз рядом с могилой, берёт в правую руку посох и
 начинает камлать... Доводит себя до экстаза, который нисходит
 на шамана-баксы, — и словно бы другой голос начинает в нём
 говорить: бормотать, хрипеть, выкрикивать...*

Ну-ка! Ну-ка!
 Айда! Айда!
 О мира суть!
 Все твари на Земле!
 На Небе!
 Трава, леса, зверьё, моря и горы!..
 О лживый мир
 И люди — твой нарост!..
 Поток идёт, поток!
 Он белый, синий
 И чёрный, красный, жёлтый, голубой!
 Он зелен, как листва.
 И сер, как пепел!..
 Идёт, идёт, идёт
 Через тебя!
 Всё зло, все муки, вся отрава
 Земли и Неба,
 Ну-ка! Ну-ка! Ну-ка!..
 Верблюды мой одногорбый,
 Нар могучий!
 Тулпар мой быстроногий,

На подмогу!
 Волк черногривый,
 С шерстью голубою!
 Айда! Айда!
 Идёт!
 Пошло! Пошло!
 У-у! У-у! У-у! У-у!
 О лживый мир!
 Поток!..
 Идёт!
 Пошло!..
 Всё! Буду оживлять!..
 Да сядет снова Каган-Правитель
 На свой трон высокий!
 Да водрузят опять его корону
 На круглый, как казан,
 Его калган!
 Пусть снова властвует, и тешится, смеётся,
 Пусть жрёт и оправляется, как встарь...
 Пусть снова раздаёт кому попало
 Богатства те, что всем принадлежат...
 Бахвалится пусть мудростью своею,
 Красуется величию своим...
 Народ же бедный пусть, как прежде, стонет
 И слёзы льёт в бессилии пустом...

...Падает на землю, обессилен... Но мертвец — не оживает...

Но что это?..
 О люди!
 Неужели, — баксы, — я дара своего лишился?!
 Обмякло тело, нету сил подняться,
 И свет померк в очах...
 Я слаб... Я пуст... Я пуст...
 Скажите мне, ответьте,
 Кто забрал,
 Навек унёс Кагана душу?.. Кто?!

Г о л о с а

- Напасть!
- Беда!
- То Азраил забрал!
- То Ангел смерти к нам слетел на землю!
- Его крыла, как кровь, темны, багровы...

К о р к у т

Е-е! Теперь я понял, в чьих руках душа
Кагана вашего...

Г о л о с а

- То — Смерть!
- То — Ангел Смерти!
- То — Азраил кровавокрылый был!

К о р к у т

Неужто здесь вся мощь моя бессильна?
Не верю!
Мне сразиться надо с ним.
Зовите Смерть на этот бой последний,
Я ж дух переведу
И силы наберусь —
А после выйду с ней на поединок.
Клянусь, что из когтей её костлявых
Я вырву душу Бека наконец!..

С м е р т ь

(восстаёт из отверстой могилы)
Тебе в подлунном мире сорок лет
Отпущено прожить,
Всего лишь сорок,
Коркут!..

К о р к у т

И кто мне это говорит...
Не ты ль, Костлявая,
С косою своей ржавой?!

Врёшь, подлая,
Мне — жить, и жить, и жить!

С м е р т ь

Ха-ха! Как бы не так, упрямец!
Тебе сегодня — ровно сорок лет.
Сегодня, слышишь,
Попадёшь мне в руки!..

К о р к у т

Нет-нет...
Ах да...Мне ж нынче — сорок!..
Но разве то предел? Не верю, нет!
Ещё ведь я не отыскал ответа,
В чём смысл бытия?
Нет! Мне и дальше — жить!

С м е р т ь

Как бы не так, сказитель простодырый!
Глупец упряма —
В бессмертие он верит.
Протри глаза —
Твой в жизни вышел срок.
Кем возомнил себя —
Ужели фараоном?
Такой же ты властитель, как пророк...
Ничтожный раб,
Всего лишь раб ты Божий, —
Как ты про это позабыть посмел?!
Гордыня верх взяла?
За то — ответишь:
Всевышний отвергает гордецов.

К о р к у т

Старуха чёрная, ты смрадным хладом веешь,
В глазницах угли адские горят,
Твой мерзкий дух могильный нагоняет

Повсюду страх...
 Но я,
 Я не боюсь тебя!

С м е р т ь
 Безмозглый остолоп!..
 Он рассуждает про облик мой,
 Когда одной ногой
 Сам, сам уже стоит в могиле.
 Не чуешь разве?..

К о р к у т
 Прежде чем умру,
 Мне объясни:
 Не от тебя ль погибель?
 Кто ты?..

С м е р т ь
 Изволь, скажу:
 Я — Смерть.
 Я — всем конец на этом белом свете,
 Я — Ангел Смерти, Ангел Азраил,
 Крыла мои то алы, то багровы,
 А то черны — от вашей чёрной крови,
 Но мир не смеет на меня взглянуть —
 Ему я в образе карги являюсь
 Костлявой и с зазубренной косой —
 Но та коса не так тупа, приятель,
 Как думаешь,
 Легко срезает всех она под корень...
 Глаза мои горят неутолимо —
 Я жажду всех живых принять в объятия
 И упокоить с миром навсегда.
 Смыкаю очи я младенцам, старцам,
 Богатырям и нёмошным бродягам,
 Молодкам, пожилым, чернобородым —
 Всем, всем глаза засыплю я песком.

Земное чрево каждого поглотит
 В свой час...
 Вот в чём моя работа.
 Вот почему так холодом и веет вам от меня —
 То холод Преисподней,
 Вот почему меня страшитесь вы.
 Я нынче за тобой пришла, сказитель,
 Не ты ли давеча, болтун несносный,
 С самим Создателем себя сравнил?!
 Ты воскресить Кагана похвалялся —
 Да ты никак сегодня обезумел!
 За всё, за всё заплатишься, негодник!
 Ты звал меня на бой —
 Тогда держись!..

Коркут

Так ты на самом деле — Смерть?
 По правде?..

Смерть

Да.

Коркут

Мне верится с трудом.

Смерть

Не веришь?

Коркут

Нет.

Хоть давеча ослаб я,
 Не верю рассказням твоим пустым.
 Шагай своей дорогой, Старая...

Смерть

Ах так?! Тогда смотри, негодный!
 Правителя сейчас я мигом воскрешу!

*...Могильная яма расходитя в глубину. Волной смрадного
ледяного холода обдаёт всех... Народ в ужасе падает на землю,
не смея поднять глаз... Один Коркут стоит...*

П р а в и т е л ь

Эй, чернь! Простолюдины! Эй!
(*Оглядывается.*)
Чего собрались в кучу? Что за слёзы?
(*Народ молчит.*)
Оплакиваете, что ли, мертвеца?
Кто умер?!
Чей тут гроб стоит?
(*Собравшиеся безмолвствуют.*)
Кобыз у ямы...
Чей это кобыз?
(*Все молчат.*)
Я спрашиваю вас, презренных.
Отвечайте!

Г о л о с а

— Коркута!
— О Каган, Коркута!..
— Восстал ты,
Повелитель, пощади!..

П р а в и т е л ь

Мо-ги-ла?..
А могила это чья?
Кого тут в землю закопали вы?..
(*Поворачивается к Смерти.*)
Уж не твоя ль, Старуха, то могила?
Хоть ты ответь мне, труп полуживой!

С м е р т ь (*испуганно*)

Тво... тво...
Нет-нет...

М-мо... м-мо...

Нет, не моя!..

П р а в и т е л ь

Так чья ж могила,

Оборванцы,

Чья?!

...Затмение солнца... Землетрясение...

Г о л о с а

— Коркута...

— Да, Коркута...

— Впрямь — его...

П р а в и т е л ь

Так он подох, бродяга нечестивый?

Выходит, всё же смертен был Коркут!..

Г о л о с а

— Нет-нет, не умер он...

— Он жив, он с нами...

— Пока живой, о Повелитель наш!..

П р а в и т е л ь

Но коли жив — куда он подевался?..

Г о л о с а

— Он при смерти...

— Вот-вот умрёт, бедняга...

— Одной ногой в могиле уж стоит...

П р а в и т е л ь

(видит наконец Коркута)

Так ты и есть тот самый проходимец,

Что мой народ сбивает с толку песней?

Зачем ты мутишь воду, негодяй?!

Зачем зовёшь ты к смуте, к мятежу?!

(Поднимает с земли кобыз.)

Ответь мне,
 Сам ты зло несёшь народу
 Или же в том повинен твой кобыз?

Коркут

Правитель-Бек —
 Вот кто народу зло приносит,
 И холуи, подобные тебе!

Правитель

Так-так... понятно!
 Сам своим ответом
 Могилу вырыл ты себе, Коркут!
(Обращаясь к народу)
 Простолюдины!
 Все!
 От мала до велика
 Немедля повинуйтесь!
 Велю Коркута вместе с деревяшкой
 Его поганой в землю закопать!
 Да будет проклят!..
(Швыряет кобыз в могилу.)
 А я пойду пройдусь...
 Давненько не гулял в саду своём дворцовом,
 Да и страной пора поуправлять...

Нукеры

— Дорогу Беку!
 — Расступись, толпа!
 — Эй, прочь отсюда, чернь!..
 — Каган идёт! Правитель!..

Коркут

(вслед Кагану):

Ну смех и грех!
 Раздулся, словно боров!
 Ведёт себя, как Бог,
 А сам — тупой божок!..

Толпа расступается перед нукерами и окружает Коркута, чтобы исполнить приказ Правителя и бросить певца в могилу.

С м е р т ь

Жа!

(Народ застывает.)

Не сметь!

Ну что, Коркут, увидел,

Что ты бессилён мёртвых воскрешать?!

А я — всесильна!..

К о р к у т

Да, я убедился...

С м е р т ь

Потешился Правитель над тобой?!

К о р к у т

Что ж, от души,

Точней сказать — душонки...

Но лишь одно я нынче понял точно —

Что мёртвому воскреснуть не дано!

С м е р т ь

Да почему ж?

К о р к у т

Бек — просто труп живой.

А впрочем, даже хуже мёртвого, хоть ходит,

Повелевает,

Он — просто заводной болван,

Из царства мёртвых посланный сюда.

С м е р т ь

Игрушка — говоришь?..

К о р к у т

А что, не правда, что ли?

С таким вождём нас ждёт одно —

Погибель...

Мне горько... Что за чёрная судьба...

С м е р т ь

Всё о народе слёзы льёшь, Сказитель?

Ты б о себе подумал —

Прям сейчас

Я заберу с собою твою душу.

К о р к у т

Позволь мне слово напоследок молвить...

С м е р т ь

Ну, говори!

К о р к у т

Ответь мне, Смерть,

Зачем так много на земле

Божков поразвелось?

С чего бы это?

Творят, что вздумается,

Ничтожные создания, —

И мнят себя богами, не иначе.

Народ ободран —

И не протестует.

Гнобят, знобят

Иль просто —

В спину нож...

Выходит, сила есть — ума не надо?

И почему дана злодеям власть?!

С м е р т ь

Так вот ты отчего тоскуешь сердцем!

Твоя печаль отныне мне понятна:

Свет разума покоя не даёт...

Но попусту, певец, твои страдания:

Божки земные —

Только лишь лжебоги,
Ни в чём они не властны...

Коркут

Кто же властен — Бог?

Смерть

Поистине один Владыка — Тенгри!
Он всемогущ, всемилостив, всесправедлив.

Коркут

Тогда зачем же лжи он позволяет править?
Иль, может быть, ему по нраву это?
Ответь!

Смерть

Нет! Никогда! Не терпит Тенгри лжи!
Но — попускает,
По людским грехам,
Ей быть на свете...
На всё на то
Не наша воля — Божья.
А Божьей воли — не дано понять!

Коркут

Блещат медяшки, будто золото они,
И кто-то ложь на веру принимает...
Неужто же и я сверкнул дешёвкой,
Коль Богом объявить себя посмел?!.

Смерть

Нет, ты не лжив,
Обман не по тебе.
То злую шутку над тобой
Судьба сыграла.
Конечно, ты не Бог,
Как и никто,
Но ты как человек — богоподобен.

Живёшь в миру — но не от мира ты,
 Между Землёй и Небом ты скиталец,
 Ошибка Бога —
 Вот ты кто, Коркут...
 Да ведь не ошибается Всевышний...
 Знать, ты —
 Таким —
 Ему на свете нужен!
 И вот ещё что я тебе отвечу:
 Ты сам сгоришь в пожаре, что разжѐг, —
 Земную жизнь ты в сорок лет окончишь.

Коркут
(сам себе)

Жаль, что об этом раньше я не знал, —
 Бездумно было б лучше жить на свете,
 Как отродясь живёт себе весь род людской...
(Смерти)
 О Смерть! Прошу тебя, прошу,
 Ты душу грешную мою прости,
 Не забирай с собой,
 Пусть поживёт она ещё на свете...

Смерть

Ты, дурачок, не понял ничего.
 Не в моей мочи
 Дать тебе прощенье.
 Хоть над любой жизнью властна я,
 Но лишь по воле Божьей —
 Не своей.

Коркут

Так значит, и рожденье, и кончина —
 Всё в мире только лишь по воле Тенгри?!

Смерть

А ты как думал?

Коркут

Так вот же что оно!..
 А я-то всё никак не мог понять,
 Зачем ты, Смерть, болтлива, словно баба,
 Что ни попало мелешь языком,
 А дел не делаешь...
 Всё ясно! Ты — как я:
 Мы оба —
 Лишь рабы у Тенгри...
 Так не спеши!
 Куда? Зачем? К чему?..
 Я, преклонив колени,
 Желаю с самим Богом говорить!
(Воздымает руки к Небу.)
 О Тенгри!
 О Всемогущий из могучих!
 Всемиловейший из милосердных!
 Ты жизнью меня, Боже, одарил!..
 Тебе подвластно всё, что существует,
 Что было прежде,
 Что ещё пребудет,
 Всё поклоняется Тебе и молит:
 И тварь небесная, и тварь земная,
 На всё под небом
 Воля лишь — Твоя!
 И даже Смерть не может прекословить
 Тебе, о Бог,
 Владыка мироздания, —
 Вот почему готов отдать я душу
 Тебе лишь одному, Господь миров!

...Затмение солнца... Землетрясение...

Тенгри
(Смерти)

Посрамлена ты, Смерть, великой правдой —
 Мой свет Коркута душу озарил.
 Он понял жизни суть,

И Я за это
 Продляю жизнь его.
 Одно условие —
 Взамен своей души
 Пусть мне Коркут другую душу даст.

С м е р т ь
(Коркуту)

Ты слышал?! Слышал?! Это Божья воля!
 Тебе всё ясно?..

К о р к у т

Оно-то ясно, только...
 Чужую душу где же я возьму?..
 Кто пожелает со своей расстаться?
 Кому охота жертвой в яму лечь?..

С м е р т ь

Подумай, не спеши, но помни —
 Время
 Не ждёт...
 Счёт начался, пошёл!

К о р к у т

Мгновенье, может быть, осталось...
 Что же делать?!
 Лишь миг...
 Так что?!
 О, понял наконец!..
 В толпе отец мой — звать Каракожа,
 И мать моя предобрая — Камка,
 Рапиль — бесстрашный воин,
 Он мой друг,
 И жизни спутница моей — Нике...
 Тут, кроме всех,
 Любовь моя — Сарын...
 Да только вот недавно понесла
 Под сердцем у себя моё дитя...

Ты кличь сюда их всех, о Ангел Смерти!
 Мне больше некого на помощь звать.
 Коль в жертву принесёт себя хоть кто-то —
 То поживу ещё под небом я.

С м е р т ь

Ну что же — я зову:
 А ну-ка, подойдите!

Все названные Коркутом выходят из толпы.

Вот твой отец — огуз Каракожа,
 Вот мать Камка — из племени кыпшаков,
 А вот соратник с детства твой — Рапиль,
 Подруга жизни — нежная Камка...
 Эй, Каракожа! Куда ты?..
 Что пятишься понуро?..
 Ответь,
 Готов ли душу ты отдать
 За сына своего родного... А?!

К а р а к о ж а

Нет-нет, за что пытаешь, Азраил?!
 Да, я отец Коркута, я не спорю,
 Хотя... Как знать... Отец я или нет?
 Рожденья тайну знает только баба.
 Мужик не знает...
 Вот с неё и спрос...

К а м к а

(Каракоже)

О, горе мне! позор!..
 Ты, что ли, старый, из ума повыжил?
 Несёшь напраслину,
 Клевещешь на меня!..
 Иль ты решил назвать себя бесплодным?
 От сына отрекаешься, осёл?!
(Смерти)

Да что я,
 Беспорочной зачинала
 Дитя своё?!
 Или гуляла разве с кем?!
 Честна я перед мужем и пред Богом,
 Что муженёк посеял — пусть и жнёт.
 На том закончим этот спор позорный:
 Не мне —
 Каракоже в могилу лезть!
(Скрывается в толпе, напоследок бросая мужу:)
 О старый пёс, пройдоха шелудивый!..
 Спасаете шкуру?..
 Завилял хвостом?!

К а р а к о ж а

(падает перед Коркутом и целует ему ноги)

Мой сын родной,
 Единственный, любимый!
 Когда родился ты —
 Ох же и пир задал я!
 Я девять табунов отдал под нож,
 Кумыс рекою лился и шубат,
 Огузы и кипшаки — все наелись.
 Надеюсь, ты оценишь мою щедрость —
 Ответишь благодарностью своей.
 Прошу тебя, молю —
 Скажи ей, Смерти,
 Что душу я свою отдать не в силах,
 Бесценна же она —
 Мне без неё не жить!..
 Пусть всё моё богатство забирает,
 Те земли, что в отрогах Каратау,
 И табуны прекрасных скакунов,
 Овец моих бесчисленных отары,
 И золото моё и серебро —
 Всё отдаю, что есть... Не пожалею!..
 Но душу — не отдам!
 Души дороже — нет!

Ты умоли костлявую Старуху!..
 Я жить хочу —
 Проси её, проси!..

К о р к у т
 (Рапилью)

А ты, мой друг, что ты в ответ мне скажешь?

Р а п и л ь

Когда бы ты к неверным в плен попал
 И заточили тебя в башню на горе,
 Не зная страха, жизни не щадя,
 Я бросился б нёмедля в бой неравный,
 Лишь только бы тебя освободить.
 Но душу мне сейчас отдать?!
 Прости, Коркут, —
 Пожертвовать душой своей бессилён.
 Отец твой прав —
 Душа всего дороже...
 Прости меня —
 И другом не считай...

К о р к у т

А ты, моя Нике!..
 Ты не забыла
 Блаженных дней любви,
 Безоблачных, как небо
 Весны,
 И тысячу ночей,
 Когда в моих объятьях ты сгорала
 От сладострастия и от любви...
 В руках моих — о, помнишь! — ты шептала,
 Что больше жизни любишь ты меня...
 А вот теперь что скажешь, дорогая?
 Готова ль душу за меня отдать?..

Н и к е

Коркут, ну что ответить мне на это?
 Что было — то прошло...

Безумная любовь,
 И ласки пылкие, и хмель объятий...
 Воды с тех пор нёмало утекло...
 Да что там!
 И с другими я любилаь,
 И кое-кто — тебя покрепче был.
 А нынче... Нынче осень на душе,
 И страсть увяла, как цветок осенний, —
 Мне до тебя теперь и дела нет.

*Коркут выслушал всех — и начинает прощаться с жизнью...
 И вдруг сквозь толпу прорывается красавица Сарын.*

С а р ы н

Я...
 Коркут, ты слышишь, слышишь?..
 Я, Коркут,
 Согласна душу за тебя отдать, любимый!..
 (Смерти)
 О Азраил! Ты за душой пришёл? Бери мою!..

С м е р т ь
 (в недоумении)

Ты кто?

С а р ы н
 Его люблю я...

С м е р т ь
 Чем подтвердишь?
 Свидетели-то есть?..

С а р ы н
 Лишь светлый день
 Да ночка в жарких звёздах,
 Земля и небо, и весь белый свет —
 Свидетели мои...
 И Тенгри всемогущий...

И праотец Адам,
 Праматерь Ева...
 Они ли — не свидетели мои!..
 И, наконец, свидетель самый лучший —
 Дитя моё,
 Кого ношу под сердцем,
 Он — сын Коркута.
 Слышишь, Азраил?!
 Так забирай скорее мою душу.
 Я за любимого — всем жертвую тебе!

*Краснокрылый Ангел Смерти Азраил поражён этими словами...
 А девушка, обхватив голову руками, шатается, как безумная:
 последние силы оставляют её, она еле-еле дышит...*

С м е р т ь

Красавица Сарын,
 Ты покорила
 Меня —
 Да ты умна, мудра!..
 Что делать мне с тобой — я и не знаю,
 Ведь не хватает духу жизнь забрать
 У той, что пламенно так любит...
 К тому ж, не скрою, тут ребёнок,
 Которого, Сарын, под сердцем носишь...
 По сути, две души — а не одна...
 Нет-нет, пожалуй, я уйду с дороги,
 Не смею тронуть...
 Но постой... постой...
 Сам Тенгри повелел забрать мне душу —
 Ослушаться Его я не могу!..

К о р к у т

Тогда свою
 Тебе я душу отдаю!
 Прошу лишь об одном...
 Дай напоследок в руки взять кобыз,
 В последний раз слух усладить мелодией его.

Я песнею прощусь с родной землёй,
 С Великой степью
 И с тобой, Сарын,
 И с мальчиком моим, что ты родишь мне завтра...

С м е р т ь

Ну что ж, играй себе, Коркут!
 Вот твой Шыргай-кобыз —
 Я рада и послушать
 Певучее звучанье этих струн,
 Что память бередит любовью и тоскою...

*Отдаёт Коркуту в руки инструмент... а сама
 отходит к развёрстой могиле...*

К о р к у т

Ал-Дуние! О Мирозданье-Жизнь!
 Недурно я прожил на белом свете,
 Вкусил сполна и радости, и муки,
 Любви и счастья —
 Скорби и тоски.
 И понял наконец — бессмертья нет.
 Как искра, жизнь сгорает,
 Раз — и нету...
 Прощай, о белый свет! Навек прощай...
 (*Играет на кобызе.*)
 Но всё ж недаром небо я коптил,
 Нет, не зазря...
 Я ухожу из жизни,
 Но на Земле останется — кобыз!
 Да, мой кобыз — душа моя и песня,
 Лишь тронь струну — мой голос запоёт!..
 Я сам когда-то выстругал его из Дерева-Шыргай,
 Что опалила молния с небес, —
 Её сам Бог пустил!..
 Потом я в шкуру белой верблюдицы
 Свой завернул кобыз певучий
 И высушил его, чтоб звук был чистым,

Любовью напоённым и печалью,
 Как одинокая моя душа...
 И струны, и смычок я смастерил
 Из пышного хвоста красавца-аргамака,
 Подставку же для струн —
 Из рога горного козла...
 По воле Божьей создан мой кобыз!..
 В последний раз на верный лад настрою —
 И вот, Всевышний,
 Я — Тебе пою!
 Заклял меня Ты песенным заклатьем —
 И мир познал заклатье моё.
 Коль Ты, Господь, мне снова не ответишь —
 Прими Коркута дар —
 Его кобыз!..
 А жизнь, что некогда Ты дал мне, Тенгри,
 Пошлю куда подальше!..
 Всё!.. Свободен!..

...С первыми же звуками кобыза Смерть пятится, отступает к могиле — а земля в могиле разверзается всё больше и больше... И Смерть погружается в эту отверстую пасть могильной ямы... Коркут, приметив это, играет всё лучше, сильнее... Но только лишь он перестаёт играть, как толпа, в ужасе и страхе, кричит: «Могилы Коркута! Могилы Коркута!» Тогда певец понимает: надо играть на волшебном кобызе не переставая, иначе гибели не избежать... Он всех завораживает своей музыкой — а тем временем уводит с собой Сарын всё дальше от толпы, от могилы, от смерти...

О свет очей моих, Сарын!
 Свободен я!
 Оковы пали Божьи!..
 И, кажется, я только начинаю
 Свой понимать кобыз и песнь его...
 Хоть Смерть везде меня настигнуть может —
 Пред звуками кобыза Смерть бессильна...
 Скорей, скорей, Сарын,

Бежать нам надо
 Подальше... скрыться,
 Пока ты сына не родишь...
 Лишь только бы играть хватило сил!..
 На берегу родимой Сырдарьи
 Пасётся верблюдица Желмая,
 Она бела как снег и величава...
 Её я заколю —
 На солнце шкуру высушу
 И лодку смастерю...
 И мы с тобой по волнам уплывём,
 Моя Сарын!
 Пускай нас Смерть поищет!..
 Идём, идём!
 Нас гибель не найдёт!..

* * *

...На берегу Сырдарьи Коркут предаёт закланию белую верблюдицу Желмаю, делает из высушенной шкуры волшебную лодку-ковёр — не прекращая играть на кобызе, напевом отгоняя от себя Смерть... Тем временем у Сарын рождается ребёнок...

С а р ы н
 (укачивая сына)

Родимый мой сыночек, баю-бай,
 Души моей отрада и услада...
 Вон твой отец на берегу реки!..
 Как счастлива я,
 Как благодарна Богу
 За каждое мгновение,
 Что вижу Коркута моего!..
 Любимый, баю-бай...
 Ты голоден, наверно, малыш?..
 Но грудь моя пуста,
 Иссохла я...
 О Смерть! Мы на твоей ладони —
 И я, и мой младенец-сын.

О Ангел Смерти!
Ждать ли от тебя пощады?!

К о р к у т

Усни, сынок.
Ты слышишь? Баю-бай...
О свет моих очей, малыш мой сладкий!
Не плачь,
Нас пожалей —
Отца и мать.
Смерть сети мне раскинула повсюду —
Никак, нигде не вырваться из них...
Ты в муках, сын, на белый свет явился,
Тебя нарёк я именем прекрасным,
Навек запомни:
Звать тебя — Казах!

...День и ночь Коркут играет, ни на миг не оставляя певучих струн кобыза... Тем временем по берегу Сырдарьи ползёт змея — это Смерть обернулась змеей, чтобы наконец подкрасться незаметно к певцу... Змея подползает, подкарауливает миг, когда изнурённый сказитель засыпает, прекратив играть, и вонзает в Коркута своё жало...

К о р к у т

(умирая, к Смерти)

О!.. Как ни убегал,
Как ни скрывался,
Достала ты меня, Погибель...
Видать, ни одному из человеков
Уйти от Смерти в жизни не дано.
Что ж, подчиняюсь воле я твоей...
Позволь, о Смерть,
Ещё хоть слово молвить...
Не зря, не зря я прожил жизнь мою,
Коль есть, что сыну на земле оставить...
Я завещаю моему Казаху,
Что всех любимее в подлунном мире, —

Шыргай-кобыз,
Его златую песнь!
Прощайте, предки!
Вы, огузы и кыпчаки,
Прощайте,
Долгой жизни вам желаю...
Меня же схороните в Казалы,
На Родине...
О, как прекрасна жизнь!..
Но... кончено...
И Божьей воле я душу предаю...
Ал-Дуние!..

Смерть принимает из рук умирающего Коркута кобыз — и не знает, что дальше делать... Смотрит то на замолкшего певца, то на стихнувший его кобыз... то на льющую слёзы Сарын, то на уснувшего сына-младенца... И долго стоит перед ними в глубокой задумчивости...

ГАЛЫМ ЖАЙЛЫБАЙ

БЕЛЫЙ СИТЕЦ

(«Ак сиса»¹)

Поэма

I

Во имя Всевышнего² — начинаю,
сверкает заточенная душа,
страна от края лежит до края
Баян-Аула и Иртыша...

Мой брат, у нас впереди вершины!
Несётся август, как аргамак.
Я стих сплетаю — так жизнь решила! —
из полноводных ручьёв в горах!

Как конь ретивый, несётся песня,
вдохни старинных поверий дым...
Я начинаю дастан чудесный —
О, бисмилла рахмани рахим!..³

А вдохновение, словно пленник,
в душе, постигшей мир и века...
Что делать, если мой современник
не знает чистого родника?

Я сохраняю любовь и веру,
не вбить промежду словами клин!
Что делать бедному Кулагеру,
куда скакать среди мёртвых глин?

Пусть степь не станет аэродромом
для приземленья тупых ворон...

¹ «Ак сиса» (в переводе с казахского на русский — «Белый ситец») — так называется песня известного народного певца и композитора Жаяу Мусы, прадеда Олжаса Сулейменова.

² Первая строка молитвы — *рус.*

³ Первая строка молитвы — *араб.*

Поэт обласкан родимым домом,
в родное небо навек влюблён.

Лелей и пестуй, Солнце, поэта!

Поэт, душою не остывай! —
я из Акбета пропел куплеты
на вольном озере Жасыбай!

Зелёный мир — это сад блаженный,
где лебедь белая на волне,
здесь жизнь, не ведая поражений,
смысл вечности открывает мне...

Для Бай Аны этот мир воскресный
и расцветающий на глазах!
Любой простор превращает в песню
влюблённый в мирную степь казах.

На склонах вечного Баян-Тау
мы воспеваем прекрасный взор,
когда озёра, весною тая,
похожи так на глаза сестёр...

Озёра — вечные наши сёстры.
Глаза Баян, как в степях костры...
Пусть камни на Акбеттау остры,
по ним ступала нога сестры!..

И в смерти не разлюблю Акбеттау...
Кто не печалится по Баян?!
В родном краю я иду по краю —
как пыль, стирая с души туман.

А ночь тебя наполняет счастьем,
даря удачу и свет луны,
борясь в камнях Сарыарки с ненастьем,
как миражи, разгоняет сны...

Вот ночь уходит, а с нею думы,
что наполняют ночную тьму,
и утро медленно и угрюмо
приподнимает свою чалму...

Кочевья предков! В степях туманы!
И на груди Акбеттау свет
напоминает про караваны
народных горестей и побед.

Не забывай про своё кочевье,
не забывай про свой Путь, Народ,
всё остальное — просто никчемно,
и только память ведёт вперёд!

О Жасыбай! Ты опять уснуло,
кровь по сосудам бежит, легка,
а на вершинах Баян-Аула
судьбой стреножены облака...

II

К ним сосны тянутся колкой хвоей.
О, если б можно связать узлом
моей надежды обрывки, кои
качают лодку печальным сном...

Зима тосклива без снегопада —
буран замёл земляной тандыр,
но рвётся в будущее — так надо! —
играя гривой, конь Алконыр!

А на весенних моих вершинах
уже токуют тетерева,
от переплеска крыл журавлиных
хмельная кружится голова...

Ужель не станем с тобой счастливы?
Грусть и уныние до конца?
Не зря по склонам склонились ивы,
берёзам радуются сердца!..

Лес мне доверит любые мысли —
от Найзатаса и Коргана,
над тополями мира повисли,
и песня таволги чуть слышна.

Я обернусь на дороги предка —
как величава его стезя!
От птичьих песен качнулась ветка —
чу! — это чудо спугнуть нельзя.

Ты победил, одолев потёмки,
путы распутав, нащупав путь,
веруя в то, что твои потомки
в каждом мгновеньи отыщут суть...

Пусть не всегда ты ловил удачу,
но вдохновения ждал всегда,
«Жизнь пролетает, смеясь и плача:
юные надо ценить года!» —

Так говорил нам сын Суюндика,
так озарения ждал Машхур,
так над вершинами сокол дикий
вьётся на крыльях великих сур.

Ты миновал перевал Акбета,
воистину будущим становясь,
словно предсказаны в песнях деда
Султанмахмут, Жусипбек, Олжас...

Каныш, Алькей и Шакен — утёсы
народной истины на века,
над степью ходят ветра, как косы,
и расступаются облака...

Дети страны, над которой светит —
не угасая! — звезда Чокан¹,
тучи расходятся — небо метит
благословенный звёздный чекан.

Славная степь создана из камня —
он драгоценен, степной агат,
не потому ли навек близка мне
совесть певца и его талант!

Бренная жизнь, как путь каравана.
Долго хранится ли память дня,
что у акына Мусы — сын Шормана
взял и похитил его коня?..

III

Фортуна перевернёт страницу,
табун пополнился Мустапы,
а Пеший Муса заточён в темницу,
и здесь его тело сосут клопы...

За то, что пожаловался на бая,
сквозь зарешёченное окно

¹ Чокан Валиханов.

смотри на мир — и судьба слепая
с толпой и судьями заодно.

Здесь нету правил — сырой колодец,
в душе акына горит огонь,
и мнится пламенный иноходец —
в мечтах прославленный Синий конь.

Не унывает акын и в горе —
он верит в праведную судьбу,
он вспоминает родные горы
и им протоптанную тропу...

В тюремной камере — зло и жёстко,
вокруг воруги и нищета,
пусть заточён он в острог Тобольска
и окружает его вражда.

Пусть в собеседники рвутся блохи,
объемлет сердце его пожар,
он сын жестокой своей эпохи, —
что современности — Божий дар?

Так держат в тесном вольере птицу,
и ей никак не взмахнуть крылом...
Да, заточили певца в темницу,
а был он истинным соловьём.

Муса — ограбленный, Безлошадный,
в темнице мается, как святой,
сражён не пулею беспощадной,
а беспределом и клеветой...

К нёму Каржаса детей проклятья
за кровь потерянного отца.
Он ни при чём здесь... но разобраться
к нёму никто не пришлёт писца.

По нечестивому наговору
ему впяли двенадцать лет,
как уголовнику или вору, —
за грех чужой он несёт ответ.

«За мной, — он знает, — родные степи,
страна родная, родной народ,
и что мне в жизни любые цепи,
когда душа соловьём поёт?!»

Она поёт о прекрасной вере,
о правде, рвущейся в небеса,
она оплакивает потери, —
вот как творит Жаяу Муса...

Наш Пеший Гений, степное солнце,
взмахнувший крыльями гусь души,
а свет ворвётся в твоё оконце,
так песни Пешего хороши!

Свет над камнями Баян-Тау,
над вещим озером Жасыбай...
Акын откроет народу тайну,
про горечь жизни и отчий край.

О мой народ, ты ходил по кругу,
по кругу горечи и беды,
твои поэты — родня друг другу,
горят в истории их следы.

Я пронесусь по камням ланью
во имя песенного Муссы,
и даже пыль не взметнётся ранью
над степью, влажною от росы.

Вперёд! Лети, караван полудня!
Бесценны в мире слова певца,
и пусть поэтам бывает трудно,
творить обязаны до конца...

О, даже выразить не смогу я,
что ложь, как ястребы, душу рвёт,
но пусть оборваны струны кюя,
душа акына для всех поёт.

Ему не могут простить порыва
отец Шорман и подлец-мурза,
им неизвестно, как плачет ива,
врастая ветками в небеса.

Они простить бунтаря не в силах,
они боятся в своей злобё,
что в мире радостных и красивых
им будет очень не по себе.

Муса характером простодушным
справлялся с ужасами тюрьмы,

не унывал в каземате душном
и не боялся казённой тьмы.

О, Синий Конь Золотого Века
ещё прискачет в свою страну,
а где-то тайно глаголет Мекка —
и сердце чует её струну.

В застенке корки тверды, как камни,
мой друг, попробуй-ка разгрызи,
но со стихами судьба легка мне
и не позволит пропасть в грязи...

Акын стал совестью Акбетгау,
он, Пеший, всаднику отомстил,
и, над озёрами пролетая,
трепещут тысячи звонких крыл...

Степь словно создана для казаха,
и он с провидческим посошком
без опасения и без страха
быстрее конных идёт пешком!

Пронизан светом Баян-Аула,
он выпрямляется в полный рост,
он быstroног, и его фигура
как бы протягивается до звёзд.

IV

Что там всякие шуточки:
сели — радость для взора! —
сине-пёстрые уточки
на степные озёра...

Воспитали родители —
и наметили цели...
Воспевали сказители
тонкорунные степи...

Как небесные соколы
на вершинах эпохи,
с восхищением цокали
про румяные щёки...

Протянулась дороженька
ввысь — к победам и ранам,

песнь несётся — не трожь её! —
быстроногим куланом!

Не удача ли Пешего
сквозь столетья промчатся,
чтоб от Родины бережно
отводить все несчастья?!

Бресть походкою ладною,
обгоняя светила:
чтоб над тьмой *безлошадною*
быстро солнце всходило...

Ох вы, степи безлюдные —
с быстроногими ланями,
наши замыслы трудные
прорастают тюльпанами.

Ах, Баян, — словно шёлковые,
твои камни ласкались,
ах, холмы эти жёлтые —
неизбывная радость!

Дни вставали за лунами,
солнце прочило ночи,
и тамга, словно рунами,
вся покрыта пророчествами.

Шли, гремели веригами,
но всегда и поныне
наши степи великие
будут неуязвимы...

...Суть тенгрианства жива от века:
чёрная почва — и неба синь,
а между ними — Сын человека
был создан, как явствует «*Кюльтегин*».

Покуда степи неуязвимы
и не порушены небеса,
стихами царствует между ними
великолепный акын Муса.

В степях метельных ветров излишек,
но не сдаётся упругий стих:
здесь о Баяне легенды дышат,
хочу поведать одну из них...

Заря целует планету в темя —
 Замри на солнечной стороне!
 Адам и Ева ещё в Эдеме,
 земля священная вся в огне...

Былое — в заповедях Баяна,
 без них не смог бы прожить казах.
 В степях у вас украдут барана,
 вы не поймёте, когда и как...

Здесь две соперничали общины
 за плодородный кусок земли,
 эх, наши женщины и мужчины,
 подчас несправедно жизнь вели...

Из-за участка в ладонь размером
 друзья собачились, как враги, —
 да разве можно таким примером
 возвысить душу под вой пурги?

Как не склониться печальной ивой
 пред грубой жизнью в те времена...
 Но в нашем крае самой красивой
 была от века Аппак Ана.

Ей просто не было равных в мире —
 светла, как Матерь, и так умна,
 что люди разные говорили,
 как справедлива Аппак Ана!

А двух общин разгорались споры,
 и вот, платок белоснежный сняв,
 она решила пресечь раздоры
 и проявила свой твёрдый нрав:

— Ах, осторожней, братцы,
 не надобно ругаться,
 в совместном состязанье
 проявите дерзанье,
 пусть борются батыры,
 пускай поют акыны,
 пускай ликують зрители,
 получают победители
 кусок земли с ладонь —

и разожгут огонь!
 Две разные общины,
 нам нужен общий мир,
 вы станете едины —
 зовите всех на пир!

Так взмахом белого жаулы́ка
 она примирила крутые лбы,
 в степи наездники мчались лихо
 и метко целились по жамбы.

Веселье длилось сплошные сутки,
 соревновались борцы страны,
 заря сияла, а в промежутке
 неслись могучие скакуны!

Батырам времени было мало
 себя проявить, как велит душа...
 И снова, вкрадчивая, вставала
 луна Алаша¹, так хороша!

Общины связаны пуповиной,
 её никак разорвать нельзя,
 вдруг осознали враги повинно:
 на самом деле они друзья...

Зачем, как ястребы, друг на друга
 они летят, не жалея сил?
 И замирает окрест округа,
 родные степи и неба синь...

Погибнет истина в этом споре,
 общины, в сущности, близнецы,
 зачем в огромном житейском море
 против течения гребут гребцы?

Да будет благословенна дружба,
 да будет благословен и мир —
 он то единственное, что нужно,
 и был объявлен весёлый пир!

...Пусть мирно спят дорогие предки,
 они не зря нам даруют суть,

¹ Алаш — казах, земля казахов.

на склонах ветер колышет ветки,
 день-караван пролагает путь.

В былом мы ищем своё наследство,
 как океан, разметалась степь,
 я знаю эти легенды с детства,
 а кто не знает — тот сердцем слеп.

V

Ты пропустил этот мир сквозь сердце
 бессмертным праведником, Муса,
 и «Белый ситец» — твоё наследство! —
 поют казахи как «Ак сиса»!

Вершина песенного искусства,
 как сокол, рвущийся к небесам,
 бог песни, кюй вдохновенный чувства
 дарует милость своим сынам.

Как лебединая песня — высясь,
 как бранный мир — до наива мним,
 над степью слышится «Белый ситец»,
 чтобы помочь землякам своим.

Ах, «Ак сиса» — это гимн свободе
 и марш украденных лошадей,
 когда хватаешься за поводья
 в своём бессилье среди людей...

Степь сплетена из травы и солнца,
 сквозняк тревожит её сынов,
 дорожной юрты откинь оконце —
 и «Белый ситец» взметнётся вновь!

Когда над степью косяк гусиный —
 белеет крыльями в темноте,
 то «Белый ситец» с нездешней силой
 напоминает нам о мечте...

Хороший всадник всегда в почёте,
 а Безлошадный всегда в слезах,
 вы «Белый ситец» опять споёте —
 Байжанулы оживёт в степях.

Наш гордый предок — великий слухом,
 он создал песню — степной канон,

Муса воистину крепок духом,
как Акбеттау скалистый склон!

*«Ак сиса, кызыл сиса, ситец белый,
вот и поясом затянется красавица,
я остался без коня, но без веры
никогда степной казах не останется...»*

*Ак сиса, кызыл сиса, белый ситец,
произвол тебя оставил без лошади,
вот и стал ты беглецом — пеший витязь
бедных родичей на рыночной площади.*

*Я горюю, Мустапою унижен,
безлошадный — в нищете да опасности, —
только где мой конь — гнедой или рыжий?
Предаю унижение гласности...»*

Без крыльев птица взлететь не может,
вот и осталась Мусе печаль,
и это душу акына гложет,
печальной песней несётся вдаль.

Да, ты почувствовал это рано,
мой гордый предок, певец Муса,
коня пропажа — такая рана,
её врачует лишь «Ак сиса»...

Как лунный отсвет среди потёмок,
как отблеск молнии грозовой —
твой дух воспримет дальний потомок,
склоняя голову пред тобой.

* * *

В сороковые годы девятнадцатого века казачество взяло под контроль земли Баян-Аула. Сократилось пространство зимовок и пастбищ, и усилилась вражда потомков Шормана Малкозы, сына Айдабола и общины Пешего Мусы.

Нам дарит прошлое только горечь —
поэт, стихами нутро сжигай!

Сабындыколь, ты мне сердце колешь,
рыдает озеро Жасыбай...

Легенда-песня про «Белый ситец»
горит, правдивая, как свеча,
чтоб поколенья, бедой насытятся,
взывали к правнукам сгоряча...

Как занесённая тьмой картина,
в нагорьях прячется путник наш...
Ждёт откровения от акына
край неприступный Кызылагаш.

Степь шелестит, как листы Корана:
заветы предков в душе храним, —
а солнце красное, словно рана,
ещё горит сквозь туман и дым.

Шорман-Булак всё ещё прозрачен,
на скалах соколы гнёзда вьют,
пусть ты унижен и раскулачен,
но мил акыну степной уют...

Твоя история здесь творится,
рыдай, доверчивая домбра,
степь вся распахнута, как страница,
взывая к заповедям добра!

Незабываем тот год далёкий —
вся глубь небесная смотрит вниз
на землю чёрную синим оком,
а там рыдает святой кобыз.

Воспоминанья об этом живы,
мой предок словно бы в камень врос,
когда казачьи пришли дружины
в подножье гор возвести форпост.

Во всеоружии, конной лавой
пришельцы всю захватили даль,
на атамана с шашкой кровавой
смотрел казах, не тая печаль.

Эпоха чёрная, словно ворон,
как различить, кто неправ, кто прав?

Каржас когда-то был людом полон,
сейчас стадам не хватает трав.

Муса, Шорман — вы душа народа,
она припала к степям не зря,
вот Сал Биржан свой напев заводит,
всю степь затягивает заря.

Как можно с близкими быть в раздоре —
неделя, месяц, за годом год,
Размолвка с братьями — это горе,
его не вынесет наш народ.

Душа взлетает, как будто птицы!
Бос человек без любви и гол..
...Зачем казачество к нам стремится
забить строительства первый кол.

* * *

Зачем Баян забрали мой,
мой горный склон, мою дорожку,
как будто путь прикрыли тьмой —
и мне подставили подножку?
Зачем отторгли Жасыбай
и Баян-Тау отобрали,
как будто беспощадный бай
подверг казахов злой опале..
В тоске озёра Сабанды,
в печали горы Акбеттау,
померкли очи от беды,
и не аукаются стаи..
Отпущенный на волю мной,
упал в ущелье гордый сокол.
Шорманбулак окутан тьмой,
Кызылагаш от ветра охал..

VI

Меньшинство ли заберёт сердца,
или большинство сразится с ними?
Слово одинокого певца
будет ли услышано другими?..

Взлетит ли птица, теряя крылья?
 Как жить стреноженным скакуном?
 Нет стад — и рухнули все усилья,
 Муса — один, но душа при нём...

Он знает, что при любом ненастье
 не надо прошлого проклинять,
 что в степь из прошлого птицы счастья
 со склонов начали прилетать!

Хоть душу смутное портит время,
 потомки выстроят судьбы шатёр,
 жаль, что на сердце ложится бремя
 и сократился родной простор.

Дни лихолетья, тугая привязь,
 кто будет слушать теперь Мусу?
 Шумят ветра Акбеттау, близясь,
 и спорят с водами Ашысу...

Всех слов начало вовек едино,
 так прорастают крылья легенд...
 «Построим город на Аккелине», —
 Муса посланье вложил в конверт.

Народ отметил его посланье,
 и взвился сказочный конь души:
 в краю родимом весенней ранью
 все ветви родичей хороши.

Трава прекрасного Аккелина,
 тропинки горного Акшокаы,
 огромна солнечная долина,
 доверчив праздничный шум реки!

К чему стенания и проклятья?
 Наследство предков пора ценить.
 — Ужель забыли общину братья?
 Ужель родства перегнила нить?

Нет! Кружит головы нам удача,
 долина — чудо для Айдобол,
 так как же Шорман, обо всём судача,
 приносит людям беду и боль?

Ожесточились от святотатства
 близкие, в сущности, земляки,

можно ли заново побрататься,
встретясь на пастбищах у реки?

Как же терпению не расколоться,
если горюет целый народ?
«Где же ты был?» — вопрошает солнце,
и Айдабол вас в полон берёт.

На весь простор заскрипит телега,
и жеребёнок станет конём...
— Там, где Муса ищет место ночлега,
там и Шорман поставит свой дом.

Снова в растерянности казахи,
эхо по тихим степям дрожит:
— Кто бы секиру поднял во мраке,
чтоб не боялись по юртам жить?

Снова судьба поглядит, набычась.
Снова свой свет Акбеттау льёт.
Скачет казак с удалой добычей.
Снова родня друг на друга прёт.

Опять натравлены друг на друга
наши прекрасные степняки,
а слева метёт из бывшего вьюга,
а справа доносятся сквозняки.

Мой друг, хозяин степного мира,
законы общества таковы,
но не сдаются сыны батыра,
хоть не сносить и им головы!

Потомки могучего Олжабая
так просто себя не дадут согнуть,
и в этом кроется мысль простая,
и в этом скрывается наша суть.

О Степь родимая, почему же
мы не горюем все как один,
ты потеряла степного мужа —
ушёл в неведомое акын...

Он вызвал многих на поединок,
он бросил клич за клочок земли,
и песня вспыхнула, как светильник,
и погасить его не смогли...

Он, напевая свой «Белый ситец»,
 был сердцем с близкими до конца,
 и потому, над степями высясь,
 остался праведником Муса.

Он проявил свой бойцовский норов,
 он словно молния проблестал,
 без лишних споров и разговоров,
 он, Безлошадный, крылатым стал!

Ах, «Белый ситец» — вознёсся вестью,
 что Пеший, даже и без гроша,
 быстрее всадников вечной песнью
 несётся в сумерках, чуть дыша!

Что же останется от сегодня,
 зачем расстроился Акшоқы?
 За землю, где мы живём свободно,
 из ножен вытащены клинки...

Не надо мести, не надо мщенья,
 неведом миру ушедший свет,
 поэт в Тобольске из заточенья
 семье Каржаса прислал привет.

О мой народ, ты, как склон лесистый,
 шумишь над степью в беде, тоске,
 ты наша гордость, ты «Белый ситец»,
 ты наша песня на сквозняке...

Ты песня Совести и Согласья,
 ты всех быстреей, Жаяу Муса,
 быстреей коня твой мотив прекрасный:
 летит над склонами «Ак Сиса».

* * *

«Девяносто четыре года
 я прожил на своей земле
 с песней для моего народа,
 приготовьте могилу мне...

Я служил землякам на совесть,
 это ведаёт Акшоқы!
 Сердцем вскорости успокоюсь —
 упокоюсь возле реки.

В мире тесно от звонких песен,
 песням рада душа твоя,
 мирно плещутся в поднебесьи
 гуси-лебеди бытия...

Убегаешь ли ты от счастья
 или маешься на цепи,
 в небе синем столетья мчатся
 над землёю вся Степи...

Я фитиль твоих свеч вечерних,
 возжигаемых от кремня,
 лебединый народ кочевий —
 и Казахом зовут меня!

...Сокровенное, словно роды,
 снова солнце глядит в глаза:
 девяносто четыре года
 предок жил — Жаяу Муса.

Вот и лето уходит в осень
 на предгорьях Бай Ана,
 Акшоки — посмотри из окон! —
 не в ладонь ли величина?

Домом стал, навсегда — отау
 для казаха Баян-Аул!
 Каратау и Алатау —
 здесь ненастен осенний гул?

Нескончаемы Уш Кияна
 земли и Кызылжара лес,
 степь великая несказанна
 под простором родных небес.

Стержнем жизни стихи сплетая
 и печального не тая,
 у тебя, моя степь святая,
 есть хозяин — и это я!

Не расплещется жар по скалам,
 не погаснут те огоньки:
 для казаха, по правде скажем,
 сопка каждая — Акшоки.

Дудка славная кочевая,
 ты на склонах не унывай!..

У казаха в душе — святая
сладость озера Жасыбай!..

Если голос врага окрепнет,
пеший, конный ли, — не смолчи!
Защищая наследье предков,
песни вылетят, как мечи.

Я со временем вечно в споре,
и найду я свой Жеруюк,
заклинаю: исчезни, горе,
сгинь, несчастье и тьма вокруг...

Не боясь непонятных знаков,
знаю, жизни смотря в глаза,
что судьбою для всех казахов
ввысь возносится «Ак сиса».

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО, ИЛИ АУЛ ПЕШЕГО МУСЫ

Открылись древние места —
низовья Акбетгау,
здесь родовитых неспроста
семейства обитали...

Настигло прошлое меня —
ударом тайным в спину:
здесь Мустапа отнял коня
у Пешего Акына.

И тихо смотрят небеса,
наполненные гулом:
великой песней стал Муса
и праздничным аулом.

Акын навеки наша честь —
жива его идея!
Покуда праведники есть,
останутся злодеи...

Впустую не проходят дни,
нет на планете рая:
там, где Бухар стоит в тени,
не будет и Абляя...

Мой день закутался в туман,
и в поисках покоя
опять приду к тебе, Баян,
коснусь листвы рукою.

В груди звучит мотив отцов —
степного кюя знаки,
что мучают своих певцов
не только лишь казахи...

Ты посмотри во все концы
земли — со всем народом
и я иду в стране Мусы
как надо: пешим ходом!

Над степью, словно бы привет,
достоинством возвысясь,
летит превыше зим и лет
прекрасный «Белый ситец».

ОБ АВТОРАХ

ЖАРАСКАН АБДРАШЕВ

(1948 – 2001)

Поэт, критик, переводчик. Родился в Аральском районе Кызылординской области. Окончил филологический факультет КазГУ. В 21 год стал членом Союза писателей СССР. Выпустил более 20 книг, одну из них – сборник стихов «Летние грозы» – в переводах Риммы Казаковой. Перу поэта принадлежат несколько поэтических сборников для детей: «Что это?», «Половодье», «Путешествие»; поэтические книги – «Рождённые после войны», «Я сын степей», «Сыновний поклон»; сборник литературно-критических статей «Литература и долг». В посмертный сборник «Кулпытас» («Эпитафия») вошли стихи, поэмы, эпитафии и эпиграммы. Перевёл на казахский язык произведения А. С. Пушкина, Поля Элюара, А. Блока, палестинского поэта Муина Беису. Лауреат премии Магжана Жумабаева. Учредил премию для молодых талантов, впоследствии названную его именем.

НЕСИПБЕК АЙТУЛЫ

Родился 22 сентября 1950 года в Шауешекском районе Восточно-Туркестанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Директор музея Сакена Сейфуллина. Автор многочисленных сборников стихов и поэм, переводов «Слова о полку Игореве», произведений Навои, великого турецкого поэта VII века Юнуса Эмре, Бо Цзюйи, Дж. Родари, А. Барто, С. Михалкова, С. Баруздина, В. Берестова и многих других. Неоднократный победитель различных поэтических конкурсов. Заслуженный деятель Казахстана. Лауреат Государственной премий Казахстана, премии имени Мукагали Макатаева и международной премии имени Жамбыла.

МАРФУГА АЙТХОЖИНА

Родилась в г. Кульдже (КНР). Окончила женскую педагогическую гимназию в Кульдже, филологический факультет КазГУ и Высшие ли-

тературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Автор около 20-ти поэтических сборников — «Струны степей», «Весенний дождь», «Утверждение», «Настанет утро», «Надпись на скале», «Голубые голуби», «Летние росы», «Укрощение коня» и др. Лауреат Государственной премии Республики Казахстан. Стихи переводились на болгарский, польский, венгерский, чешский, таджикский и другие языки. Лауреат Государственной премии Республики Казахстан. Награждена орденами «Кұрмет», «Парасат» и медалями РК.

СЕРИК АКСУНКАРУЛЫ

Родился 29 марта 1950 года. Поэт, член Союза писателей РК. Секретарь межобластного отделения Союза писателей Казахстана, заслуженный деятель искусств РК, лауреат премии Международного клуба Абая. Заслуженный деятель Республики Казахстан. Лауреат республиканского фестиваля творческой молодежи «Жигер». Автор сборников «Двадцать мгновений XX века», «Қызыларай», «Кардиограмма века», «Адам ата — Хауа ана», «Төбемнен жаухар жауып тур», «Өмір деген — күнді айналу», «Қыпшақ қиссасы», «Қара орман» и т. д.

МУЗАФАР АЛИМБАЕВ

Родился 29 октября 1923 года в ауле Маралды Шарбақтинского района Павлодарской области. Окончил Казахский государственный университет им. С. М. Кирова (КазГУ — КазНУ им. аль-Фараби). Первые стихи опубликовал в пятнадцать лет. Участник Великой Отечественной войны. Первый главный редактор детского журнала «Балдырған». Автор текстов 180 песен, пятидесяти сборников стихов и поэм, нескольких изданий собрания сочинений. Народный писатель Казахстана, лауреат Государственной премии Республики Казахстан, заслуженный деятель Казахстана, лауреат международной литературной премии им. Жамбыла.

НАЗКЕН АЛПАМЫСҚЫЗЫ

Родилась в Жамбылском районе Алматинской области. Окончила экономический факультет КазГУ им. С. М. Кирова, аспирантуру МГУ

им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук. На протяжении многих лет работает в КазЭУ им. Т. Рыскулова. Автор поэтических книг «Шырағдан», «Күрең шетен», «Жаркырап аспанымда күн тұрғанда». Лауреат Международной премии им Жамбыла, лауреат Международной премии «Алаш». Член Союза писателей Казахстана. Живёт в г. Алматы.

ВАЛЕРИЙ АНТОНОВ

(1933 – 2011)

Родился в г. Андижан (Узбекистан). Окончил отделение журналистики филологического факультета КазГУ. Около 40 лет проработал в журнале «Простор». Автор 8 поэтических сборников — «День рождения», «Перекрёсток», «Отзовись, назовись», «Старый посох», «Золотые ворота», «Избранное» и др. Лауреат премии Союза писателей Казахстана. Перевёл несколько книг казахских поэтов, занимался переводами с французского языка.

РИММА АРТЕМЬЕВА

Поэт, прозаик, журналист. Автор поэтических книг «Страница», «Прикосновения», сборника стихов и прозы «Благодарю за дружбу Вас...», книги избранного «Ритмы тишины». Стихи переведены на английский, казахский, литовский языки.

КАИРБЕК АСАНОВ

Родился 19 февраля 1945 года в Теренозекском районе Кызылординской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор 8 стихотворных сборников. Лауреат и призёр ряда поэтических фестивалей.

ОРАЗАКЫН АСКАР

Поэт, переводчик, собиратель казахской народной поэзии. Родился в 1935 году в Илийском районе Восточного Туркестана (КНР). Окончил гимназию в г. Кульдже. В 1955 г. переехал в Казахстан. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор около 40 поэтических сбор-

ников. Член Союза писателей Казахстана. Занимается переводами на казахский язык фольклора народов мира. Награждён медалью «За доблестный труд», лауреат международной премии «Алаш», премии Тюркского мира «Акбозат» и имени Мукагали Макатаева.

ЖАНАТ АСКЕРБЕККЫЗЫ

Родилась в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области. Окончила филологический факультет КазГУ. Доктор филологических наук, профессор. Работает в Евразийском университете им. Л. Н. Гумилёва. Автор двух научных монографий и пяти поэтических книг. Перевела на казахский язык произведения М. Лермонтова, Н. Гумилёва, японской поэтессы Сайгё и др. Победитель и призёр республиканских поэтических состязаний. Лауреат премии имени Жараскана Абдрашева. На русском языке публикуется впервые.

ГУЛЬНАРА АУТОВА

Родилась в селе Долайты Алма-Атинской области. Окончила русско-уйгурское отделение филологического факультета КазПИ имени Абая. Кандидат филологических наук. Работает в Центре уйгуроведения при Институте востоковедения НАН РК. Автор трёх поэтических сборников. Стихи Г. Аутовой были удостоены 3-й премии II Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии (Уфа, 2012).

АМАНТАЙ АХЕТОВ

Родился 23 мая 1947 года в Кокчетаве. Автор свыше 20-ти оригинальных и переводных книг, награждён медалями «За трудовую доблесть», «К юбилею А. С. Пушкина» (2005), «Отличник печати СССР», орденом «Партийная доблесть». Лауреат премии Союза журналистов Казахстана, имеет звание «Мадениет кайраткері».

КУЛЯШ АХМЕТОВА

Родилась в Кыргызстане. Окончила факультет журналистики КазГУ. Автор сборников стихов «Мои белые цветы», «Ты — моё сча-

стье», «Листок — сердце лета», «Звёзды в роднике», «Зелёный берег», «Свет Наурыза», «Проснись с рассветом», «Возвращение аистов», «Год любви», «Счастье», «Песни раскаяния» и др. Стихи переводились на русский, украинский, немецкий и другие языки, вошли в школьные учебники и хрестоматии. Призёр многих поэтических конкурсов. Лауреат премии Союза молодежи и Государственной премии Республики Казахстан. Член Правления СП Казахстана. Награждена орденом «Кұрмет».

КАЙРАТ БАКБЕРГЕНОВ

Поэт, переводчик, сценарист анимационного кино. Родился в 1953 году в Алма-Ате. Окончил Литературный институт имени М. Горького по специальности «переводчик художественной литературы». Председатель общественного объединения «Тәржіман — Союз литературных переводчиков». Редактор отдела прозы журнала «Простор». Автор книг «Пойманный ветер», «Возвращение», «Веретелка», «Отражённые пространства» и «Междуречье». Переводит с казахского, немецкого, сербского и верхнелужицкого. Стихи переводились на немецкий, сербский, французский, украинский и корейский. Пишет на русском языке.

АКУШТАП БАХТЫГЕРЕЕВА

Поэт. Заслуженный деятель Республики Казахстан, лауреат международной премии «Алаш». Родилась в ауле Акжайык Уральской (Западно-Казахстанской) области. Окончила филологический факультет Казахского женского педагогического университета. С юных лет участвовала в традиционных поэтических состязаниях — айтысах. Автор поэтических сборников «Ива», «Нежность», «Думаю о тебе», «Белое крыло», «Песня счастья», «Белокрылая», «Белая чайка», «Лебединая верность» и др. Перевела на казахский стихи А. Ахматовой, С. Капутикян, В. Тушновой. Награждена орденом «Кұрмет».

БАЯН БЕКЕТОВА

Родилась в селе Боралдай Чимкентской области. Окончила факультет журналистики КазГУ. Автор шести поэтических книг. На её

стихи написано более 30 песен. Участница II Международного фестиваля поэзии тюркоязычных народов, призёр международного конкурса «Современная поэзия». Член Общественного совета при Правлении СП Казахстана. Директор и главный редактор республиканского культурно-социального журнала «Жана Шолпан». Лауреат международной литературной премии «Алаш».

ДАУРЕН БЕРИККАЖЫУЛЫ

Родился 15 мая 1974 года в ауле Карабуга Маканчинского района Семипалатинской (ныне Восточно-Казахстанской) области. Выпускник КазГУМЯиМО им. Абылайхана. Публиковался в коллективных сборниках. Автор трёх поэтических книг. Работает в отделе перевода и дубляжа республиканской телерадиокомпании «Казахстан».

ЖАРКЕН БОДЕШЕВ

Родился 15 мая 1944 года. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор поэм «Аныракайская битва», «Генерал Дудаев», «Вершина Караул», «Начало свободы», «Огонь и вода», «Каменная колыбель», а также сборников стихов «Два крыла», «Голос неба», «Цветные краски», «Луна не уступит звезде» и др. Лауреат международной литературной премии «Алаш» и II фестиваля поэзии тюркоязычных народов.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЧЕНКО

Родилась в Алматы. Окончила музыкальную школу им. Амре Кашаубаева по классу скрипки, физический факультет КазПИ им. Абая и филологический факультет КазГУ. Автор книг «Солнце в окне», «Я мечтаю», «Зелёный иероглиф», исторической повести для детей среднего возраста «Эмир Тимур». Переводила стихи казахских, уйгурских, украинских, немецких поэтов: Абая, Магжана Жумабаева, Т. Абдрахмановой, Н. Оразалина, Г. Генке и ещё многих известных и молодых поэтов Казахстана. Перевела на русский язык книги стихов курдских поэтов Салеха Саяди «Курдистан», Гасане Хаджисулеймана «Моё сердце» и «Жажда родины».

ЯН ВОН-СИК

(1932 – 2006)

Поэт, писатель, кинорежиссёр, публицист, член Союза кинематографистов и Союза писателей СССР. Член Международного «Пенклуба». Доктор философии Евразийского университета. Родился в городе Андю (КНДР). В 1953 году приехал в Москву на учёбу по направлению правительства КНДР. После окончания Всесоюзного Государственного института кинематографии (ВГИК) не вернулся на родину по политическим мотивам. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Трагически погиб в 2006 году. Перевёл на корейский язык изданные в Сеуле «Слова назидания» Абая и книгу Н. Назарбаева «На пороге XXI века». На корейском языке его произведения в коллективных сборниках «Земля цветения», «Родина счастья» и «Звено нежности». На русском языке увидели свет два сборника стихов и поэм — «Лунное послание» и «Золотые мгновения».

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

Родилась в г. Новосибирске. Автор одиннадцати поэтических сборников, трёх книг очерков, восьми книжек для детей. Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах «Знамя», «Наш современник», «Студенческий меридиан» (Москва), «Складчина», «Омская муза» (Омск), «День и ночь» (Красноярск), «Под часами» (Смоленск), «Простор» (Алматы), «Нива» (Астана), альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону), в сборнике материалов Международного конгресса «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, Фонд Достоевского, 2004), многих других научных сборниках. Член Союза журналистов Казахстана, Союза российских писателей. Лауреат литературных премий им. Марины Цветаевой (2008) и Павла Васильева (2010). Живёт в Павлодаре.

ЖАДЫРА ДАРИБАЕВА

Родилась в посёлке Теренозек Кызылординской области. Окончила Кызылординское женское педучилище им. М. Маметовой и отделение художественного перевода Литературного института им. М. Горь-

кого. Автор четырёх поэтических сборников. Награждена орденом «Күрмет».

ГАЛЫМ ЖАЙЛЫБАЙ

Родился 9 февраля 1958 года в ауле Женис Жанааркинського района Карагандинской области. Первый заместитель председателя Правления Союза писателей Казахстана. Автор сборников стихов «Листья моей души» (1988), «Крылья птицы» (2001), «Простые стихи о любви» (2006), сборника статей «Корни моей судьбы» (2008). Лауреат международной литературной премии «Алаш» (1999), международной премии турецких литераторов (2001). Награждён золотой медалью им. С. А. Есенина (2009).

БАУЫРЖАН ЖАКЫП

Родился 1 мая 1963 года в Абаевском районе Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазНУ им. аль-Фараби. Главный редактор издательства «Қазақ энциклопедиясы». Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК. Автор около 200 публицистических очерков и статей и более 70 научных публикаций. Член Союза журналистов РК. Секретарь Правления СП Казахстана. Лауреат ряда республиканских и международных премий. Автор поэтических сборников «Аудитория», «Ступени», «Парус времени», «Арал — моя совесть, Балхаш — моё счастье», «Свет очей», «Небо на глади», «Автограф», «Веретено времени», «Красная берёза» и др. Награждён орденом «Күрмет».

КАТИРА ЖАЛЕНОВА

Родилась в селе Акмая Кызылординской области. Окончила филологический факультет Казахского государственного университета. Лауреат республиканского фестиваля молодёжного творчества «Жігер», участница Всесоюзного совещания молодых писателей (1979), II фестиваля поэзии тюркоязычных народов. Автор книг: «Приди, любовь», «Ты — моя песня», «Белые цветы». Перевела книгу стихов таджикской поэтессы Г. Сулеймановой «Сорок косичек».

ОРЫНБАЙ ЖАНАЙДАРОВ

Родился 15 апреля 1951 года. Поэт, переводчик, исследователь древнетюркской истории и фольклора. Автор сорока книг стихов и прозы, в том числе сборников стихов «Ночной поезд», «Шёл степью человек», «Дорога на Тенгиз», «Млечный путь», «Озёра степные», «Тысяча окон в степь», «Поэмы о древних тюрках», «Сестра моя — свобода», «Былое величие предков», энциклопедии для детей «Моя страна Казахстан», «Сны на рассвете», «Вскрытие инопланетянина», «Мифы древнего Казахстана», «Легенды древнего Казахстана», «Предания древнего Казахстана», исторических повестей «Жусуп Баласугуни», «Хан Тохтамыш». Лауреат международной литературной премии «Алаш», заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Пишет на русском языке.

КАЙРАТ ЖУМАГАЛИЕВ

Родился 16 сентября 1937 года в ауле Жиеккум Ордынского района Западно-Казахстанской области. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор многочисленных сборников стихов: «Начало», «Жанар», «Голос ребёнка», «Женисбай», «Сахара», «Ататау», «Парасат», «Кубажан», «Акмарал», «Кто такое видел?», «Куланиек» и др. В основном известен как детский поэт. Перевёл произведение Гомера «Илиада», трагедии Еврипида «Медя», «Сказание о Трое», «Елена», кыргызский эпос «Манас», стихи Ш. Руставели, Физули, Низами, А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Хикмета, А. Блока, Ю. Тувима, М. Джалиля, М. Светлова, М. Луконина, С. Наровчатова, Р. Рождественского, Р. Казаковой и др., а также романы А. Дюма «Граф Монте-Кристо» и монгольского прозаика Л. Тудэва «Горный поток».

УЛЫКБЕК ЕСДАУЛЕТОВ

Писатель, поэт, переводчик. Родился 29 апреля 1954 года в селе Улкен Каратал Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ и Высшие литературные курсы. Автор более 15 книг, в том числе избранного в двух томах и собрания сочине-

ний в 6 томах. Автор текстов многих популярных современных казахских песен. В переводе на русский язык вышли сборники стихов «Перевалы Алтая» и «Ахиллесова пята», а также книги «Заман-ай» (на китайском) и «Сердце моё — любви столица» (на киргизском). Секретарь Правления Союза писателей Казахстана. Член Госкомиссии РК по присуждению Государственной премии, член Постоянного Совета Конгресса литературных журналов Тюркского мира. Награждён орденом «Құрмет». Почётный член национального Союза писателей Кыргызстана, член международной Академии поэзии тюркского мира. Неоднократный победитель республиканских поэтических состязаний, лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, Фестиваля поэзии тюркоязычных стран, международной литературной премии «Алаш», Государственной премии РК, премии «Алтын жұлдыз» Академии журналистов Казахстана. Награждён Золотой Есенинской медалью.

САКЕН ИМАНАСОВ

Поэт, переводчик. Родился 2 мая 1938 года в Алакольском районе Алматинской области. Автор пятнадцати книг, избранных произведений в 2-х и 5-ти томах. На русском языке вышло две книги стихотворений и поэм. Перевёл на казахский язык произведения Руми, А. Кольцова, В. Маяковского, А. Нето, М. Ефимова. Заслуженный деятель Республики Казахстан. Лауреат международной литературной премии «Алаш».

ИБРАГИМ ИСА

Поэт, переводчик. Родился 7 января 1949 года в ауле Жетыколь Сырдарьинского района Кызылординской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор более 10-ти сборников стихов, два из которых вышли на русском языке. Отдельными книгами в его переводах были изданы книги великого поэта народа коми Ивана Куратова и Николая Рубцова. Автор текстов более 1200 песен. Победитель и призёр многих республиканских конкурсов. Член правления Союза писателей Казахстана. Награждён медалями РК. Лауреат международной литературной премии «Алаш».

КАЗЫБЕК ИСА

Родился в 1962 году в селе Первомайский Мактааральского района Южно-Казахстанской области. Окончил художественно-графический факультет Казахского Алматинского педагогического института. Генеральный директор — председатель совета редакторов газеты «Қазақ үні». Автор четырёх поэтических сборников. Призёр многих республиканских конкурсов. Заслуженный деятель РК. Лауреат международной премии «Алаш». Кавалер ордена «Құрмет».

НУРТАС ИСАБАЕВ

Родился в 1954 году в Жанакорганском районе Кызылординской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор 7 поэтических сборников, романа «Жажда жизни» (2004). Член СП Казахстана. Лауреат премии Союза писателей и фонда «Жандос». Обладатель почётного знака «Деятель культуры».

ТОЛЕГЕН КАЖЫБАЕВ

Поэт, драматург. Родился 12 декабря 1942 года в ауле Ортақ Ақмолинской области. Окончил филологический факультет КазПИ имени Абая. Автор более 15 стихотворных сборников и ряда пьес, поставленных на сцене областного театра. На русском языке была издана книга стихов «Путь к истине». Переводил стихи русских и эстонских поэтов. Заслуженный деятель культуры. Лауреат республиканской премии Союза журналистов имени А. Байтұрсынова.

БАХЫТ КАИРБЕКОВ

Родился 23 февраля 1953 года в Алма-Ате. Поэт, переводчик, сценарист, кинорежиссёр. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР. Профессор Академии искусств им. Т. Жургенева. Заслуженный деятель Республики Казахстан. Лауреат премии Махамбета Утемисова. Академик Евразийской Академии телевидения и радио. Член Союза кинематографистов Казахстана. Автор 10 поэтических книг и более

80 документальных фильмов о культуре и истории казахского народа. Кавалер ордена «Құрмет». Пишет на русском языке.

АДИЛГАЗЫ КАЙЫРБЕКОВ

Поэт, литературовед. Родился 10 января 1955 года в Аксуатском районе Семипалатинской области. Окончил филологический факультет КазГУ, кандидат филологических наук. Автор 12 книг стихов, поэм, очерков, документальных рассказов и повестей, литературоведческих статей и эссе. Лауреат международной литературной премии «Алаш». Директор Государственного литературно-мемориального музейного комплекса С. Муканова и Г. Мусрепова. Член правления СП Казахстана.

САЯТ КАМШИГЕР

Родился 1 мая 1978 года в Жарминском районе Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет казахской филологии Алматинского государственного университета. Литературный консультант СП Казахстана. Победитель и призёр различных республиканских поэтических фестивалей. Стихи публиковались в коллективных сборниках. Составитель нескольких поэтических книг. Автор сборника стихов «Жёлтый цветок».

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

Поэт и писатель. Родился 4 октября 1951 года. Окончил Казахский политехнический институт (инженер-металлург) и Литературный институт в Москве. Стихи, рассказы и повести публиковались во многих литературных журналах Казахстана, России, ближнего и дальнего зарубежья. Автор свыше тридцати книг, вышедших в Казахстане, России, Украине, США, Малайзии. Лауреат многих литературных премий.

ДУЙСЕНБЕК КАНАТБАЕВ

(1940 – 2010)

Родился в ауле Сулмен Красноводского района Туркменской ССР. Окончил медицинское училище, филологический факультет КазГУ. Автор сборников стихов «Жазира», «Серпер», «Начало пути», «Песня

бегущей воды», «Легенда о Сейткуле» и др. Перевёл на казахский язык произведения Махтумкули, Ф. Петрарки, Саят-Нова, М. Лермонтова. Лауреат международной литературной премии «Алаш».

ДАУЛЕТ КЕРЕЙ

Родился 9 августа 1977 года в Монгольской Народной Республике. Окончил филологический факультет КазНУ им. Аль-Фараби. Советник директора Национальной академической библиотеки Республики Казахстан (Астана). Обладатель гран-при более десяти международных, республиканских и региональных айтысов и тематических конкурсов. Автор поэтических книг «Млечные сумерки» и «Пока не опала земляника». Лауреат Государственной молодежной премии «Дарын». Дважды удостоен Президентской стипендии. Награждён юбилейной медалью «10 лет Астане» и орденом «Свобода» Демократической партии Монголии.

АУЭЗХАН КОДАР

Родился 12 июня 1958 года. Поэт, прозаик, культуролог, публицист, переводчик, кандидат философских наук, академик Народной Академии Казахстана «Экология». Автор книг на русском языке «Крылатый узор», герменевтического сборника «Абай (Ибрагим) Кунанбаев», поэтического сборника «Круги забвения», монографий «Очерки по истории казахской литературы» и «Степное знание: очерки по культурологии», книги стихов с параллельным английским текстом «Цветы руин», книги-компендиума «Зов бытия» и «Антологии казахской поэзии в переводах Ауэзхана Кодара», книги «Исповедь» Магжана Жумабаева. Автор поэтических сборников на казахском языке «Царство покоя» и «Возвращение» в собственном переводе и «Встреча в поднебесье». Поэтические сборники Кодара переведены на английский и корейский языки. Лауреат международной литературной премии «Алаш». Награждён орденом «Парасат». Пишет на казахском и русском языках.

СЕРГЕЙ КОМОВ

Поэт, прозаик. Живёт и работает в г. Риддер. Автор книги стихов «С вечной верой в добро» и «Бухтарминская лилия». Лауреат премии «Золотое перо России».

БАЙБОТА КОШЫМ-НОГАЙ

Родился 8 мая 1954 года в ауле Бесарык Кызылординской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор двух десятков поэтических сборников. Выпустил собрание сочинений в двух томах. Лауреат премии Союза молодёжи Казахстана.

ГАБИДЕН КУЛАХМЕТОВ

(1955 – 2007)

Родился 14 апреля в 1955 года в ауле Шолпан Аягозского района Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики Казахского национального университета им. Аль Фараби, Высшие литературные курсы при Московском Литературном институте им. М. Горького. Автор сборников стихов «Ты зрачок моих глаз», «Светлое начало», романа «Одинокий белый жеребец», сборников рассказов «Затонувший в озере аул», «Не прервётся твоё потомство», «Проверка мужчины на прочность», «Последнее послание поэта». Произведения переведены на русский, польский, монгольский, чеченский, украинский, белорусский языки. Лауреат международной литературной премии «Алаш».

КАДЫРБЕК КУНЫПИЯУЛЫ

Родился 27 апреля 1962 года в Райымбекском районе Алматинской области. Окончил факультет журналистики КазПИ им. Абая. Главный редактор издательства «Ан Арыс». Автор трёх поэтических сборников. Лауреат премии Союза молодёжи Казахстана и премии Союза журналистов имени Б. Булкышева.

СТАНИСЛАВ ЛИ

Родился в г. Целинограде в 1959 году. Окончил Алматинский технологический институт. Профессия — переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи включены в антологию «Современное русское зарубежье» (М., 2002). Переводит древнюю, средневековую и современную корейскую поэзию, в частности, в его переводах изда-

тельством «Художественная литература» издана книга современного корейского поэта Ко Ына «И чёрный журавль спускался с небес». Участник Всемирного фестиваля поэзии (Сеул, 2005). Стихи переводились на корейский и английский языки. Победитель Московского международного фестиваля «Золотое перо», лауреат премии «Ариран». Пишет на русском языке.

НАДЕЖДА ЛУШНИКОВА

Родилась в селе Шамалган Алматинской области. Училась в школе-интернате, окончила Кызылординское педучилище им. М. Маметовой, казахское отделение филологического факультета КазПИ им. Абая. Автор поэтических сборников «Родина моя», «Перелётная птица», «Вдохновение», «Сағынарсындар мені де» (2001), «Я — дочь казахского народа» и др. Участница и победитель многочисленных айтысов и поэтических фестивалей. Ведёт большую работу по пропаганде народного творчества. Лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана. Заслуженный работник культуры Казахской ССР. Пишет на казахском языке.

ДУКЕН МАСИМХАНУЛЫ

Родился в 1963 году в ауле Шилозек Текесского района СУАР (КНР). Окончил Пекинский университет по специальности переводчик-филолог. Доктор филологических наук, профессор. Член Союза писателей и Союза тюркологов КНР. Автор пяти поэтических сборников, 4 монографий, учебников по китайской филологии и китайскому языку, многочисленных переводов с китайского языка — поэзии и прозы, трактатов по медицине, текстов многосерийных телевизионных фильмов. Удостоен государственной премии КНР за книгу «Огузнама» и всекитайской молодёжной премии за научную, литературную и переводческую деятельность.

ТЕМИРХАН МЕДЕТБЕК

Родился 6 марта 1945 года в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области. Учился на факультете языка и литературы КазПИ

им. Абая. Автор более 15 поэтических книг, переводов произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Я. Коласа, Я. Купалы, Л. Украинки, Ш. Бодлера, Э. Верхарна, П. Неруды, В. Незвала, а также романов Генриха Бёлля и Владимира Набокова. Лауреат Государственной премии Республики Казахстан. Кавалер ордена «Құрмет».

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ

Поэт, прозаик, критик, переводчик, публицист. Родился 7 сентября 1946 года в Караганде. Окончил геофизический факультет Казахского политехнического института. Автор более 20 книг стихов и прозы. Произведения переводились на английский, немецкий, казахский, белорусский, корейский и другие языки. Документальная повесть «Великий джут» («Хроника великого джута») выдержала 9 изданий, издана в Казахстане, России, Германии и Великобритании. Книга о Лермонтове издана в серии «Жизнь замечательных людей». Главный редактор журнала «Простор». Секретарь правления Союза писателей Казахстана. Лауреат нескольких литературных премий, в частности, международной премии «Алаш». Награждён орденом «Парасат», медалями Республики Казахстан.

ТУМАНБАЙ МОЛДАГАЛИЕВ

(1935 – 2011)

Родился в селе Казатком Эмбекшиказахского района Алматинской области. Окончил филологический факультет КазГУ им. С.М. Кирова. Известный казахский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии КазССР имени Абая, лауреат международной премии тюркоязычных писателей мира имени Физули, Народный писатель Казахстана. Автор более 60 сборников стихов, в том числе двухтомного, трёхтомного и 14-томного собрания сочинений. К более чем пятистам стихов поэта написана музыка. Перу поэта принадлежат переводы стихов Байрона, Лермонтова, Пушкина, Евтушенко, киргизского «Манаса», узбекских писателей Уйгуна и Зульфийи, дагестанского писателя Расула Гамзатова и других. На русском языке изданы сборники «Я сын Семиречья», «И мне было двадцать», «Проходят дни».

КАДЫР МЫРЗАЛИЕВ

(1935 – 2011)

Поэт, драматург, переводчик. Родился в посёлке Жымпиты Западно-Казахстанской области. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор более 40 поэм, множества литературно-критических статей, песенных сборников, книг прозы, вошедших в многотомное собрание сочинений, и драматургических произведений, не сходящих со сцен республиканских театров. Им написаны слова более чем к 200 песням. Один из авторов текста первого гимна независимого Казахстана. Внёс неоценимый вклад в развитие казахской детской литературы. Его стихи переведены на многие языки. Перевёл на казахский язык произведения Овидия, Руми, Гейне, Гюго, Лермонтова, Есенина, Гамзатова, Межелайтиса, Петефи. Лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, Государственной премии КазССР имени Абая, премии «Тарлан». Награждён орденами «Достык» I степени и «Парасат».

ДЮСЕНБЕК НАКИПОВ

Поэт, прозаик, драматург, сценарист, либреттист. Родился 5 июня 1946 года в селе Жолкудук Павлодарской области. Выпускник Московского академического хореографического училища. В 1964–1985 гг. — солист балета ГТАОБ имени Абая. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор 5 поэтических сборников, романов «Круг пепла», «Тень ветра», пьесы «Принц трёх царств» и либретто к семи балетам. Лауреат литературных премий. Профессор Гуманитарной академии «Кокше». Председатель Союза хореографов Казахстана.

АЯН НЫСАНАЛИН

Родился 1 марта 1942 года в ауле Жетымтау Южно-Казахстанской области. Окончил Алматинский кинотехникум и Литературный институт им. М. Горького. Автор поэтических книг «Весна не опаздывает», «Сириус», «Нюансы» и других. Стихи поэта переведены на многие языки народов мира. Перевёл на казахский произведения Низами, Омар Хайяма, Навои, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Р. Тагора, А. Йозефа, Б. Пастернака, В. Высоцкого и других поэтов, роман Антуана де Сент-Экзюпери «Земля людей», драму А. Камю «Калигула».

Лауреат премий Союза писателей, Союза кинематографистов и Союза журналистов Казахстана.

НУРЛАН ОРАЗАЛИН

Родился 13 июня 1947 года в Алма-Атинской области. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор более десятка поэтических книг: «Беспокойное сердце», «Голос весны», «Седьмой континент», «Послание человечеству», «Весенние заморозки», «Свирелевое время», «Прощание с веком», «Голос сердца», «Огонь под пеплом», трёхтомника избранных стихов, книги избранного на русском языке «Зелёный огонь», сборников художественно-публицистических эссе, а также целого ряда драматургических произведений — «Ночь при свечах», «Каменные олени», «Реванш», «Лихая година» (по мотивам повести М. Ауэзова), «День уходящий», «Скупой век», «Последний вечер» и др. Его произведения переведены на многие языки мира. Председатель Правления Союза писателей. Лауреат Государственной премии, Заслуженный деятель РК. Награждён орденами «Кұрмет» и «Парасат».

ИРАНБЕК ОРАЗБАЕВ

Поэт, драматург. Родился в 1947 году в Сырдарьинском районе Кызылординской области. Окончил горный факультет Казахского политехнического института и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Автор более десяти поэтических сборников, 13-ти томного собрания сочинений и вышедших на русском языке книг — «Глаза ночи», «Царь слова» и «Наследник». За книгу стихов и поэм «Заклятие Коркута» удостоен Государственной премии Республики Казахстан.

ТУРСУНАЙ ОРАЗБАЕВА

Поэтесса. Родилась в селе Кайнарбулак Сайрамского района Южно-Казахстанской области. Окончила факультет журналистики в КазГУ и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Автор 9 поэтических книг, в том числе на якутском, русском и тувинском языках. Секретарь Исполкома МСПС по литературам Центральной Азии. Является вице-президентом Конгресса Национальных

Объединений России, заместителем председателя общества «Қазақ тілі». Автор сборника песен «Сардаана-Асиягуль». Лауреат ряда Международных литературных премий. Заслуженный деятель культуры Республики Саха. Кавалер Ордена «Почёт» РК.

МАРАЛТАЙ РАЙЫМБЕКУЛЫ

Родился 1 марта 1969 года в Сарыуском районе Жамбылской области. Автор трёх поэтических книг. Обладатель главного приза фестиваля «Студенческая весна-1999», лауреат премии «Дарын». Лауреат международной литературной премии «Алаш». Стипендиат Президента Республики Казахстан.

ЕСЕНГАЛИ РАУШАНОВ

Родился 5 октября 1957 года в Каракалпакии. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор 8 поэтических сборников. Стихи переводились на литовский, болгарский, чешский, украинский и другие языки. Перевёл книгу стихов классика узбекской литературы Хамзы Ниози, памятник средневековой культуры «Уложения Тимура» и др. произведения. Лауреат Государственной премии Республики Казахстан, премии Союза молодёжи Казахстана и международной премии «Алаш». Победитель ряда поэтических состязаний. Заслуженный деятель РК. Почётный профессор Актауского технического университета имени Ш. Есенова. Директор издательства «Жазушы». Кавалер ордена «Құрмет».

КАКИМБЕК САЛЫКОВ

Поэт, переводчик. Государственный и общественный деятель. Заслуженный деятель Казахстана. Родился 22 января 1932 года в Шалакынском районе Северо-Казахстанской области. По профессии горный инженер, окончил горный факультет Московского института цветных металлов и золота. Автор более сорока поэтических сборников и трёх книг переводов, в которые вошли роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», произведения В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова, Я. П. Полонского, Р. Гамзатова, Я. Коласа, монгольских и других поэтов. Более пятисот стихотворений положены на музыку композитора-

ми Казахстана и России. Широко известны его поэмы: «Таттимбет», «Эдельвейс», «Орлиная степь», «Мгновенье, равное годам», «Последние слова Кенесары», «Че Гевара», «Стихи Ибрая, написанные на стенах тюрьмы», «Акын Тайжан» и др. Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени (дважды), «Парасат» и «Дружбы народов».

ШУМИШБАЙ САРИЕВ

Родился 15 июля 1946 года на станции Шомиш Кызылординской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Кандидат филологических наук. Автор монографий «Двадцатые годы XX-го столетия» и «Казахская поэзия 70-х, 80-х, 90-х годов», сборников стихов и поэм «Ветер, бьющий с моря», «Судьба», «Явь и сон», «Три измерения», «Песнь о судьбе», «Наш век» и другие языки. Заслуженный деятель Казахстана. Его стихи переведены на русский, украинский, чешский, румынский, индийский, французский и др. Перевёл на казахский язык стихи Р. Тагора, М. Эминеску, Л. Камоэнса, Г. Гулиа, О. Бергольд, И. Абашидзе, С. Викулова и др. Лауреат ряда республиканских и международных премий. Кавалер ордена «Парасат».

ДМИТРИЙ СНЕГИН

(1912 – 2001)

Народный писатель Казахстана. Прозаик, поэт. Участник Великой отечественной войны, офицер Панфиловской дивизии. Родился в г. Верный (Алматы). Автор многих книг стихов и прозы, романов «В городе Верном», «Утро и два шага в полдень», повестей «Осеннее равенство», «Парламентёр выходит из рейхстага», «На дальних подступах», переводов произведений казахских поэтов и прозаиков, вошедших в собрание сочинений в 5-ти томах. Награждён орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Парасат» и другими правительственными наградами.

ДАУТАЛИ СТАМБЕКОВ

(1947 – 1999)

Родился в 1947 году в ауле Коньрат Актогайского района Карагандинской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор

сборников стихов «Золотая колыбель», «Беспокойный сезон», «Светозарный мир», «Спасибо революции», «Родники поют о степи», «Мой рай и ад». Перевёл на казахский язык стихи Б. Кенжеева, Б. Канапьянова. Неоднократный победитель различных конкурсов и поэтических состязаний. Лауреат международной литературной премии «Алаш».

ЛИДИЯ СТЕПАНОВА

Родилась в г. Колпино Ленинградской области. Училась на философском факультете ЛГУ, Литературном институте (поэтический семинар А. Михайлова), который окончила с отличием. В 1975 году переехала в Алма-Ату. Автор поэтических сборников «Два лёгких крыла», «Слушая сказку», «Земное лоно», «Вначале было...», «В каком-то из этих миров» и книг для детей «День-деньской», «Тимоха и Пушок». Переводила с казахского, немецкого, французского, таджикского, бурятского. Стихи Магжана Жумабаева, К. Мырзалиева, Ж. Абдрашева, Н. Пфеффер и др. в её переводах публиковались в сборниках и выходили отдельными изданиями.

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ

Родился 18 мая 1936 года в Алма-Ате. Выдающийся поэт современности, автор знаменитой поэмы «Земля, поклонись человеку», известных книг «Аз и Я», «Язык письма», «Глиняная книга», «Определение берега», «Трансформация огня», «Тюрки в доистории». Учёный-лингвист. Общественный и политический деятель Казахстана, дипломат. Инициатор и лидер народного движения «Невада–Семипалатинск». Народный писатель Казахстана, лауреат Государственной премии РК и целого ряда престижных международных премий. Постоянный представитель Казахстана в ЮНЕСКО. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Октябрьской Революции, «Барыс» I степени, «Отан», орденами и медалями России, Франции, Украины и других стран.

ЕЛЕНА ТИКУНОВА

По профессии — врач-неонатолог. Публиковалась в журналах «Аполлинарий», «Простор» и «Деловая женщина», в различных сбор-

никах прозы и поэзии. Участник семинара молодых писателей, пишущих для детей, в Ясной Поляне (2006). Лауреат премии «Золотое перо Руси» в номинациях «поэзия» и «юмор». Автор сборника стихов «Мы герои счастливых снов». Живёт в Алматы.

ТАНАКОЗ ТОЛКЫНКЫЗЫ

Родилась в Алматы. Обучалась в КазГУМЯиМО им. Абылайхана, затем по стипендии «Болашак» в течение двух лет продолжила учебу в Университете Роберта Шумана (Страсбург, Франция) на факультете международного права. Победитель и призёр республиканских молодёжных конкурсов поэзии. Стихи вошли в коллективные сборники молодых поэтов. Первая книга «Мы – жители гор» вышла в 2001 году.

ФАРИЗА УНГАРСЫНОВА

Родилась в ауле Манаш Гурьевской области. Окончила Гурьевский педагогический институт. Автор многих поэтических книг, в том числе сборников «Нежность», «Тревоги», «Озарение», «Полдневный жар», «Алмазный клинок», «Ожидание солнца», изданных на русском языке, и 10-ти томного собрания сочинений. Переводила стихи А. Блока, Р. Казаковой, Е. Евтушенко, П. Неруды, Абдрахмана аль-Хамиси и др. Награждена орденами «Знак почёта», «Парасат» и медалями РК. Лауреат Государственной премии РК. Народный писатель Казахстана.

БОЛАТ УСЕНБАЕВ

Поэт-лирик. Родился 24 марта 1955 года в г. Кульджа (КНР). Окончил филологический факультет КазГУ и факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор трёх книг – «Невестка», «Кольцо», «Утренняя роса». Призер республиканских поэтических состязаний.

ТАТЬЯНА ФРОЛОВСКАЯ

Родилась в городе Алма-Ате. Окончила филологический факультет КазГУ. Автор сборников стихов и поэм «Дни календаря», «Зимнее воскресенье», «Корзина земляники», «Семейное предание», литерату-

роведческих исследований — «Русская трагедия масок» (о романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»), «Евразийский Лев» (о жизни и научном наследии Л. Н. Гумилёва). Переводила стихи казахских, английских, курдских и других поэтов. Составитель «Пушкинского календаря», отмеченного премией мэрии города Москвы.

ГАСАНЕ ХАДЖИСУЛЕЙМАН

Родился 26 ноября 1951 года в селе Тайтан (ныне Ванашен) Вединского (Арагатского) района Армении. Окончил филологический факультет Армянского государственного пединститута им. Х. Абовяна. В 1989 году во время конфликта в Нагорном Карабахе вынужден был покинуть Армению и вместе с другими соплеменниками переехать в Казахстан. Свои стихи, статьи, рассказы, очерки публиковал в газетах и журналах Армении, Азербайджана, России, Казахстана, Германии, Турции, Ирака. Первая книга стихов называлась «Моё сердце», вторая поэтическая книжка — «Жажда Родины», третья книга, основанная на документальном материале, о судьбе курдов Советского Союза — «Дорога жизни». В настоящее время живёт в Алматы, является редактором газеты «Жийана курд».

НАДЕЖДА ЧЕРНОВА

Поэт, прозаик, переводчик, критик. Родилась в поселке Баянаул Павлодарской области. Окончила факультет журналистики КазГУ. Редактор отдела поэзии литературно-художественного журнала «Простор». Автор 17 книг стихов и прозы. Награждена орденом «Кұрмет», лауреат международной литературной премии «Алаш».

ЗИНАИДА ЧУМАКОВА

Родилась на станции Кусмурын в Семиозёрском районе Костанайской области. Поэт и прозаик, автор девяти книг. Лауреат международной литературной премии им. К. Симонова, кавалер орденов имени Г. Державина и М. Мамакаева, заслуженный работник РК, деятель культуры. Член Московской городской организации СП России. Стихи переведены на казахский, чеченский, польский и украинский языки. Режиссёр, сценарист и ведущая массовых представлений. Предсе-

датель Жезказганского городского клуба творческой интеллигенции. Директор Жезказганского историко-археологического музея. Пишет на русском языке.

МУХТАР ШАХАНОВ

Родился в 1942 году. Видный общественный деятель, известный поэт. Автор сборников стихов, прозы и публицистики «Счастье», «Рождение месяца», «Соколы над вершинами», «Царство доверия», «В защиту любви», «Перевалы времени», «Книга истины», «Новолуние», «Баллады», «Орлы не садятся на сопки», «Царство доверия», «Нелюбимых не ждут», «Плач охотника над пропастью» (совместно с Ч. Айтматовым), «Заблуждение цивилизации», «Декабрьская эпопея». Народный писатель Казахстана, народный поэт Республики Кыргызия, лауреат молодёжной премии Республики Казахстан, премии Всесоюзного Ленинского Комсомола.

ЛЮБОВЬ ШАШКОВА

Поэт, переводчик, публицист. Родилась в Беларуси. Окончила факультет журналистики КазГУ. Редактор отдела культуры и очерка журнала «Простор». Автор семи книг стихов и поэм — «Пора подсолнухов», «Ты есть я», «Диалоги с Надеждой», «Из трёх книг», «Луг золотой», «Два вольных крыла», «Песни жаворонков» — и книг очерков публицистики «Хранители огня» и «Предполагаем жить...». Много и активно занимается переводами с казахского, белорусского и других языков. Награждена Почётным знаком «Деятель культуры РК», медалью Российской Госдумы «За вклад в культуру и искусство» и др.

АКЫЛБЕК ШАЯХМЕТ

Писатель, журналист, поэт, драматург, переводчик. Родился 17 июня 1951 года в селе Забеловка Костанайской области. Почётный журналист Казахстана, член-корреспондент Международной Академии творчества, культурный деятель РК. Окончил факультет журналистики КазГУ и Высшие литературные курсы при Литинституте. В настоящее время почётный профессор и директор Медиациентра КГУ. Член правления СП Казахстана. Победитель республиканских поэти-

ческих конкурсов. Автор 30 книг. На русском языке издал книгу стихов «Моя орбита» и книгу «Гуси-лебеди летят», куда вошли публицистические и драматические произведения автора. Автор книг для детей дошкольного возраста. Отдельные произведения включены в учебники. Переводил стихи Р. Гамзатова, Я. Коласа, И. Драча, А. Тарковского и др. Кандидат филологических наук, доцент. Награждён медалями РК.

АЛИБЕК ШЕГЕБАЕВ

Родился в 1974 году в селе Суткент Шардаринского района Южно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики и магистратуру КазНУ им. аль-Фараби. Неоднократный призёр республиканских поэтических состязаний. Лауреат 5-го Международного фестиваля «Шабьт». Автор двух книг стихов — «Луч луны, упавший на стекло» и «Белое перо».

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 7

ОТ СОЛНЦА ЗАЖИГАЮ СВОЙ ОЧАГ...

Стихотворения

Музафар Алимбаев

Тарас Шевченко в Казахстане.

<i>Перевод Р. Тамариной</i>	13
1. В пустыне.....	13
2. На берегу Арала.....	13
3. Чайка.....	13
4. Встреча с нищими детьми.....	14
5. Другу	14

Дмитрий Снегин

Венок Абаевских сонетов..... 17

Какимбек Сальков

Две кареты. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	24
«На берегу реки по пояс травы...» <i>Перевод В. Туркина</i>	24
«Теплом весны повеяло-подуло...» <i>Перевод В. Туркина</i>	25
«Извечно к солнцу тянется подсолнух...» <i>Перевод В. Туркина</i>	25
«Я — за весомость слова. За весомость!..» <i>Перевод В. Туркина</i>	25
«Не шевельнусь. Хотя глаза открыты...» <i>Перевод В. Туркина</i>	25
«В траву степную легкий след впечатав...» <i>Перевод В. Туркина</i>	26
Саумалколь. <i>Перевод А. Жовтиса</i>	26
Выбирайте друзей. <i>Перевод Г. Колесникова</i>	26
Ответ Расула Гамзатова. <i>Перевод Л. Скалковского</i>	27

Ян Вон-Сик

Завещание (*Фрагмент баллады*). *Перевод К. Бакбергенова* 28

Валерий Антонов

«Улыбались над кроваткой...»	34
«Когда я отсюда уеду...»	34
Плач	35
«Что ж ты, мама, говорила...»	36
И. П. Шухову	36
Павлу Васильеву	37

Туманбай Молдагалиев

«В моей душе — и радости и грусть...» <i>Перевод О. Постникова</i>	39
Мосты. <i>Перевод О. Постникова</i>	39
«По нашим неизведанным горам. <i>Перевод О. Постникова</i>	40
«Ревнивица моя, что это значит?..» <i>Перевод О. Постникова</i>	41
Язык матери. <i>Перевод Геннадия Колесникова</i>	41
«Если жизнь покажется порою...» <i>Перевод Геннадия Колесникова</i>	42
«Вечно в спешке — таков наш удел...» <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	43
«Триста вёсен цветет эта груша...» <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	43

Кадыр Мырзалиев

Любовь. <i>Перевод И. Фоякова</i>	45
Штрихи к автопортрету. <i>Перевод Л. Степановой</i>	45
«Неужто и вправду...» <i>Перевод Л. Степановой</i>	46
«С собою нитки не возьму...» <i>Перевод Л. Степановой</i>	47
Чокан. <i>Перевод В. Савельева</i>	48
Курмангазы. <i>Перевод В. Савельева</i>	48
«Все, что имели деды...» <i>Перевод А. Сендыка</i>	49
«Красота — это дивный алмаз, говорят...» <i>Перевод А. Сендыка</i>	50
Шкура бегемота. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	50
Домбра и колыбель. <i>Перевод А. Кушнера</i>	51

Оразакын Аскар

Любовь. <i>Перевод Л. Кривошекова</i>	52
Золотая осень. <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	52
«Я не хочу такой удачи...» <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	52
«Природа солнцем озари...» <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	53
«Ни сумрак дома и ни тень двора...» <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	54

Олжас Сулейменов

Чем порадовать сердце?	56
------------------------------	----

Молитва батыра Махамбета перед казнью	58
Минута молчания на краю света	59

Марфуга Айтхожина

Песни гор (цикл стихотворений). <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	63
--	----

Кайрат Жумагалиев

Любовь. <i>Перевод В. Антонова</i>	67
Поэты. <i>Перевод В. Антонова</i>	67
Встреча. <i>Перевод В. Антонова</i>	68
На лодке. <i>Перевод В. Антонова</i>	69

Назкен Алпамыскызы

Горная рябина. <i>Перевод Н. Черновой</i>	72
Сказание о звезде. <i>Перевод Н. Черновой</i>	74
Есть ли свобода? <i>Перевод Н. Черновой</i>	76
Номо sariens? <i>Перевод Н. Черновой</i>	77
Восхождение. <i>Перевод Н. Черновой</i>	78
Жизнь и смерть. <i>Перевод Н. Черновой</i>	79

Сакен Иманасов

Тетива. <i>Перевод А. Червченко</i>	81
«Вслушиваясь в старые мотивы...» <i>Перевод А. Червченко</i>	82
Заметки на полях автобиографии. <i>Перевод А. Червченко</i>	83
Гуси. <i>Перевод А. Червченко</i>	84

Фариза Унгарсынова

«Ты ушёл. Опоры нет отныне...» <i>Перевод Т. Фроловской</i>	86
«Когда, когда, когда его увижу?...» <i>Перевод Т. Фроловской</i>	87
Испытания. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	88
Песня Майры. <i>Перевод Т. Фроловской</i>	88
«Опять я в польмя скакнула из огня...» <i>Перевод Т. Фроловской</i>	89
«Разгул цивилизованного шума...» <i>Перевод Т. Фроловской</i>	90
«Двуликий Янус — мой двуличный век...» <i>Перевод Т. Фроловской</i>	91

Дуйсенбек Канатбаев

Колодец. <i>Перевод Г. Круглякова</i>	94
Вблизи Кара-Богаз-Гола. <i>Перевод Г. Круглякова</i>	94

Надежда Лушникова

«Я с песней Куралая прихожу...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	97
Пожелание. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	97
Я — дочь казахского народа. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	98
Посвящение матери. <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	99

Мухтар Шаханов

Последний монолог Махамбета. <i>Перевод М. Синельникова</i>	101
---	-----

Аян Нысаналин

Арчевник. <i>Перевод С. Аксеновой</i>	107
Кино. <i>Перевод С. Аксеновой</i>	107
«О жизнь моя, счастливый дар...» <i>Перевод С. Аксеновой</i>	108
Пейзаж. <i>Перевод С. Аксеновой</i>	108
Рыбы в аквариуме. <i>Перевод С. Аксеновой</i>	108
«Голос воды серебрист во мгле...» <i>Перевод С. Аксеновой</i>	109
«Я теперь, как медленная река...» <i>Перевод С. Аксеновой</i>	109

Толеген Кажыбаев

Чапан моего деда. <i>Перевод Вл. Гундарева</i>	110
«Берёза, старая берёза...» <i>Перевод Вл. Гундарева</i>	112
«Когда стучится нищий в дверь мою...» <i>Перевод Вл. Гундарева</i>	113
«Всё проходит в этом мире, всё проходит...» <i>Перевод Вл. Гундарева</i>	114
«Друг другу причиняем боль легко и мимоходом...» <i>Перевод Вл. Гундарева</i>	114

Татьяна Фроловская

«Загуляли листья с самой ранней рани...».....	116
Родина.....	116
«Когда супостат приползёт на коленях...».....	117
«Кровавым варваром с бескровным интеллектом...».....	117
Фисгармония.....	118

Акуштап Бахтыргереева

«Здесь сила есть и у песка...» <i>Перевод Вл. Савельева</i>	120
«Я — как Жайык, в котором всплеск сазана...» <i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	120

Ива. Перевод Т. Кузовлевой.....	121
Скажи Жайыку. Перевод Р. Тамириной.....	121
Дикий жеребенок. Перевод Вл. Савельева.....	122
Зимняя ночь. Перевод Вл. Савельева.....	123

Жаркен Бодешев

Путешествие. Перевод О. Жанайдарова.....	125
«Под горою заходит огромное солнце...» Перевод О. Жанайдарова.....	127

Темирхан Медетбек

Высотные дома. Перевод А. Шмидта.....	128
Ночные огни. Перевод А. Шмидта.....	129
При тридцати шести. Перевод А. Шмидта.....	130
Где моё сердце? Перевод А. Шмидта.....	130
Фотография на память. Перевод А. Шмидта.....	132

Каирбек Асанов

Честь. Перевод Н. Черновой.....	134
Тоска по аулу. Перевод Н. Черновой.....	134
Красивая песнь. Перевод Н. Черновой.....	135
Мера. Перевод Н. Черновой.....	136

Куляш Ахметова

Алтыбакан. Перевод Н. Черновой.....	138
Песня сожаления. Перевод Н. Черновой.....	139
Молитва. Перевод Н. Черновой.....	140
Мироздание. Перевод Н. Черновой.....	141

Шумишбай Сариев

Степь и гора. Перевод А. Князева.....	144
Предложение. Перевод В. Краснопольского.....	145
«Он стоял, опираясь на костыли...» Перевод О. Постникова.....	146
Гнездо на балконе. Перевод Г. Калашникова.....	147
Степные скакуны. Перевод В. Шленского.....	148
«Что в этом мире вечном не загадка?..» Перевод Б. Пчелинцева.....	148
Песня. Перевод Н. Черновой.....	149

Валерий Михайлов

«В черешневом саду, под липой золотой...»	151
«Брести ль по воде, аки по суху вещею смысла...»	151
«Как во поле, в чистом поле...»	152
Храм	153
«Словно Божьими мыслями млечными...»	154
Звон	154
«На жизнь растянлось прощание с жизнью земной...»	155
«Вот Ангел, свивающий небо в дымящийся свиток...»	155
«По-над миром душа пролетела...»	156

Лидия Степанова

Утро	157
«Я когда-то сюда...»	157
«Стихиям доверяюсь, забыв о рассудке...»	158
«Лужайка и откос...»	158
«И жизнь приесться может, говорят...»	159
Отец и мать	159
«У тех, кто молится ночами...»	160
«Давно ли, от грешного тела...»	160

Нурлан Оразалин

«Моя заветная мечта...» <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	162
«Кровь пролита. Душа и разум в шоке...» <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	162
«Жестокий век! Страдание моё...» <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	163
«Холодный ветер Жёлтоксана...» <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	164
Возвращение к Абаю. <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	165
«Сын Земли, я смотрю на Восток и на Запад...» <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	166
«Грустил и смеялся...» <i>Перевод К. Бакбергенова</i>	166
«Я с детства о тебе, Поэзия, мечтал...» <i>Перевод К. Бакбергенова</i>	167
«Мир уже на краю безысходности...» <i>Перевод К. Бакбергенова</i>	168

Татьяна Васильченко

Нежность	169
Дом	169

Апрель.....	170
«Весны ручейки и потоки...».....	170
«Из такого далека...».....	171
Душа.....	171

Амантай Ахетов

Я – казах.....	172
Корни древнего родства.....	174
У мавзолея Ходжи Ахмеда Яссауи.....	175

Надежда Чернова

Дикарка.....	177
В песках.....	180

Даутали Стамбеков

Волчонок. <i>Перевод О. Жанайдарова</i>	184
Баллада о домбре. <i>Перевод О. Жанайдарова</i>	184
Кони гуннов. <i>Перевод О. Жанайдарова</i>	186

Жараскан Абдрашев

Я – сын степей. <i>Перевод Г. Космынина</i>	188
О коне. <i>Перевод М. Румянцевой</i>	192
Слова мудреца. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	192

Жадыра Дарибаева

«Мой дед молился день и ночь...» <i>Перевод Н. Черновой</i>	194
«Мой дед, молясь и слыша голос горний...» <i>Перевод Н. Черновой</i>	195

Ибрагим Иса

Тебе. <i>Перевод А. Жовтиса</i>	198
Девушка с нашей улицы. <i>Перевод Н. Локишиной</i>	198
Пустыня. Зной. <i>Перевод В. Топорова</i>	200

Серик Аксункарулы

Хиросима. <i>Перевод С. Шакинова</i>	202
Помпеи. <i>Перевод С. Шакинова</i>	202
Волчий монолог. <i>Перевод автора</i>	203

Несипбек Айтулы

Чёрная тетрадь. <i>Перевод С. Макарова</i>	205
Ночной перелёт журавлей. <i>Перевод С. Макарова</i>	206
Мне приснился жеребёнок... <i>Перевод С. Макарова</i>	207

Турсунай Оразбаева

«Сегодня народ мой, как молодость, светел...»	
<i>Перевод Т. Кузовлевой</i>	209
«Нет у меня печалей Ак-Баян...» <i>Перевод Н. Черновой</i>	209
Влюблённые. <i>Перевод И. Бадалбейли</i>	210
Монолог Манат. <i>Перевод Л. Шашковой</i>	211
Сестра моя берёза. <i>Перевод Я. Козловского</i>	212

Ольга Григорьева

«Ты подойди к окошку светлому...».....	214
«Становится всё приземлённым, пошлым...».....	214
Золушка.....	215
«Что-то холодать стало...».....	215
«Ах, как освежает...».....	215
Заговор.....	216
По дороге в Дамаск.....	216

Гасане Хаджисулейман

Под небом. <i>Перевод с курдского Т. Васильченко</i>	217
Хлеб. <i>Перевод с курдского Т. Васильченко</i>	217
Родник. <i>Перевод с курдского Т. Васильченко</i>	218
Из-за тебя. <i>Перевод с курдского Т. Васильченко</i>	218

Бахытжан Канაпыянов

Старая Алма-Ата.....	220
«Не завидуй ближнему...».....	220
Земная баллада о космосе.....	221
Гусь над городом.....	222
«И комната, и среди ночи ты...».....	222
Гомер и эпос.....	223
Плывут облака.....	223
Долина.....	224
К Абаю.....	225

Акылбек Шаяхмет

Элегия. <i>Перевод Б. Пчелинцева</i>	226
День рождения. <i>Перевод В. Корытного</i>	226
«По степи измученной моей...» <i>Перевод Н. Черновой</i>	227
Ангел и дьявол. <i>Перевод Б. Лукпанова</i>	228

Любовь Шашкова

Звезда болот.....	230
В Вишнёвку.....	232
Степь.....	233

Орынбай Жанайдаров

Поэты живут на Луне	235
Вариации на тему Г. Апполинера «Мост Мирабо»	236
Модильяни — Ахматова.....	237
Брюки, колесо, стремена.....	237

Катира Жаленова

Тебя ждала. <i>Перевод Л. Шашковой</i>	238
Белые цветы. <i>Перевод Л. Шашковой</i>	239
Лето прошло... <i>Перевод Л. Степановой</i>	239
Голубые напевы. <i>Перевод Н. Черновой</i>	240

Зинаида Чумакова

Шашу.....	241
Станцуй мне танец горного орла	241
Три вершины	242

Бахыт Каирбеков

«Тебе дарован дар дарить, как бог, улыбки!..»	243
«Моя любовь к тебе — хрустальная капель...»	243
«Неприбранным останется осенний сад...»	244
«Нам надо бы друг к другу относиться...»	244
Маме	244
«Он будет грустен, этот вечер...»	245
«Чтоб все сказать — не надо много слов...»	245
«Прикоснуться — напомнить, навеять...»	246
«Стучится дождь по жести крыш...»	247
Вначале было Слово	247

Кайрат Бакбергенов

Пугало	249
Кочевье	249
Ночь	250
Колыбельная.....	250

Улыкбек Есдаулетов

Из цикла «Песнь листьев». <i>Перевод Л. Степановой</i>	251
Судьба поэтов. <i>Перевод Д. Новикова</i>	254
Степь. <i>Перевод Н. Черновой</i>	254
Красная пшеница. <i>Перевод А. Ткаченко</i>	255
Природа. <i>Перевод А. Ткаченко</i>	255
Запах полыни. <i>Перевод Р. Бухараева</i>	255

Байбота Кошым-Ногай

«Я подобен жуку скарабею...» <i>Перевод В. Артемова</i>	257
Думы в Отраре. <i>Перевод В. Артемова</i>	258
Охота с беркутом. <i>Перевод В. Артемова</i>	259

Нургас Исабаев

Утро. <i>Перевод К. Сеитовой</i>	262
Воспоминание о лете. <i>Перевод К. Сеитовой</i>	262
Почтовый ящик. <i>Перевод К. Сеитовой</i>	263
«Распахнута всегда моя душа!..» <i>Перевод Б. Когана</i>	263

Габиден Кулахметов

Мой отец и белый конь. <i>Перевод О. Жанайдарова</i>	265
Одинокая колыбель. <i>Перевод О. Жанайдарова</i>	266
Дорога, утолившая жажду и тоску. <i>Перевод О. Жанайдарова</i>	268

Адилгазы Кайырбеков

За голубыми миражами миражи... <i>Перевод А. Атабека</i>	270
«Горят два сердца, две звезды...» <i>Перевод А. Атабека</i>	271
«Ты пишешь, что приехала в аул...» <i>Перевод А. Тер-Акопян</i>	271

Болат Усенбаев

Перстень. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	272
Аул. Ночь. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	272

«Млечный Путь... Не твой платок ли в небе надо мною?»	
<i>Перевод Т. Васильченко</i>	273
Светлый луч, сиянье света. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	273
Есенгали Раушанов	
Камни Мангистау. <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	275
Клятва Алдаш-батыра. <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	277
Девушке-домбристке. <i>Перевод Б. Каирбекова</i>	278
Ауэзхан Кодар	
В Париже.....	280
Двуязычие.....	282
Золотая Орда.....	283
Станислав Ли	
«Кленовые листья...».....	285
«На февральском ветру...»	285
«Живу уединившись...»	285
«Над тихой, сонной речкой...»	286
«День ото дня...»	286
«Думы о маме...»	286
«Смелей, малыш, бери!..»	286
«Белое облачко...»	287
«На бахче...»	287
«В ущелье...»	287
Баян Бекетова	
Аул. Мама. Осень. <i>Перевод Н. Черновой</i>	288
Не любить и любить тебя. <i>Перевод Н. Черновой</i>	289
Белая снежинка. <i>Перевод Л. Шашковой</i>	290
Казыбек Иса	
Одинокий домик в бескрайней пустыне.	
<i>Перевод А. Кодара</i>	292
Стихи о счастье. <i>Перевод А. Кодара</i>	294
Возвращение в аул. <i>Перевод А. Кодара</i>	294
Кадырбек Куньшияулы	
Сила музыки. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	297

Моя жизнь — борьба. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	297
Цвета осени. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	298
Фотография отца. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	298
Лишь закрою глаза. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	299

Бауыржан Жакып

Дворник. <i>Перевод Н. Черновой</i>	301
Бабушкино веретено. <i>Перевод Н. Черновой</i>	301
Летний дождь. <i>Перевод Н. Черновой</i>	302
Джайляу. <i>Перевод Н. Черновой</i>	303

Дукен Масимханулы

Монолог Хан Тенгри. <i>Перевод А. Ахетова</i>	304
Гнедо жеребец, хромой баран и человек. <i>Перевод А. Ахетова</i>	305

Римма Артемьева

Припевочка	308
Ой, да на Красну Горку	308
Парни ходят вокруг горы.....	309
Ой, хозяин да молодой	309
Под Иванов да Купалы День	310
Купальская песня.....	310

Гульнара Аутова

Река времён. <i>Перевод с уйгурского К. Бакбергенова</i>	312
Осень. <i>Перевод с уйгурского К. Бакбергенова</i>	312
Книга осени. <i>Перевод с уйгурского К. Бакбергенова</i>	313
Соловей. <i>Перевод с уйгурского К. Бакбергенова</i>	313
Размышления о человеке. <i>Перевод с уйгурского К. Бакбергенова</i>	314

Жанат Аскербеккызы

Песня зятя-сапожника. <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	316
Судьба каменных идолов. <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	316
Зимний аул. <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	317
Алтайская легенда о шести девушках. <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	318
Век на крыльях гусей. Коркыт. <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	318
«К безысходности привыкаю...» <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	319

Сергей Комов

Журавли летят над Бухтармою.....	321
Река и ветер.....	321
Песня.....	322
Вера твоя.....	323
Валентин.....	323
«Черновик лежит, как прорубь».....	324

Маралтай Райымбекулы

В поддержку Магомету. <i>Перевод Н. Черновой</i>	325
Кентавр. <i>Перевод Н. Черновой</i>	325
Пока живём. <i>Перевод Н. Черновой</i>	327
Автопортрет. <i>Перевод Н. Черновой</i>	328
Прощание с землёй. <i>Перевод Н. Черновой</i>	329
Луна. <i>Перевод Н. Черновой</i>	330
Натюрморт. <i>Перевод Н. Черновой</i>	331

Елена Тикунова

Колыбельная.....	332
Уходящему ангелу.....	332
Встреча.....	332
Письмо Золушки.....	333
«Середина лета — это гвоздик...».....	333
Художник.....	334

Даурен Бериккажыулы

«Влюблённым быть — я знаю, это значит...» <i>Перевод Н. Переяслова</i>	335
Не несите роз мне на могилу. <i>Перевод Н. Переяслова</i>	335
«Не земля, а скорее — морское дно...» <i>Перевод Н. Переяслова</i>	336

Алибек Шегебаев

Сердце. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	337
Слово об экологии. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	338
«По небу мчатся над аулом облака!..» <i>Перевод Т. Васильченко</i>	339

Даулет Керей

Там, где я уступаю. <i>Перевод Е. Хасенова</i>	341
--	-----

Анатолийская ночь. <i>Перевод Е. Хасенова</i>	342
Млечные сумерки. <i>Перевод Е. Хасенова</i>	343
Перелетная птица. <i>Перевод Е. Хасенова</i>	344

Саят Камшигер

Время. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	345
Признание. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	345
«Пока ты жила...» <i>Перевод Т. Васильченко</i>	346
Супруге. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	347
Я скучаю по весне. <i>Перевод Т. Васильченко</i>	347

Танакоз Толкынкызы

Без пристанища. <i>Перевод Н. Переяглова</i>	349
«Я не лавина, что летит по склону...» <i>Перевод Н. Переяглова</i>	349
«Наш мир умрёт без жёлтого огня...» <i>Перевод Н. Переяглова</i>	350
«Все нервы — в ключья! Я едва очнулась...» <i>Перевод Н. Переяглова</i>	350
«Я знаю: пускай выше гор — небеса...» <i>Перевод Н. Переяглова</i>	351

РЫДАЙ, ДОВЕРЧИВАЯ ДОМБРА!..

Поэмы

Дюсенбек Накипов. Горчицная осень. <i>Отрывки из поэмы</i>	355
Иранбек Оразбаев. Заклятие Коркута. <i>Перевод В. Михайлова</i>	361
Галым Жайлыбай. Белый ситец («Ак сиса») <i>Перевод С. Мнацаканяна</i>	405
ОБ АВТОРАХ	425

ДОРОГ НЕБЕСНЫХ ВЕХИ
Независимый Казахстан:
Антология современной литературы в трёх томах
Том 3
ЖЕМЧУЖНАЯ ПОЭЗИЯ

Руководитель проекта
К. Н. Келимбетов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Руководитель *Г. В. Пряхин*

Зам. руководителя *Р. М. Маженкызы*

Редактор *Д. Г. Пряхина*

Художественный редактор *Т. Ф. Погудина*

Корректор *Т. В. Зиновьева*

Компьютерная вёрстка *А. О. Муравенко*

Ответственная за выпуск *Н. И. Базанова*

Подписано в печать 27.08.2013 г.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,06. Уч.-изд. л. 22,85.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Ордена Трудового Красного Знамени государственное
издательство «Художественная литература»
107996, Москва, Новая Басманная ул., 19.
E-mail: realisihl@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов

ISBN 978-5-280-03641-3

9 785280 036413 >